

В 63
216

В О Е Н Н О Е   Д Е Л О Н О М А Д О В   Ц Е Н Т Р А Л Ь Н О Й   А З И И В   С Я Н Ь Б И Й С К У Ю   Э П О Х У

Новосибирск
2005

65

6

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА «ИНТЕГРАЦИЯ»
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Совместный сибиреведческий учебно-научный центр
по специальностям «Археология» и «Этнография»

**ВОЕННОЕ ДЕЛО НОМАДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ В СЯНЬБИЙСКУЮ ЭПОХУ**

Сборник научных трудов

Новосибирск
2005

УДК 930. 26+571

ББК: Т4 (2) 451

Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху: сборник научных трудов / Под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева: Новосибир. гос. ун-т: Новосибирск, 2005. 232 с.

ISBN 5-94356-254-0

В сборнике научных статей представлены материалы по наступательному и защитному вооружению кочевников Центральной Азии в первой половине I тыс. н. э. Для анализа привлечены и введены в научный оборот вещественные и изобразительные источники из археологических памятников, относящихся к сяньбийской культуре и другим кочевническим культурам, испытавшим влияние сяньбийцев в военной области. Рассмотрены предметы вооружения и изображения воинов из археологических комплексов, изученных на территории государственных образований, созданных сяньбийцами в северном Китае. Проведен сравнительный анализ комплексов вооружения кочевых племен, живших в первой половине I тыс. н. э. в Саяно-Алтае. Дана оценка роли и значения сяньбийского периода в истории войн и военного искусства в кочевом мире степного пояса Евразии.

Сборник рассчитан на специалистов в области военной истории, оружейников, археологов и всех интересующихся боевым прошлым народов Центральной Азии.

Работа выполнена по гранту РГНФ № 04-01-00535а.

ISBN 5-94356-254-0

© Новосибирский государственный университет, 2005 г.

© Коллектив авторов, 2005 г.

© Л. А. Бобров, дизайн обложки,
... 2005 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	4
<i>Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа</i> Новые материалы по оружию дистанционного боя сяньби.....	7
<i>Худяков Ю. С.</i> Вооружение центрально-азиатских номадов в II–V вв. н. э.	19
<i>Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.</i> Изображения панцирных воинов на фресках Кызыла из Восточного Туркестана (по материалам исследований А. фон Ле Кока).....	56
<i>Митько О. А.</i> К вопросу о таштыкских кожаных колчанах	70
<i>Бобров Л. А., Худяков Ю. С.</i> Военное дело сяньбийских государств северного Китая IV–VI вв. н. э.	80
<i>Горбунов В. В.</i> Сяньбийский доспех	201
<i>Скобелев С. Г.</i> Предметы оружия дальнего боя из могильника Чегерак	225

Введение

В течение последних трех десятилетий изучение военного дела древнего и средневекового населения Сибири и Центральной Азии является одним из приоритетных направлений в сибирской археологической науке. К настоящему времени проанализировано и охарактеризовано вооружение и военное искусство населения Южной и Западной Сибири, Центральной Азии в периоды раннего и развитого бронзового века. Исследовано военное дело кочевников скифского времени в Минусинской котловине, Горном и Степном Алтае. Наибольшее внимание уделялось исследователями изучению комплексов вооружения и особенностям военного искусства кочевников хуннского времени, раннего и развитого средневековья в центрально-азиатском историко-культурном регионе. Подробно проанализированы, классифицированы и введены в научный оборот комплексы вооружения и реконструированы характерные особенности военного искусства хуннов, древних тюрок, уйгуров, енисейских кыргызов, кимаков, киданей, монголов и других кочевых этносов и культур Южной Сибири и Центральной Азии. Монографически исследовано вооружение средневекового населения таежной зоны Западной Сибири, мохэ и чжурчженей Дальнего Востока. В последние годы активно исследуется военное дело центрально-азиатских номадов эпохи позднего средневековья. Для определения функциональных свойств ручного метательного оружия и защитного вооружения используются современные методы естественных наук, реконструкции доспехов и поражающих средств [1, с. 6].

Однако военное дело кочевых этносов и культур Центрально-Азиатского историко-культурного региона изучено неравномерно. Это обусловлено недостаточной изученностью или недоступностью для российских специалистов материалов из археологических раскопок и музейных коллекций в соседних азиатских странах.

Одной из наиболее актуальных для дальнейшего развития оружейведения научных тем в настоящее время является изучение военного дела сяньбийцев и центрально-азиатских номадов в период их военного господства в рассматриваемом регионе. Важность данной темы обусловлена большой ролью, которую сыграли сяньбийцы в развитии тяжеловооруженной панцирной конницы, как особого рода войск, в кочевом мире в течение первой половины I тыс. н. э. Сяньбийцы способствовали широкому распространению наиболее совершенных для своего времени видов наступательного оружия ближнего боя, защитного вооружения и конского снаряжения. Исследование военного дела сяньбийцев в течение длительного времени сдерживалось недостаточной изученностью и недоступно-

стью материалов археологической культуры сяньби для российских специалистов, археологов и оружейников.

Первые попытки отнести к сяньбийской культуре на территории Забайкалья и Монголии отдельные памятники, датирующиеся концом I тыс. до н. э. – началом I тыс. н. э., отличающиеся по некоторым признакам от типичных хуннских комплексов, были неудачными.

Положение изменилось после того, как российским исследователям стали доступны археологические материалы из сяньбийских памятников, исследованных китайскими археологами на территории Внутренней Монголии и Южной Маньчжурии. В составе сопроводительного инвентаря этих памятников были разнообразные предметы наступательного и защитного вооружения. В последние годы комплексы сяньбийской культуры были выделены Е. В. Ковычевым и О. А. Яремчук на территории Восточного Забайкалья [5, с. 69].

Изучение оружия из сяньбийских памятников позволило не только охарактеризовать комплекс вооружения сяньби, но и проследить особенности влияния господствующего этноса на другие вассальные кочевые племена в области военного дела. Отдельные сведения о находках сяньбийских стрел и деталей защитного доспеха приведены в книге М. В. Воробьева [2, с. 223]. Особенности защитного доспеха сяньбийцев на материалах иконографии и археологии были рассмотрены М. В. Гореликом [4, с. 151, 159]. Анализ комплекса боевых средств, защитного вооружения и наступательного оружия проведен в работах Ю. С. Худякова и Юй Су-Хуа [9, с. 38–41]. Некоторые материалы из сяньбийских памятников, относящихся к панцирям и шлемам рассмотрены в работе К. И. Реца и Юй Су-Хуа [7, с. 49–50]. В этих трудах введен в научный оборот основной массив вещественных и частично иконографических источников о разных видах оружия, применявшихся сяньбийскими воинами в период военной гегемонии Сяньбийской державы в кочевом мире.

На основе исследования этих материалов были предприняты попытки выделить «сяньбийскую традицию» в изготовлении деталей защитных доспехов в кочевнических культурах Алтая [3, с. 53].

Задаче дальнейшего изучения военного дела сяньбийцев и других кочевых народов, обитавших на территории Центральной Азии и Саяно-Алтая в первой половине I тыс. н. э. посвящен настоящий сборник статей. В публикуемых статьях вводятся в научный оборот новые, не привлекавшиеся ранее материалы по вооружению дистанционного боя из раскопанных китайскими учеными памятников сяньбийской культуры с территории северо-восточного Китая, на основании которых появилась возможность более полно и всесторонне оценить роль и значение лука и стрел в составе комплекса вооружения сяньбийских воинов. Важным источником по военному делу сяньбийской эпохи являются иконографические материалы с территории северных китайских государств, во главе которых во второй четверти I тыс. н. э. находились династии сяньбийского происхождения,

придерживавшиеся традиций сяньбийской военной культуры вплоть до V в. н. э. Использование этих материалов существенно расширяет круг источников по военной истории и оружейведению сяньбийской эпохи. Одним из регионов, на территории которого культуры и вооружение кочевников первой половины I тыс. н. э. исследованы наиболее основательно, является Саяно-Алтай. Характеристика военного дела кочевников, носителей культур этого периода, ранее неоднократно привлекала внимание оружейников [8, с. 63–135]. Введение в научный оборот новых данных по вооружению и военному искусству кочевников Южной Сибири II–V вв. н. э. и проведение сравнительного анализа этих данных с комплексом боевых средств сяньби откроет возможность для всесторонней оценки особенностей развития военного дела у разных этнических групп кочевого населения данного района и выявления степени сяньбийского влияния в военной сфере жизнедеятельности. В ряде статей анализируются и вводятся в научный оборот новые материалы по военному делу кочевников сяньбийской эпохи. Публикация этих данных имеет важное значение для восполнения имеющихся пробелов по военной истории кочевого мира Центральной Азии.

Приложения

1. *Ведерников Ю. А., Худяков Ю. С., Омелаев А. И.* Баллистика от стрел до ракет. Новосибирск, 1995.
2. *Воробьев М. В.* Маньчжурия и восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток, 1994.
3. *Горбунов В. В.* Военное дело населения Алтая в III – XIV вв. Ч. I. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003.
4. *Горелик М. В.* Защитное вооружение степной зоны Евразии и прилегающих к ней территорий в I тыс. н. э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.
5. *Ковычев Е. В., Яремчук О. А.* Погребальный обряд могильника Зоргол-1 // Население древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Материалы региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Новосибирск, 2000. Т. III.
6. *Коробейников С. Н., Худяков Ю. С.* Анализ функциональных свойств защитного вооружения кочевников Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4.
7. *Рец К. И., Юй Су-Хуа.* К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999.
8. *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
9. *Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа.* Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2000. № 5. ....

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ОРУЖИЮ ДИСТАНЦИОННОГО БОЯ СЯНЬБИ*

В военной истории кочевых народов Центральной Азии в первой половине I тыс. н. э. играли важную роль монголоязычные племена, известные в китайских источниках под названием сяньбэй (сяньби), относящиеся к одному из ответвлений древних номадов дунху.

Постепенное усиление племен сяньби в I–II вв. н. э. произошло в период ослабления, острого кризиса и междоусобиц в Хуннской державе, объединявшей в течение предшествующих столетий все кочевые племена центрально-азиатского региона под властью хуннских шаньюев. Раскол хуннского объединения в 48 г. н. э. на две орды, северных и южных хуннов, и ожесточенная борьба их правителей за верховную власть, ослабили военные силы и отвлекли внимание хуннских правителей от бывших вассалов, среди которых были сяньбийцы. В конце I в. н. э. северные хунны, населявшие степи Монголии и Забайкалья, настолько ослабли, что от них отпали вассальные племена, а сами они подверглись нападению врагов со всех сторон. «Южные кочевья нападали на них спереди, динлины совершали набеги сзади, сяньбийцы нападали с левой, а владения Западного края с правой стороны» [6, с. 80]. После серии поражений коалиция кочевых племен, среди которых были и сяньбийцы, вынудила часть северных хуннов уйти с мест своего прежнего обитания в отдаленные земли. В 87 г. н. э. под ударами сяньбийцев и ухуаней 58 кочевий северных хуннов были вынуждены бежать в китайские пограничные округа, под защиту ханьских войск. После этого переселения «северная ставка пришла в полное расстройство» [6, с. 81]. В начале II в. н. э. северные хунны под давлением своих противников были вынуждены мигрировать в Западный край. «Оставшиеся роды хуннов, простиравшиеся до 100 000 кибиток, сами приняли народное название сяньби» [1, с. 150–151]. Включение в состав сяньбийского объединения большой массы хуннского кочевого населения, жившего в степях Монголии и Забайкалья, значительно усилило сяньбийцев. В первой половине II в. н. э. сяньбийские старейшины признавали свою вассальную зависимость от Китая. В середине II в. н. э. все сяньбийские племена были объединены вождем Таньшихуаем в единую, могущественную военную державу. Ему подчинились все сяньбийские

---

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 04-01-00535

старейшины восточных и западных кочевий. Таньшихуай вел активную завоевательную политику и сумел подчинить все кочевые племена, входившие ранее в состав хуннской державы. На юге он грабил земли вдоль китайской пограничной линии, на севере отразил динлинов, на востоке принудил отступить владение Фууюй, на западе напал на усуней и «овладел всеми бывшими сюннскими землями, которые тянулись с востока на запад более, чем на 14 тысяч ли» [7, с. 75]. Сяньбийцы смогли подчинить все кочевые племена, входившие в прошлом в состав державы Хунну, вплоть до Алтая и Тянь-Шаня. «Все старейшины подчинялись Таньшихуаю» [7, с. 44]. Хотя после смерти вождя сяньбийская держава вошла в полосу междоусобиц, в III в. она была вновь объединена вождем Кэбинэном. После его устранения в результате заговора сяньбийское объединение окончательно разделилось на отдельные племена. Сяньбийские кочевья «рассеялись, стали нападать одно на другое» [7, с. 83].

Причины военных успехов сяньбийцев во II–III вв. н. э. заключались во владении превосходным оружием и таланте вождей, умевших побеждать своих противников. Китайские наблюдатели отмечали, что у сяньбийцев «более острое оружие и более быстрые кони, чем у сюнну» [7, с. 78].

До недавнего времени оружие сяньбийцев оставалось практически не известным российским специалистам, поскольку памятники культуры этого народа на территории Центральной Азии не были выделены.

Первые попытки определения некоторых памятников в качестве сяньбийских на территории Монголии и Забайкалья были неудачными. В настоящее время в Восточном Забайкалье определены комплексы, которые могут относиться к одному из вариантов сяньбийской культуры [4, с. 69]. Однако оружие из этих памятников пока не введено в научный оборот.

Основные, известные к настоящему времени памятники культуры сяньби сосредоточены на территории Внутренней Монголии и Южной Маньчжурии. Они исследованы китайскими учеными. В этих памятниках обнаружено значительное количество предметов вооружения.

Сведения о находках железных стрел и панцирных пластин из сяньбийских памятников Лаохэшэнь и Чжалайнор приведены в книге М. В. Воробьева [2, с. 223–224]. Панцирная пластина из Лаохэшэня была опубликована в статье М. В. Горелика о защитном вооружении народов Центральной Азии [3, рис. 1, 2]. Некоторые сведения о сяньбийских панцирях и шлемах по находкам в могильниках Лаохэшэнь и Иминь II приведены в работе К. И. Реца и Юй Су-Хуа [5, с. 48–50]. Вооружению сяньбийских воинов посвящен ряд публикаций авторов настоящей статьи. В статье, изданной в 1999 г. охарактеризован комплекс вооружения сяньбийского воина [10, с. 142–144]. Основные виды наступательного оружия дистанционного, ближнего боя и средства защиты, находившиеся на вооружении у сяньбийских воинов были проанализированы и классифициро-

ваны в статье, посвященной изучению комплекса боевых средств сяньби [12, с. 37–48]. В другой работе был дан анализ реконструкции доспеха сяньбийских панцирных всадников [13, с. 136–138]. Были классифицированы сяньбийские наконечники стрел и проведен сравнительный анализ сяньбийского оружия дистанционного боя со стрелами других кочевых этносов [14, с. 167–168].

Введение в научный оборот находок предметов вооружения из раскопок сяньбийских памятников в северо-восточном Китае позволили оценить комплекс вооружения и уровень военного дела сяньбийцев. На основании проведенного анализа было отмечено, что сяньбийский комплекс вооружения для своего времени был достаточно развитым и разнообразным. Сяньбийские воины имели возможность поражать противника в дистанционном бою. По типологическому разнообразию луков и стрел они несколько уступали хуннским стрелкам. В то же время сяньбийские панцирные всадники заметно превосходили хуннов по набору оружия ближнего боя и средствам защиты. Вероятно, в сяньбийских войсках были отряды тяжеловооруженной панцирной конницы [12, с. 41].

Вполне возможно, что превосходство в средствах ведения ближнего боя и защиты, было одной из причин военных побед сяньбийцев над хуннами в войнах в I и II вв. н. э.

В настоящее время в результате публикаций новых материалов китайских археологов из раскопок на сяньбийских памятниках в северо-восточном Китае стали доступны для анализа не привлекавшиеся ранее для анализа находки предметов вооружения, в том числе костяные накладки луков, железные и костяные наколечники стрел, костяные свистунки [16, 17, 18, 19]. Изучение этих предметов поможет составить более полное и наглядное представление о сяньбийском оружии дистанционного боя.

В публикациях китайских ученых материалов раскопок памятников Чжалайноэр, Лабудалинь и Саньдаовань приведены находки костяных накладок лука. Большая часть находок представляет собой концевые накладки; среди них преобладают узкие, длинные слабоизогнутые накладки с полуовальным или прямоугольным верхним концом и арочным вырезом для крепления петли тетивы (рис. 1, 1–5, 8–11). Одна из накладок из памятника Чжалайноэр имеет на нижнем конце пологий срез. Вероятно, в этом месте к ней приклеивалась дополнительная составная накладка (рис. 1, 1). У некоторых парных и одиночных накладок из памятников Лабудалинь и Саньдаовань ниже арочных вырезов для крепления петель тетивы имеются сквозные отверстия округлой формы (рис. 1, 4, 5, 8, 9). Вероятно, они предназначались для прикрепления накладок с помощью шпунтов к деревянным концам кибиты. Подобная система крепления концевых накладок существовала и у хуннов. Правда, у хуннских луков шпунтами скреплялись полуовальные верхние концы накладок [15, с. 44].

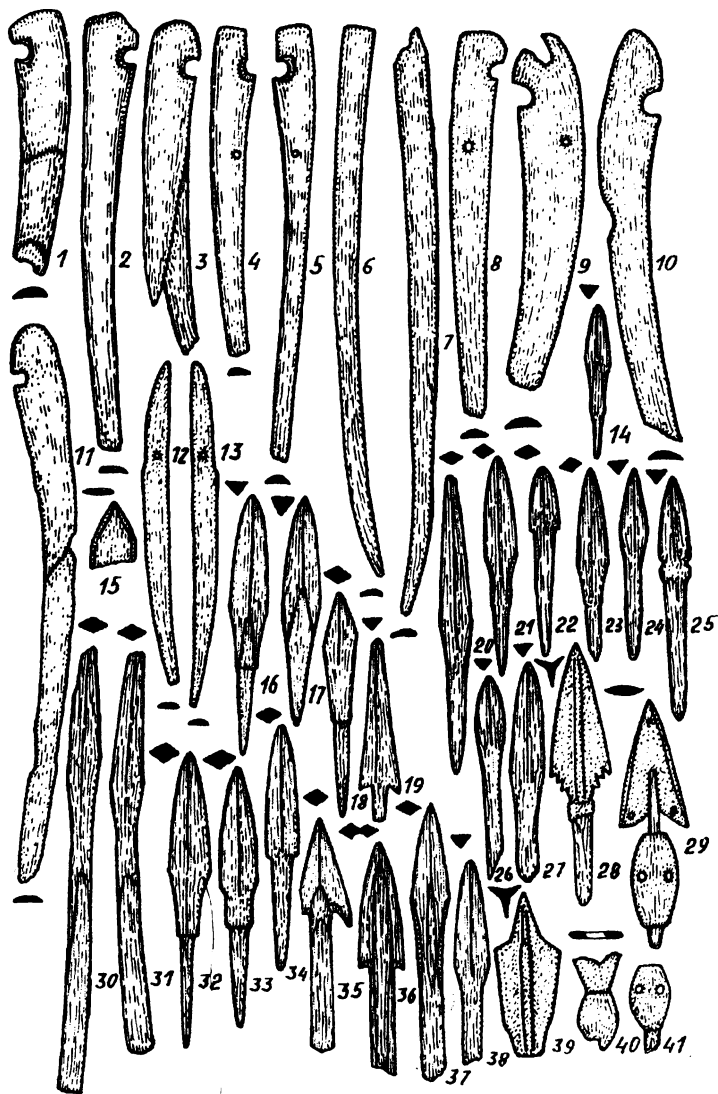

Рис. 1. Накладки луков, наконечники стрел и свистунка из памятников культуры сяньби во Внутренней Монголии и Маньчжурии:

1-13 – костяные накладки луков; 14-27, 30-38 – костяные наконечники стрел;
 28, 29, 39, 40 – железные наконечники стрел; 41 – костяная свистунка;
 1, 2, 11, 21-23 – Чжалайнор; 3-7, 12, 13, 15-20, 28-37, 39-41 – Лабудалинь;
 8-10 – Сяньдаовань; 24-27, 38 – Хоубаоши

Концевые накладки из памятника Лабудалинь показаны наложенными одна на другую. При этом верхняя накладка короче нижней и не имеет изгиба (рис. 1, 3).

Возможно, таким образом показан раздвоенный конец лука.

На памятнике Лабудалинь были найдены две парные узкие накладки со скошенными концами, небольшим уступом на плавно изогнутой стороне и сквозными округлыми отверстиями для крепления с помощью шпунта к деревянной основе кибиты (рис. 1, 12, 13).

Назначение этих накладок не вполне ясно. Возможно, это дополнительные составные части концевых накладок.

Обнаружение в исследованных китайскими учеными памятниках Чжалайноэр, Лабудалинь и Саньдаовань только концевых накладок не означает, что луки сяньбийских воинов не имели срединных накладок. Вероятно, костяные детали сложносоставных луков в этих комплексах сохранились не полностью. Найденные накладки могут относиться к одному из выделенных ранее типов сяньбийских сложносоставных луков. В могильнике Лабудалинь ранее были обнаружены луки с концевыми, срединными боковыми и срединной фронтальной накладками, а на памятнике Чжалайноэр – луки с концевыми, срединными боковыми составными и плечевыми фронтальными накладками [12, с. 38].

В материалах раскопанных памятников Чжалайноэр, Лабудалинь, Саньдаовань и Хоубаоши найдено несколько железных и значительная серия костяных наконечников стрел. По материалу изготовления они делятся на два класса: железных и костяных. По способу насада все наконечники, кроме одного относятся к отделу черешковых. Один плоский наконечник не имеет черешка или втулки. Он укреплен в древке с помощью раздвоенного держателя.

Среди железных наконечников стрел выделяется две группы по сечению пера.

Первая группа включает трехлопастные в сечении наконечники. Она подразделяется на два типа.

Тип 1. Удлиненно-ромбические, шипастые. К этому типу относится один экземпляр из памятника Лабудалинь. Наконечник с остроугольным острием, пологими плечиками с тремя шипами и упором (рис. 1, 28).

Наконечники подобной формы в других памятниках сяньбийской культуры не известны.

Тип 2. Ярусные. Включает один экземпляр из памятника Лабудалинь. Наконечник с обособленным, удлиненно-треугольным острием, широкими выступающими крыльями и пологими плечиками. Черешок обломан (рис. 1, 39).

Наконечник ярусного типа был обнаружен на могильнике Лаохэшэнь [12, с. 38].

Ко второй группе относятся наконечники с плоским в сечении пером.

Тип 1. Вильчатые. К данному типу относится один экземпляр наконечника из памятника Лабудалинь. Наконечник с вогнутым острием и полными плечиками. На черешок надет костяной полый шарик без отверстий (рис. 1, 40). Вильчатые наконечники в сяньбийских памятниках фиксировались очень редко. Они были характерны для культур монголоязычных кочевых племен, шивэй и киданей, в последующие периоды раннего и развитого средневековья [9, с. 56, 76].

Плоский наконечник без черешка относится к типу удлиненно-треугольных шипастых. Он обнаружен на памятнике Лабудалинь. Перо наконечника имеет остроугольное острие, шипы и вогнутые плечики. На острие и шипах показаны округлые отверстия, назначение которых не ясно. На древке, под наконечником, укреплен полый костяной шарик с отверстиями – свистунка (рис. 1, 29).

Данный наконечник не имеет аналогий в материалах культуры сяньби. Плоские наконечники удлиненно-треугольной формы с шипами и коротким черешком известны в комплексах культуры Хунну в Забайкалье [8, с. 33].

Коллекция железных наконечников стрел из раскопок памятника Лабудалинь невелика. Почти все наконечники относятся к редким формам, за исключением ярусного. Ярусные наконечники были известны в других сяньбийских памятниках. Однако, в наибольшей степени они были характерны для хуннского оружия дистанционного боя [8, с. 31].

В материалах раскопок китайских ученых на памятниках Чжалайноэр, Лабудалинь, и Хоубаоши обнаружена значительная коллекция костяных наконечников стрел. Все они относятся к отделу черешковых. Исключение может составлять один наконечник, основание которого обломано.

По сечению пора костяные наконечники стрел делятся на несколько групп.

К первой группе можно отнести стрелы с трехгранным сечением пера. Среди них выделяется несколько групп.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. К данному типу можно отнести 5 экземпляров из памятников Лабудалинь и Хоубаоши. Наконечники с остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. 1, 17, 24, 26, 27, 38).

Тип 2. Боеголовковые. К этому типу относится 2 экземпляра из памятников Лабудалинь и Чжалайноэр. Наконечники с выделенной остроугольной боевой головкой и короткой шейкой (рис. 1, 14, 16).

Тип 3. Удлиненно-треугольные. К данному типу можно отнести 1 экземпляр из памятника Хоубаоши. Наконечник с остроугольным острием, прямыми плечиками, выделенным упором (рис. 1, 25).

Тип 4. Удлиненно-треугольные шипастые. К данному типу относится один экземпляр из памятника Лабудалинь. Наконечник с остроугольным острием, шипами, вогнутыми плечиками (рис. 1, 19).

Ко второй группе можно отнести костяные наконечники стрел с ромбическим сечением пера. Среди них выделяется несколько типов.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. К этому типу можно отнести 5 экземпляров из памятника Лабудалинь и Чжалайноэр. Наконечники с остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. I, 20, 23, 30, 31, 37).

Тип 2. Боеголовковые. К этому типу относится 4 экземпляра из памятников Лабудалинь и Чжалайноэр. Наконечники с остроугольной выделенной боевой головкой и короткой шейкой (рис. I, 18, 21, 32, 33).

Тип 3. Удлиненно-треугольные. К этому типу могут быть отнесены 2 наконечника из памятников Лабудалинь и Чжалайноэр. Наконечники с остроугольным острием и прямыми плечиками (рис. I, 22, 34).

Тип 4. Удлиненно-треугольные, шипастые. К данному типу относится один наконечник из памятника Лабудалинь. Наконечник с остроугольным острием, шипами, вогнутыми плечиками (рис. I, 35).

К третьей группе может быть отнесен наконечник стрелы с плоским сечением пера. Он может быть выделен в самостоятельный тип.

Тип 1. Вытянуто-пятиугольные. К этому типу относится один экземпляр из памятника Лабудалинь. Наконечник с остроугольным острием и параллельными сторонами. Насад обломан (рис. I, 15).

К четвертой группе можно отнести наконечник с вогнутыми долами по двум граням пера и черешка. Он выделяется в отдельный тип наконечников.

Тип 1. Удлиненно-треугольные шипастые. К этому типу относится один экземпляр из памятника Лабудалинь. Наконечник с остроугольным острием, шипами, вогнутыми плечиками (рис. I, 36).

Рассмотренные костяные наконечники относятся, преимущественно, к наиболее распространенным типам сяньбийских стрел. Наконечники трехгранного и ромбического сечения удлиненно-ромбической боеголовковой формы были обнаружены в ходе раскопок прошлых лет на памятниках Иминь, Лабудалинь, Наньянцзяинцзы и Чжалайноэр. К числу неизвестных ранее форм можно отнести трехгранные и ромбические в сечении удлиненно-треугольные и удлиненно-треугольные шипастые наконечники, плоские вытянуто-пятиугольные и дольчатые удлиненно-треугольные шипастые стрелы. В составе изученных ранее комплексов сяньбийские костяные стрелы и с удлиненно-треугольной боевой головкой и шипастые стрелы встречались очень редко [12, с. 39]. Как показало изучение новых материалов, среди сяньбийских костяных стрел наконечники с удлиненно-треугольным пером и шипами встречаются значительно чаще, чем представлялось ранее. Спектр типологического разнообразия сяньбийских костяных наконечников стрел в результате привлечения для анализа новых материалов существенно расширился. При проведении сравнительного анализа данного комплекса с наборами костяных стрел из памятников древних и средневековых номадов, обитавших в восточных районах Цен-

тральной Азии, выясняется, что сяньбийские костяные стрелы по своему групповому и типологическому разнообразию имеют определенное сходство с наконечниками племен дунху, предков сяньбийцев. В памятниках культуры дунху в Маньчжурии были обнаружены костяные удлиненно-ромбические, удлиненно-треугольные и удлиненно-треугольные шипастые стрелы и ромбические в сечении, удлиненно-ромбические наконечники, которые были характерны и для сяньбийцев [11, с. 105]. Близкие по конфигурации костяные стрелы трехгранного и ромбического сечения удлиненно-ромбической, боеголовковой и удлиненно-треугольной шипастой формы были у шивэйских кочевников, живших в эпоху раннего средневековья в Восточном Забайкалье [9, с. 58–59]. В то же время сяньбийские костяные стрелы довольно существенно отличаются по групповому и типологическому разнообразию от хуннских наконечников. У хуннов костяные черешковые стрелы были сравнительно редки. В то же время хуннские воины широко использовали костяные стрелы с раздвоенным насадом, которые очень редко встречались у сяньбийцев [12, с. 35–36].

С набором костяных стрел, известных у дунху, некоторые экземпляры сяньбийских наконечников сближаются по такому специфическому признаку, как наличие длинных, уплощенных черешков. Такие наконечники с удлиненными черешками найдены в могильнике Пинян, который китайскими учеными отнесен к племенам дунху, и сяньбийском памятнике Лабудалинь [11, с. 105]. Хотя костяные наконечники с трехгранным и ромбическим в сечении пером удлиненно-ромбической формы в древности и средневековье были распространены очень широко во многих культурах кочевых скотоводов и охотников Северной и Центральной Азии, в свете сопоставлений материалов культур дунху, сяньби, шивэй и хунну они могут иметь определенное значение для прослеживания этнокультурных различий в традициях изготовления костяных стрел среди двух групп кочевых племен, населявших Центрально-Азиатский историко-культурный регион. Оценивая в этом аспекте сяньбийский набор костяных стрел, можно утверждать, что сяньбийцы в их изготовлении унаследовали ряд форм, характерных для дунхусской традиции и сравнительно мало типов костяных наконечников заимствовали у хуннов, своих основных и постоянных противников в борьбе за господство над кочевыми племенами Центральной Азии.

Помимо костяных стрел, в материалах могильника Лабудалинь найдено несколько полых костяных шариков-свистунок. Они имеют округлое сечение и овальную, вытянутую форму. На двух свистунках имеются небольшие округлые отверстия. Вероятно, с помощью этих отверстий стрелы со свистунками издавали в полете свист. Китайская летописная традиция приписывает изобретение свистящей стрелы самому основателю Хуннской державы, шаньюю Модэ [1, с. 46]. Однако не все костяные шарики имели

отверстия и могли издавать свист в полете. Одна из костяных «свистунок» на черешке железного плоского вильчатого наконечника из Лабудалиня не имеет отверстий (рис. 1, 40). Такая костяная деталь могла служить муфтой, скреплявшей торцевую часть древка, в которую был вставлен железный черешок стрелы. Несомненно, что роль таких муфт выполняли и свистунки с отверстиями. Обтекаемая, овальная форма свистунок дает основания предполагать, что они служили и для повышения аэродинамических свойств стрел, гася тормозящие скорость завихрения воздуха, которые образуются во время полета стрелы.

В могильнике Лабудалинь костяные свистунки были на черешках плоских наконечников разных форм (рис. 1, 29, 40). Один из наконечников не сохранился и форму его установить не удастся. От него остался только черешок и костяная свистунка (рис. 1, 41).

В исследованных ранее сяньбийских памятниках свистунки встречались достаточно редко. Они находились на черешках железных трехлопастных или плоских наконечников, в могильнике Иминь были обнаружены свистунки, изготовленные из бронзы [12, с. 39–40].

Вероятнее всего, свистунки были заимствованы сяньбийцами у хуннов, поскольку в памятниках племен дунху они не обнаружены. У хуннов костяные свистунки надевались на черешки крупных железных черешковых трехлопастных наконечников. Очень редко свистунки придавались бронзовым втульчатым трехлопастным наконечникам [8, с. 37].

Восприняв у хуннов свистунки, сяньбийцы стали помещать их на древки стрел с железными плоскими черешковыми наконечниками, которые были наиболее характерной для них группой стрел. Вероятно, свистунки, как сигнальные приспособления, придавались тем формам стрел, которыми нужно было стрелять после выстрела свистящей стрелы. У хуннов такими стрелами были трехлопастные, у сяньбийцев – плоские.

Изучение коллекции находок накладок луков, железных и костяных наконечников стрел и свистунок из памятников Лабудалинь, Саньдаовань, Хоубаоши и Чжалайноэр позволяет полнее понять и оценить роль и значение оружия дистанционного боя в военном деле сяньбийских кочевых племен.

Судя по имеющимся находкам, луки и стрелы помещали в могилы к умершим сяньбийским воинам значительно чаще, чем предметы вооружения ближнего боя и защиты. Это дает основания предполагать, что наиболее многочисленную часть сяньбийских войск составляли отряды легкой конницы, действовавшей на поле боя в рассыпном строю и поражающей противника стрелами. Сяньбийские воины применяли для стрельбы сложносоставные луки разных типов, различавшиеся по количеству, или форме накладок. В изученных новых материалах представлены только концевые

и концевые составные накладки, что не дает возможности выделить не известные ранее типы луков.

В результате проделанного классификационного анализа был существенно дополнен спектр группового и типологического разнообразия железных и костяных наконечников стрел, находившихся на вооружении у сяньбийских стрелков. Были выделены не известные ранее типы плоских железных, костяных трехгранных, ромбических, плоских и желобчатых наконечников стрел. Значительное групповое и типологическое разнообразие железных и костяных стрел, ориентированных на поражение незащищенного металлическим доспехом противника, свидетельствует о значительно большей роли дистанционного боя и легковооруженной конницы в военном деле сяньбийцев, чем это представлялось ранее (рис. 2).

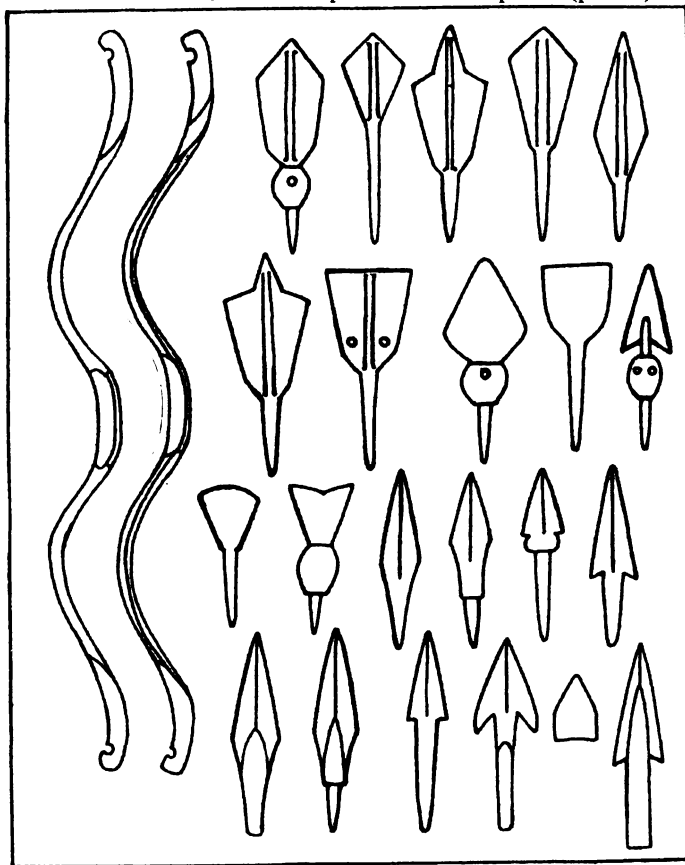

Рис. 2. Типы сяньбийского оружия дистанционного боя

Среди предметов вооружения дистанционного боя, применявшихся сяньбийским конными лучниками, имеются луки и стрелы, унаследованные от предшествующей дунхусской культурной традиции, и заимствованные у соседей и противников, хуннских кочевников.

Сяньбийские луки и стрелы стали основой для развития оружия дистанционного боя у монголоязычных кочевых народов, живших в восточных районах Центральной Азии в последующие периоды раннего и развитого средневековья.

Приложения

1. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Ч. I.
2. *Воробьев М. В.* Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времени до IX в. включительно). Владивосток, 1994.
3. *Горелик М. В.* Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н. э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.
4. *Ковычев Е. В., Яремчук О. А.* Погребальный обряд могильника Зоргол-1 // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Материалы региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Новосибирск, 2000. Т. 3.
5. *Рец К. И., Юй Су-Хуа.* К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999.
6. *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1973. Вып. 2.
7. *Таскин В. М.* Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984.
8. *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
9. *Худяков Ю. С.* Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.
10. *Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа.* Комплекс вооружения сяньбийского воина // Интеграция археологических и этнографических исследований. М.; Омск, 1999, с. 142–144.
11. *Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа.* Опыт выделения археологических комплексов племен дунху // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск, 1999. Вып. 2.
12. *Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа.* Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2000. № 5.

13. Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа. Опыт реконструкции защитного доспеха сяньбийского воина // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Археология. Этнология. Улан-Удэ, 2000. Т. I

14. Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа. Опыт классификации наконечников стрел сяньбийских воинов // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск, 2000.

15. Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю. С. Хуннское оружие дистанционного боя из могильника Эгин-гол в Северной Монголии // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 2. Вып. 3. Археология и этнография, 2003.

16. Чаохоуци Саньдаовань муди (Могильник Саньдаовань в аймаке Чаохоуци) // Нэй Мэнгу вэньу каогу вэньцзи. Пекин, 1994.

17. Чжалайнор гумуцонь 1986 нянь цинли фацзюэ баогао (Отчет о раскопках могильника Чжалайнор в 1986 г.) // Нэй Мэнгу вэньу каогу вэньцзи. Пекин, 1994.

18. Ээргунаоуци Лабудалинь сяньбэй муцоньфацзюэ цзяньбао (Краткий отчет раскопок мяньбэйского памятника Лабудалинь в аймаке Ээргунаоуци) / Нэй Мэнгу вэньу каогу вэньцзи. Пекин, 1994.

19. Ян Хуансинь. Узилинь Дааньсянь Хоубаоши муди дяоча (Изучение могильника Хоубаоши в уезде Даань провинции Цзилинь) // Каогу. 1997. № 2.

ВООРУЖЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ НОМАДОВ В II–V вв. н. э.*

В истории войн и военного искусства кочевников Центральной Азии значительный интерес представляет изучение военного дела объединений номадов, обитавших на территории данного региона в II–V вв. н. э. Этот исторический период последовал за крушением и распадом хуннской державы и уходом части кочевого населения в западные и южные районы степного пояса Евразии, положившего начало «великому переселению народов», сокрушившему древние рабовладельческие государства и ставшему рубежом нового, средневекового периода в истории человечества. В Центрально-азиатском историко-культурном регионе этот период был связан с возвышением и военным господством кочевых объединений племен сяньби и жужаней. По мнению многих ученых, эти племена относились к группе монгольских кочевых народов [9, с. 123–131]. Поэтому этот период можно считать первым выходом древних монголов на арену мировой истории. В течение II–V вв. н. э. произошли важные изменения и появились новые виды вооружения и снаряжения боевых коней, которые повысили возможности конных воинов вести активные наступательные действия в ближнем бою. Произошли изменения в структуре военной организации номадов. Появились отряды панцирной конницы и возникли новые тактические приемы ведения конного боя, которые получили свое дальнейшее развитие в эпоху средневековья.

В течение предшествующего периода в развитии военного дела кочевников, когда военное господство в Центральной Азии сохраняли хунны, определяющую роль в достижении победы в сражениях играло наступательное оружие дистанционного боя: дальнобойный хуннский сложносоставной лук и стрелы с железными трехлопастными наконечниками. Благодаря своей высокой эффективности хуннские луки получили широкое распространение во всем кочевом мире [44, с. 206–207]. Подвластными кочевыми племенами заимствовались и некоторые формы хуннских стрел с железными черешковыми трехлопастными наконечниками и костяными свистунками и с костяными наконечниками, имеющими раздвоенный насад [45, с. 44]. В то же время хуннское оружие ближнего боя и средства защиты не оказали заметного влияния и не получили распространения среди других кочевых племен Центрально-Азиатского историко-культурного региона. На развалинах объединения северных хуннов в сере-

---

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 04-01-00835 а

дине II в. н. э. выдающимся вождем Таньшихуаем была создана могущественная сяньбийская военная держава. «Все старейшины на востоке и западе поддались ему». Поэтому он «на юге грабил пограничные места, на севере остановил динлинов, на востоке отразил фууюй, на западе поразил усунь и овладел всеми землями, бывшими под державою хуннов» [2, с. 154]. Под властью Таньшихуая оказались все кочевые племена Центральной Азии, в том числе часть северных хуннов, принявших этническое название сяньбийцев. Таньшихуая избрали «великим правителем». Он разделил свои владения, простиравшиеся от земель племен Фууюй в Манчжурии до усуней на Тянь-Шане на три аймака [32, с. 144–145]. Это деление соответствовало административному делению Хуннской державы [41, с. 312]. Среди племен, испытавших влияние сяньбийской военнo-дружинной культуры, были кочевники Саяно-Алтая и Забайкалья. В памятниках улуг-хемской культуры в Туве, таштыкской культуры в Минусинской котловине, обнаружены предметы торевтики, характерные для украшений воинского пояса сяньбийцев [56, с. 165, 168]. Одним из факторов, способствовавших военным успехам сяньбийцев, было развитое военное дело. В материалах раскопок китайских археологов на памятниках, отнесенных к сяньбийской культуре, на территории Внутренней Монголии и Южной Маньчжурии обнаружены разнообразные предметы вооружения дистанционного, ближнего боя и защиты [56, с. 38–41]. Сяньбийские луки относятся к группе сложносоставных. По количеству и расположению костяных накладок на деревянной основе среди них выделяется два типа. К первому типу относятся луки с концевыми, срединными боковыми и срединной фронтальной накладкой. Концевые накладки имеют арочные вырезы для крепления петель тетивы. Срединные боковые накладки имеют скошенные концы. Срединная фронтальная накладка узкая с расширяющимися концами. Подобные костяные накладки найдены в сяньбийских могильниках Ваньгун II, Лабудалинь, Наньянцзыинцзы (рис. 1, 1, 4). Ко второму типу относятся луки с концевыми и срединными боковыми составными и плечевыми фронтальными накладками. Концевые боковые накладки у этих луков были длинными, узкими, с арочными вырезами для крепления петель тетивы. Срединные боковые накладки были длинными, со скошенными концами. Некоторые из них были составными, состоящими из двух, склеенных между собой деталей. Плечевые фронтальные накладки были длинными, узкими, сужающимися к концам. Они сохранились не полностью. Подобные луки найдены на памятнике Чжалайнор I (рис. 1, 2, 3, 5). На этом могильнике была обнаружена срединная часть деревянной основы лука с фрагментами плеч [56, с. 38], (рис. 1, 27). Судя по этим находкам, у сяньбийцев были на вооружении некоторые типы луков, применявшиеся хуннами [44, с. 26]. Однако, у них появился и новый тип луков с плечевыми накладками, не известный хуннам. Применение плече-

вых накладок должно было увеличивать рефлекторную силу плеч. Судя по размерам накладок, луки сяньбийцев имели меньший размах плеч, чем хуннские, следовательно, дистанция полета стрелы у них была короче, чем у хуннов. Поэтому требовалось усилить рефлекторную силу и повышать дальность боя лука.

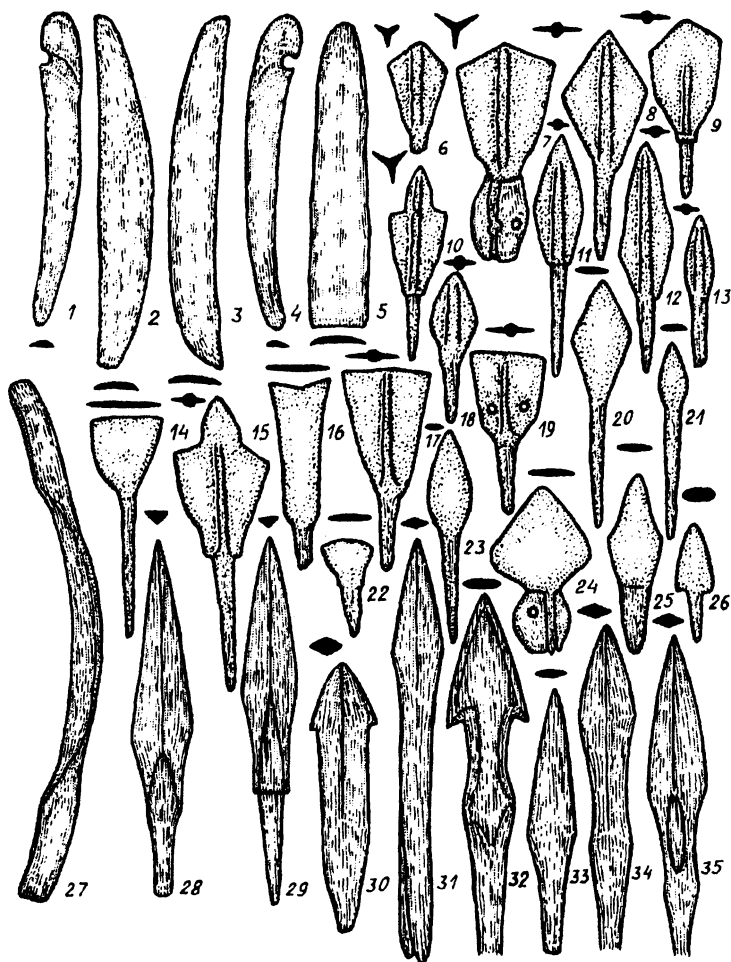

Рис. 1. Сяньбийское оружие дистанционного боя: 1–5 – накладки луков; 6–26 – железные наконечники стрел; 27 – фрагмент лука; 28–35 – костяные наконечники стрел

В наборах сяньбийских стрел преобладали железные, встречались костяные и даже архаичные каменные наконечники. Железные наконечники стрел имели черешковый насад. По сечению пера они делятся на несколько групп. К первой группе относятся наконечники с трехлопастным сечением пера. По форме пера они делятся на три типа: – наконечники с удлинненно-шестиугольным пером, тупоугольным острием и покатыми плечиками; – асимметрично-ромбические наконечники с тупоугольным острием и пологими плечиками; – ярусные наконечники с обособленным бойком, широкими крыльями и пологими плечиками. Подобные наконечники обнаружены в памятниках Иминь II и Лаохэшэнь. На одном из трехлопастных наконечников была надета костяная свистунка, с отверстиями (рис. 1. 6, 7, 10). Ко второй группе относятся двухлопастные наконечники, у которых по продольной оси пера проходит стержень-нервюра. По форме пера они делятся на 4 типа: – наконечники асимметрично-ромбической формы с тупоугольным острием и пологими плечиками; – удлинненно-ромбические наконечники с остроугольным острием и пологими плечиками; – ярусные наконечники с обособленным бойком, выступающими крыльями и пологими плечиками; – томары – наконечники с тупым острием и пологими плечиками. В лопастях пера одного из этих наконечников имеются округлые отверстия (рис. 1, 8, 9, 11, 13, 15, 17–19). Такие наконечники найдены на памятнике Лаохэшэнь. К третьей группе относятся наконечники с плоским пером. Среди них выделяется три типа: – наконечники с удлинненно-ромбическим пером, остроугольным острием и пологими плечиками; – томары – наконечники с тупым острием и округлыми плечиками; – секторные наконечники с округлым острием и пологими плечиками (рис. 1, 14, 16, 20–26). Такие наконечники найдены на памятниках Лаохэшэнь и Наньянцзяинцзы [56, с. 38–39]. В изданиях китайских ученых опубликовано еще несколько железных наконечников стрел, сведения о которых противоречивы. Поэтому они не учитываются при общей характеристике сяньбийского комплекса стрел. В памятниках, относящихся к культуре сяньби, найдены и костяные наконечники стрел. Обычно, они считаются охотничьим оружием. Однако, в памятниках кочевнических культур в Саяно-Алтае известны случаи, когда подобные наконечники находили в костях погребенных людей [6, с. 78]. Среди сяньбийских костяных стрел преобладали наконечники с черешком. В единичном случае обнаружен наконечник с раздвоенным насадом. По сечению пера черешковые наконечники стрел подразделяются на три группы. В их числе наконечники с трехгранным, ромбическим и плоским сечением пера. В составе каждой группы по два типа наконечников, один из которых имеет перо удлинненно-ромбических очертаний с остроугольным острием и покатыми плечиками, другой имеет выделенную боевую головку и удлинненную шейку (рис. 1, 28–35). Такие наконечники найдены на памятниках

сяньбийской культуры: Иминь, Лабудалинь, Наньянцзяинцзы и Чжалайноэр. Наконечник с раздвоенным насадом имеет ромбическое в сечении перо, удлинненно-ромбических очертаний с остроугольным острием и пологими плечиками (рис. 1, 31). Этот наконечник найден на памятнике Ваньгун II, относящимся к сяньбийской культуре [56, с. 39].

Набор сяньбийских железных стрел отличается значительным своеобразием. В его составе преобладают двухлопастные и плоские стрелы, рассчитанные на скоростную стрельбу на короткую дистанцию. В этом отношении он отличается от набора стрел хуннов, у которых были распространены, преимущественно, трехлопастные стрелы, ориентированные на дальность полета и точность попадания. Общими для сяньби и хуннов являются асимметрично-ромбические и ярусные трехлопастные наконечники, удлинненно-ромбические и секторные плоские стрелы [44, с. 31–33]. Однако для сяньбийцев подобные стрелы являются довольно редкими. Преобладание двухлопастных и плоских железных стрел было характерно для кочевников восточного ареала Центрально-Азиатского историко-культурного региона. Такие стрелы были характерны для племен шивэй, обитавших в Забайкалье в эпоху раннего средневековья [24, с. 102–105]. Однако спектр группового и типологического разнообразия стрел шивэйских кочевников значительно шире, чем сяньбийский набор наконечников [46, с. 54–56]. Сходство обоих наборов может свидетельствовать о том, что сяньби и шивэй принадлежали к одной этнокультурной традиции в производстве стрел. В составе сяньбийского набора представлены стрелы, предназначенные для стрельбы по незащищенному панцирем противнику. Отсутствие в составе сяньбийских стрел бронебойных наконечников трудно объяснить, поскольку у них был на вооружении высокоразвитый комплекс оружия ближнего боя и средств защиты. Возможно, это результат неполноты имеющихся данных о стрелах, известных по материалам раскопок сяньбийских памятников. Набор костяных наконечников стрел у сяньбийцев мало специфичен. В его составе преобладают трехгранные и ромбические наконечники с черешком, которые были очень широко распространены в культурах древних и средневековых кочевников и таежного населения Северной и Центральной Азии. В единичных случаях обнаружены костяные наконечники с раздвоенным насадом, которые были характерны для хуннов [26, с. 177]. Сяньбийские костяные наконечники стрел отличались не только от хуннских, но и от дунхусских ударников [55, с. 105].

Железные стрелы с трехлопастными и плоскими наконечниками иногда снабжались костяными шариками с отверстиями, служившими для того, чтобы издавать в полете пронзительный свист. Подобные свистунки у сяньбийцев использовались достаточно редко. На памятнике Иминь, кроме костяных, найдены и бронзовые свистунки [56, с. 39].

Луки и стрелы сяньбийские воины хранили и носили в горитах. Их точная форма не восстановлена, однако, понятно, что они имели два отделения, одно для лука, другое – для стрел. Для жесткости приемник горита укреплялся железными пластинами. В могильнике Лабудалинь найдены остатки горита с луком, а в боковом отделении – со стрелами. В могильнике Чжалайноэр в горите найдена часть деревянной основы лука. На памятнике Лаохэцзнь обнаружены золотые наперстки, которые, возможно, применялись для натягивания тетивы лука [56, с. 40].

Сяньбийские воины имели на вооружении различные виды оружия ближнего боя. В сяньбийских памятниках обнаружены железные мечи, палаши, кинжалы и копья. Сяньбийские мечи по сечению клинка делятся на две группы: с ромбическим и с линзовидным в сечении клинком. По форме клинка в составе каждой из них выделяется по два типа. Первый тип – мечи с длинным прямым клинком, остроугольным острием, длинной прямой рукоятью, ладьевидным или коническим перекрестьем и многочастным наборным навершием из нескольких дисковидных шайб (рис. II, 1, 2). Это были всаднические мечи, с помощью которых воины могли наносить рубящие удары по противнику, сидя верхом на коне. Второй тип – мечи с коротким прямым клинком, с остроугольным острием, без перекрестья, с прямой рукоятью с навершием из нескольких шайб или в виде расширения рукояти (рис. II, 3, 4, 11). Палаши относятся к одной группе – с трехгранным в сечении клинком, и к одному типу – с прямым однолезвийным клинком, скошенным острием, без перекрестья, с прямой рукоятью и кольцевым навершием (рис. II, 5). Палаши с длинным клинком использовались в конном ближнем бою, для нанесения ударов с коня. Короткие мечи и палаши, вероятно, применялись для нанесения колющих ударов в рукопашном бою в спешенном положении. Кинжалы относятся к группе с трехгранным в сечении клинком. Среди них выделяется два типа: – кинжалы с прямым однолезвийным клинком, без перекрестья, с прямой рукоятью и кольцевым навершием; – кинжалы со слабо изогнутым клинком, без перекрестья, с прямой рукоятью и кольцевым навершием (рис. II, 12–13). Сяньбийское клинковое оружие находит аналогии с ханьским вооружением [51, с. 402]. Его сложно сравнивать с хуннскими клинками, поскольку у хуннов известны только однолезвийные палаши [27, с. 56, 58; 37, с. 122–125]. Отличаются сяньбийские мечи и палаши и от сарматских клинков. Общим явлением в развитии клинкового оружия в культурах кочевников степного пояса Евразии в хунно-сарматское время, включая период сяньбийского военного господства, можно считать распространение мечей и палашей с длинными клинками, предназначенными для нанесения рубящих и колющих ударов с коня [43, с. 20–24]. Это значительно повысило интенсивность ближнего конного боя. Короткие мечи и однолезвийные клинки, вероятно, могли использоваться воинами в спешенном поло-

жении в рукопашном бою для нанесения колющих ударов. Однолезвийные кинжалы также могли применяться для нанесения ударов в ходе поединков на расстоянии вытянутой руки от противника.

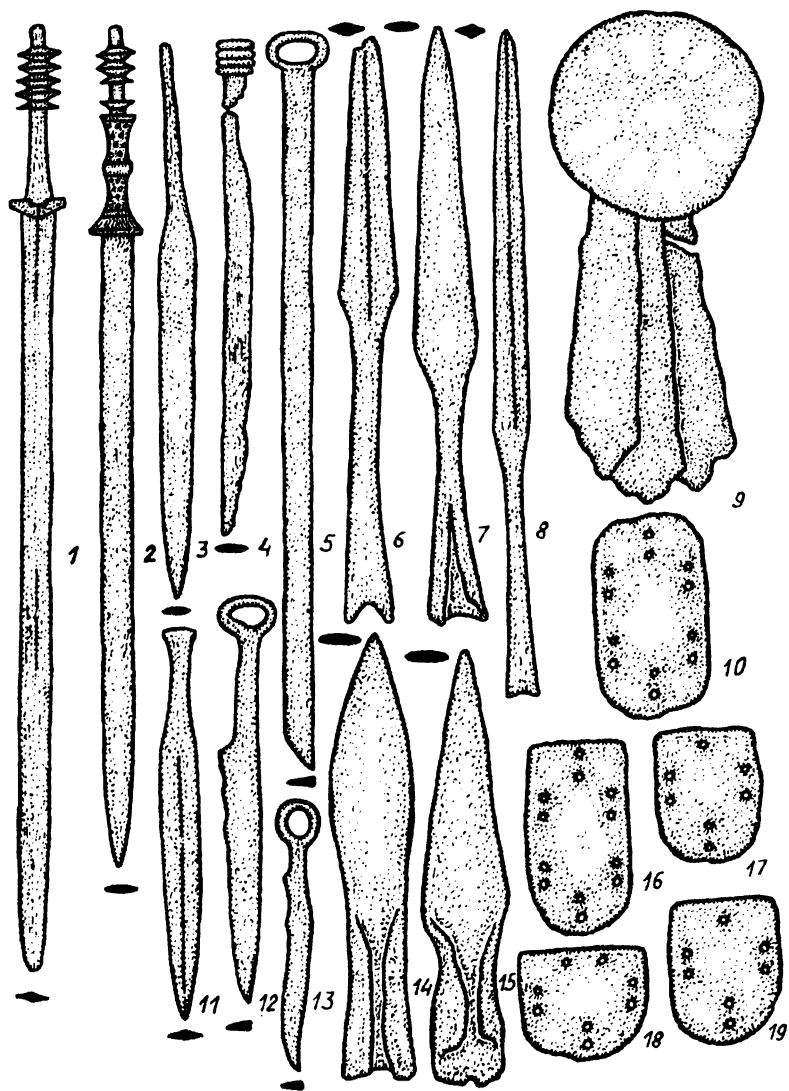

Рис. II. Святоборское оружие ближнего боя и защиты: 1-4, 11 - мечи; 5 - палаш; 6-8, 14, 15 - копья; 9 - навершие и пластины шлема; 10, 16-19 - панцирные пластины; 12, 13 - кинжалы

Копья сяньбийских воинов, по сечению пера, делятся на ромбические и линзовидные. По форме наконечника они относятся к типу удлиненно-ромбических, с остроугольным острием, вытянутым пером и покатыми плечиками [56, с. 41], (рис. II, 6–8, 14, 15). Копья с ромбическим в сечении пером применялись для нанесения таранных ударов по противнику, защищенному доспехом. Наконечники с линзовидным в сечении пером могли использоваться универсально для поражения и защищенного доспехом и легковооруженного врага. Наличие в составе древкового колющего оружия у сяньбийцев ударных копий, рассчитанных на пробивание панцирной брони, свидетельствует о присутствии в составе их конницы отрядов тяжеловооруженных воинов, способных атаковать построение противника таранной атакой в плотно сомкнутом строю. Подобные копья обнаружены на могильнике Лаохэшэнь, в инвентаре которого имеются и другие виды оружия ближнего боя и средства защиты. Находки копий были сделаны и на могильнике Чжалайноэр. Это свидетельствует о достаточно широком распространении этого вида оружия у сяньби. В этом отношении сяньбийцы заметно отличались от хуннов, кочевников Саяно-Алтая и Тянь-Шаня, у которых копья встречались значительно реже [44, с. 44, 60; 25, с. 91]. Исключение составляет комплекс вооружения кочевников кокзальской культуры Тувы, в составе которого есть различные по форме наконечники копий. Среди них есть и копьё с удлиненно-ромбическим пером [44, с. 81–82].

Защитное вооружение представлено в сяньбийских памятниках отдельными находками железных пластин от панцирей и шлемов. В могильниках Иминь и Лаохэшэнь обнаружены панцирные пластины, которые соединены между собой по принципу чешуи. По реконструкции китайских исследователей, панцирь из могильника Лаохэшэнь представлял собой чешуйчатый жилет. Он состоял из оплечий, в составе которых отдельные панцирные пластинки соединялись в два ряда горизонтально внахлест, нагрудника из четырех рядов вертикально расположенных пластин, прикрытия живота из шести рядов вертикальных пластин, и прикрытия спины. Пластины соединялись между собой ремешками и пришивались к подкладке. Панцирь одевался через голову и завязывался на левом боку по вертикальному разрезу завязками в трех местах (рис. II, 10, 16–19).

Предложенная реконструкция представляется достаточно обоснованной. Вероятно, близкими по конструкции были и хуннские чешуйчатые панцири [15, с. 49]. Однако в сяньбийских памятниках обнаружены как фрагменты чешуйчатых доспехов, так и полный панцирный набор, что свидетельствует о том, что подобный вид защиты применялся сяньбийцами значительно чаще, чем хуннами. Такие панцири в большей степени соответствуют всему комплексу вооружения тяжеловооруженных сяньбийских всадников, чем набору оружия хуннских легких лучников.

В единичном случае в сяньбийском могильнике Лаохэшэнь обнаружен железный шлем, составленный из отдельных пластин. По форме купола он относится к типу сферических. Он имеет округлое сферическое навершие, составной купол из длинных, узких вертикальных пластин, соединенных между собой ремешками. Одна из пластин, расположенная в налобной части шлема имеет треугольный выступ – наносник. По сторонам и тыльной части шлема вокруг нижнего края купола находится бармица, составленная из двух рядов вертикально расположенных пластин с округлым нижним краем, соединенных между собой с помощью ремешков. Купол и бармица соединялись ремешками и крепились к мягкому, вероятно, матерчатому подшлемнику с наушами и назатыльником (рис. II, 9).

Подобная форма шлема была распространена в степном поясе Евразии в первой половине I тысячелетия н. э. [12, с. 161].

Судя по имеющимся археологическим находкам, комплекс вооружения сяньбийского конного воина был достаточно развитым и разнообразным для своего времени. В его составе выделяются наборы оружия, характерные для легковооруженных всадников-лучников и тяжеловооруженных панцирных кавалеристов. Легковооруженные всадники имели на вооружении луки и стрелы, копьа, палаши и кинжалы. Хотя по дальности стрельбы и точности попадания в цель основной набор стрел сяньбийских воинов уступал хуннскому, по скорости и частоте выстрелов у них было некоторое превосходство, что могло принести успех при стрельбе с коротких дистанций. А в наборе наступательного оружия ближнего боя сяньбийцы имели ощутимое преимущество по сравнению с хуннами. Вероятно, в ходе сражений сяньбийцы должны были стремиться навязать противнику ближний бой, чтобы добиться победы. Тяжеловооруженные панцирные всадники в сяньбийском войске были вооружены луками и стрелами, ударными копьями, длинными мечами и палашами, кинжалами, использовали для защиты чешуйчатые панцири-жилеты и сферические шлемы (рис. III).

Утяжеление защитного доспеха повлекло за собой изменения в военном искусстве и в снаряжении боевого коня. Наиболее эффективным способом ведения конного боя отрядами панцирной кавалерии была атака построения противника по фронту в плотно сомкнутом строю с ударными копьями в руках. Панцири и шлемы должны были защищать от ударов стрел, копий, мечей и палашей. Они предохраняли голову, грудь, плечи и живот воинов. Для успешного действия на поле боя воины должны были уметь держать строй и атаковать противника одновременно по команде военачальников.

Рис. III. Реконструкция сяньбийского панцирного всадника

Для посадки на лошадь воина в тяжелом защитном облачении потребовалось специальное приспособление – петля, подножка или ступенька, которая подвешивалась к седлу с левой стороны [5, с. 64]. Для прочной посадки всадника, чтобы он мог усидеть в седле после встречного удара вражеского копья, потребовалось седло с жестким остовом, включавшим переднюю и заднюю луки и полки ленчика. В результате изучения погребальных статуеток в могилах Северного Китая и изображений всадников на фресках когуресских гробниц исследователи пришли к выводу, что седла с жестким остовом и стремяна могли быть изобретены в Северном Китае и Корее в конце III – начале IV вв. н. э. [16. С 122; 29, с. 166]. Возможно, что военные столкновения с тяжеловооруженной сяньбийской конницей способствовали появлению и усовершенствованию седел с жестким остовом и стремянами, которые были распространены древними тюрками по всему кочевому миру в степном поясе Евразии на рубеже эпохи раннего средневековья в VI в. н. э. [5, с. 65].

Военное господство сяньбийцев во II в. н. э. распространилось на весь Центрально-Азиатский историко-культурный регион. Владения западного аймака Сяньбийской державы простиралось до города Дуньхуана и земель усуней на Тянь-Шане [32, с. 145; 41, с. 76]. В орбите влияния сяньбийцев и их военно-дружинной культуры оказались многочисленные кочевые племена Центральной Азии. Следы влияния сяньбийской культуры обнаружены в Саяно-Алтае в памятниках улуг-хемской культуры в Туве и в материалах таштыкской культуры в Минусинской котловине [57, с. 165, 168]. В комплексах саяно-алтайских культур обнаружены поясные бронзовые бляхи и пряжки с изображением копытных животных и змей, характерные для сяньбийцев. В комплексах, которые можно отнести к улуг-хемской культуре, обнаружены различные предметы вооружения дистанционного и ближнего боя. Среди них имеются детали сложносоставных луков с костяными и роговыми накладками. У луков были длинные, узкие, слабоизогнутые, иногда, составные концевые накладки с арочными вырезами для крепления петель тетивы; длинные широкие срединные боковые накладки со скошенными концами; длинная узкая срединная фронтальная накладка с расширяющимися концами. На поверхности срединных боковых накладок иногда наносились гравированные рисунки, изображающие всадников, копытных животных и тамгообразные знаки (рис. IV, 1–10). В составе набора железных наконечников стрел имеются трехлопастные асимметрично-ромбической, удлинненно-треугольной и боеголовковой формы; плоские с тупым острием; ромбические в сечении асимметрично-ромбической и удлинненно-шестиугольной формы (рис. IV, 11–19). Костяные стрелы имели ромбическое сечение и удлинненно-треугольные очертания пера с шипами [33, с. 200], (рис. IV. 20). Подобный спектр форм имеет определенное сходство именно с сяньбийским набором стрел, в составе которого также

представлены трехлопастные, плоские и двухлопастные наконечники, хотя и с несколько иными очертаниями пера [56, с. 38–39]. Некоторые улуг-хемские железные наконечники были снабжены костяными свистунками [33, с. 200], (рис. IV, 21). Оружие ближнего и рукопашного боя в памятниках улуг-хемской культуры представлено находками железных наконечников копий и дротиков с цилиндрической втулкой и длинным, узким пером, с линзовидным сечением удлинённо-треугольных очертаний, и однолезвийными кинжалами с прямым клинком и рукоятью без перекрестья и с кольцевым навершием [39, с. 39], (рис. IV, 22–24). Комплекс вооружения кочевников улуг-хемской культуры относится к легковооружённому всаднику. Он находит аналогии основным видам и типам наступательного оружия дистанционного боя в хуннском и сяньбийском комплексах, однако имеет и собственные специфические отличительные особенности в оформлении костяных накладок луков, наконечников стрел и копий. Это может свидетельствовать о том, что влияние хуннов и сяньбийцев на кочевое население Тувы имело опосредованный характер. Номады улуг-хемской культуры воспринимали наиболее эффективные виды оружия у своих могущественных кочевых соседей, по отношению к которым находились в подчинённом, зависимом положении, но это оружие они изготавливали сами, используя сложившиеся традиции оружейного кузнечного ремесла, и учитывая свой собственный боевой опыт.

В комплексах кокзельской культуры в Туве, существование которой частично синхронно со временем военного господства сяньбийцев в Центральной Азии, представлены разнообразные предметы наступательного оружия дистанционного и ближнего боя и их вотивные модели [7, с. 255]. В могилах на памятнике Кокзель обнаружены целиком или частично сохранившиеся деревянные модели сложносоставных луков и деревянные древки стрел с железными и бронзовыми наконечниками [59, с. 35–38]. Деревянная основа луков была склеена из нескольких частей, середины и двух концов. На середину лука с двух сторон приклеивались срединные боковые накладки, с торца приклеивалась срединная фронтальная накладка. Концы лука были усилены концевыми накладками с арочными вырезами для крепления петель тетивы. Благодаря накладкам середина и концы лука были негнущимися, а при натяжении тетивы сгибались плечи [44, с. 64–67]. Кокзельские луки богато украшались. Концы срединных боковых и фронтальной накладок окрашивались красной краской. На концевых накладках наносились узкие красные полоски [6, с. 17]. Кибити луков из Кара-Даша окрашены в чёрный цвет и украшены ломаной красной линией [31, с. 90]. Кокзельские луки с костяными накладками, по своей конструкции и пропорциям, имеют наибольшее сходство с некоторыми типами хуннских луков [44, с. 26]. От сяньбийских луков их отличает иное соотношение середины плеч и концов, и соответственно размеров накладок, и отсутствие плечевых фронтальных накладок [56, с. 38] (рис. V, 1, 2, 5–9).

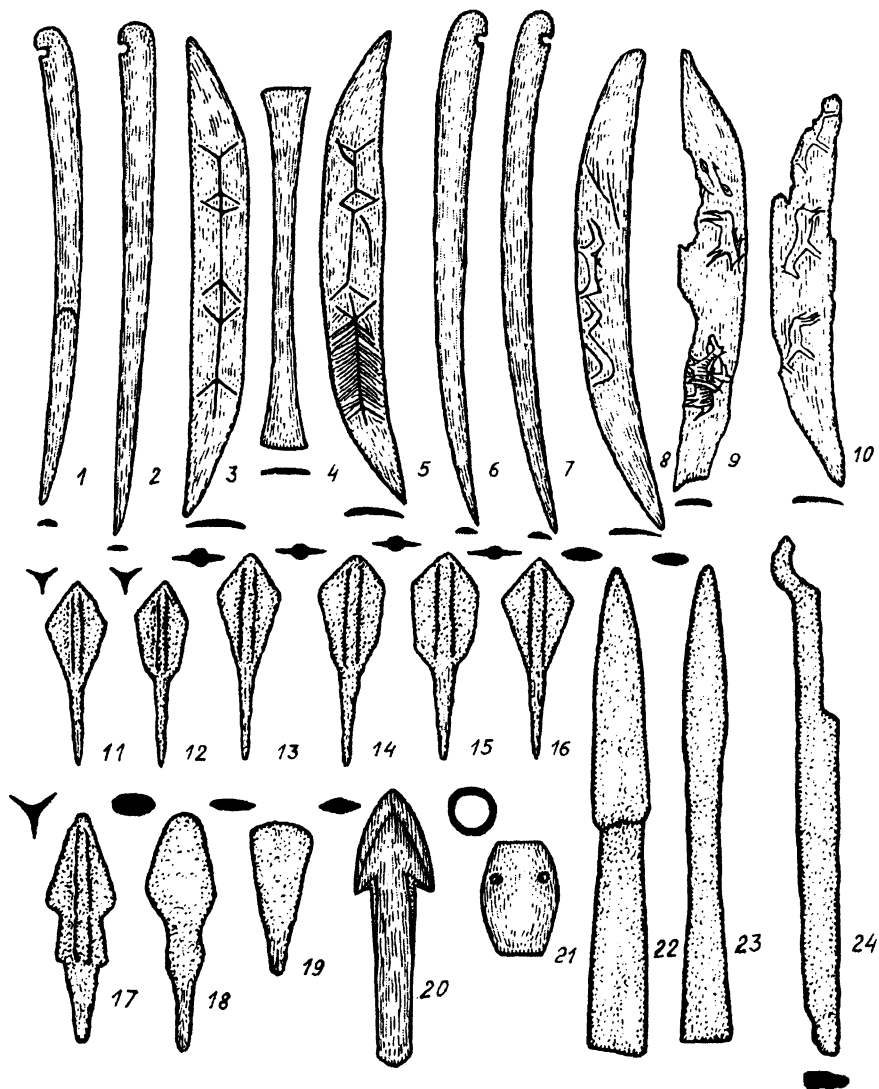

Рис. IV. Вооружение улуг-хемской культуры: 1-10 – накладки лука; 11-19 – железные наконечники стрел; 20 – костяной наконечник стрелы; 21 – костяная свистунка; 22, 23 – копья; 24 – кинжал

Среди кокзельских железных наконечников стрел количественно преобладают трехлопастные асимметрично-ромбической, удлинненно-ромбической формы или с тупым острием. В наборе кокзельских стрел имеются и бронебойные, четырехлопастные и округлые в сечении наконечники, и универсальные, линзовидные в сечении, стрелы [44, с. 69–73], (рис. V, 4, 10–14, 20, 21, 22). В памятниках кокзельской культуры встречаются, хоть и очень редко, бронзовые двухлопастные втульчатые и трехлопастные черешковые наконечники стрел (рис. V, 15, 16, 23). Они имеют удлинненно-эллипсоидную, асимметрично-ромбическую, удлинненно-прямоугольную и ярусную форму пера.

В погребениях кокзельской культуры найдено несколько костяных черешковых наконечников с ромбическим и удлинненно-ромбической формы. На поверхности черешка одного из наконечников нанесена сетчатая нарезка, на плечиках другого наконечника имеются знаки в виде косых крестов (рис. V, 17–19).

По мнению некоторых ученых, костяные наконечники не были характерны для кочевников, носителей кокзельской культуры. Они оказались в телах погребенных людей, пораженных их противниками, иноплеменниками [1, с. 248].

Спектр типологического разнообразия кокзельских стрел весьма широк. Основные типы железных трехлопастных стрел асимметрично-ромбической, удлинненно-ромбической и ярусной формы находят аналогии во многих культурах кочевников Центральной Азии хунно-сарматского времени, в том числе в хуннской и сяньбийской. Такими же широко распространенными являются и плоские железные стрелы. Они встречаются во многих культурах этого периода, хотя и весьма немногочисленны. Отличительной особенностью кокзельского набора является присутствие наконечников бронебойного и универсального назначения. В этом отношении кокзельский набор стрел отличается от синхронных культур Саяно-Алтая и Центральной Азии, в том числе хуннской и сяньбийской, в которых подобные стрелы весьма редки или совсем не представлены. Необычным можно считать и присутствие в кокзельском наборе нескольких типов бронзовых стрел, которые к этому времени практически повсеместно вышли из употребления. Некоторые из кокзельских бронзовых наконечников находят аналогии в наборе стрел саглынской культуры Тувы скифского времени [58, с. 234]. Бронзовые стрелы у кочевников кокзельской культуры имели вотивную функцию, т. е. изготавливались специально в качестве погребального инвентаря. Возможно, что некоторые из них, например, трехлопастные ярусные наконечники изготавливались по образцу реально применявшихся железных стрел. Костяными свистунками снабжались, преимущественно, железные наконечники. Однако деревянные имитации свистунок на вотивных древках придавались и бронзовым наконечникам [17,

табл. III, 29, 33]. Древки стрел изготавливались из березы или ивы и окрашивались в черный цвет, или на них наносились цветные пояски-метки. Вероятно, по этим меткам можно было отличить наконечник, если стрелы хранились в колчане наконечниками вниз, оперением вверх. Для натяжения тетивы на стрелах имелись арочные вырезы-ушки [44, с. 78], (рис. V, 3, 4).

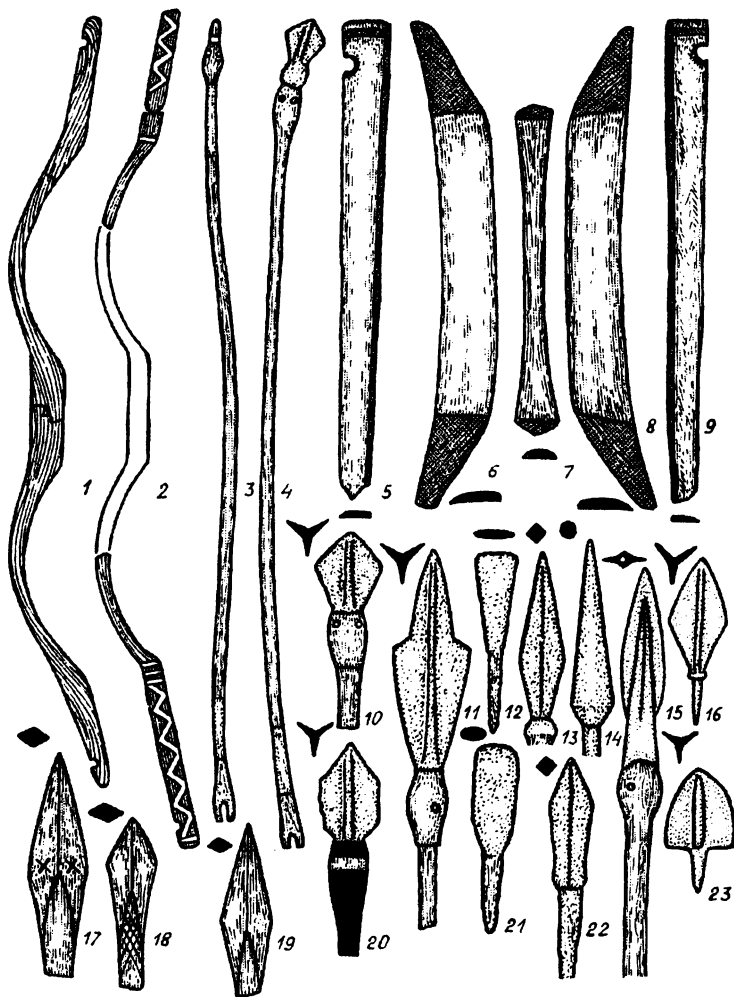

Рис. V. Оружие дистанционного боя кокзельской культуры: 1, 2 – модели луков; 3, 4 – модели стрел; 5–9 – накладки луков; 10–14, 20–22 – железные наконечники стрел; 15, 16, 23 – бронзовые наконечники стрел; 17–19 – костяные наконечники стрел

В памятниках кокзельской культуры обнаружены железные наконечники копий и дротиков [59, с. 38–39]. Они имеют округлое или плоское в сечении перо, удлинненно-треугольной, удлинненно-ромбической, удлинненно-пятиугольной формы (рис. VI, 1, 2, 9, 10). Необычны кокзельские наконечники с овальным острием, и одним или двумя расширениями при подходе к втулке (рис. VI, 3, 8). Значительное количество находок и типологическое разнообразие наконечников копий дает основание предполагать, что древковое колющее оружие было одним из основных наступательных средств ведения ближнего боя кокзельских nomadов. В этом отношении они заметно отличались от хуннов и кочевников Южной Сибири, но имели определенное сходство с сяньбийцами. Правда, по форме кокзельские копья большей части типов отличны от сяньбийских [56, с. 41]. В кокзельских захоронениях иногда находят обломки деревянных древков копий. Они имели округлое сечение, соответствующее диаметру втулки наконечника копья. В редких случаях на древко наносили спиральную полосу орнамента [44, с. 83]. Находки копий в кокзельских памятниках представлены уменьшенными вотивными копиями реальных предметов. Вероятно, среди них были ударные и метательные копья.

В памятниках кокзельской культуры найдены модели палашей с сохранившимися деревянными рукоятями и ножами. Они имели прямой или слабоизогнутый в сторону лезвия однолезвийным клинком и скошенным острием. Рукояти имели деревянную обкладку с ребристыми краями, брусковидным или пятиугольным перекрестьем, или без него, и кольцевым, полукруглым или овальным навершием (рис. VI, 4–7). Палаша помещались в деревянных рельефных ножнах, украшенных геометрическим орнаментом. Вероятно, они использовались в ближнем бою для нанесения колющих ударов. В рукопашных схватках кокзельские воины могли пользоваться и кинжалами [59, с. 39–40]. Они имели прямые или слабоизогнутые клинки с рукоятью без перекрестья и кольцевым навершием [17, табл. X, 1–43].

Комплекс вооружения кокзельского воина отличался определенным своеобразием. Ведущее место в нем занимало оружие дистанционного боя: сложносоставные луки и стрелы с железными наконечниками разных форм, предназначенными для поражения незащищенного панцирем противника и для пробивания брони. Кокзельские воины обладали достаточно разнообразным оружием ведения ближнего и рукопашного боя с помощью ударных копий и палашей. Такой набор оружия был характерен для легковооруженных всадников, способных успешно вести как дистанционный, так и ближний бой, и обладавших определенным набором средств борьбы с тяжеловооруженным противником, для поражения которого использовались бронебойные стрелы и ударные копья. Наличие развитого набора оружия ближнего боя дает основания полагать, что среди применявшихся военными отрядами кокзельских nomadов тактических приемов была атака

лавою и навязывание врагу рукопашного боя. В этом отношении кокэльский комплекс вооружения имеет определенные отличия от наборов оружия кочевников предшествующего, хуннского периода, и сопоставим с сяньбийским, в составе которого важное место занимало оружие ближнего боя.

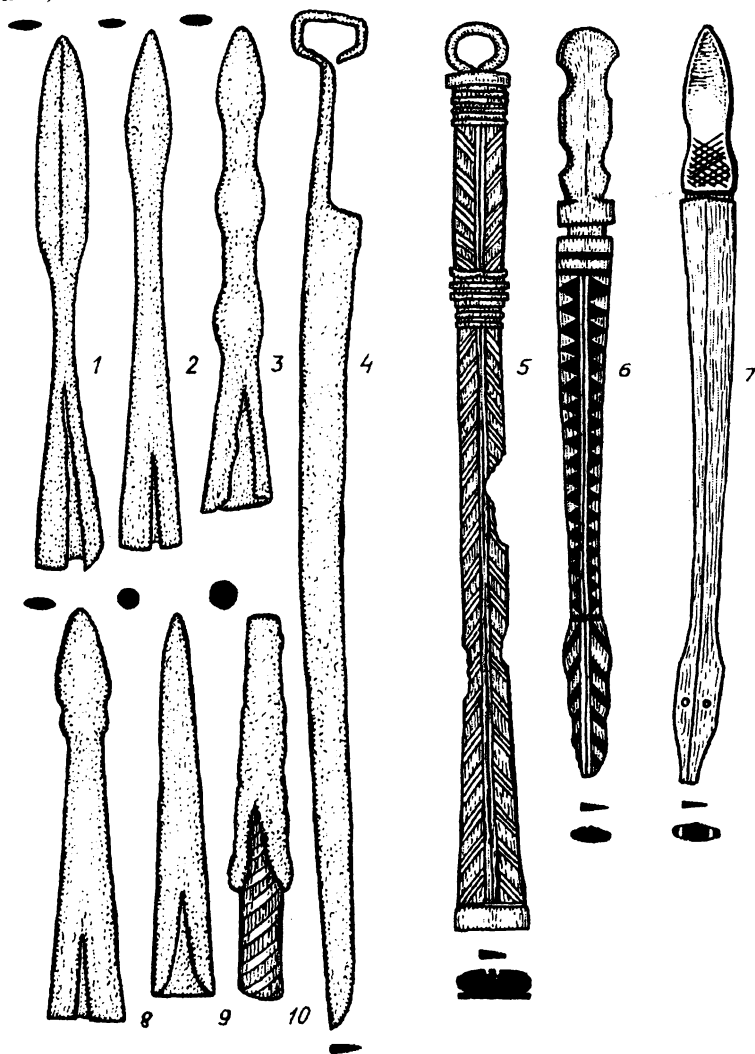

Рис. VI. Оружие ближнего боя кокэльской культуры: 1-3, 8-10 – модели копий; 4-7 – модели палашей

Разнообразный набор оружия обнаружен в памятниках булан-кобинской культуры в Горном Алтае, относящихся к первым векам I тыс. н. э. Кочевое население этого района, вероятно, находилось в зависимости от северных хуннов до периода крушения их объединения. В предметном комплексе данной культуры прослеживается влияние хуннов и сарматоидных номадов степного Алтая [47, с. 68]. Следов влияния сяньбийцев на булан-кобинскую культуру не прослеживается.

Оружие дистанционного боя в булан-кобинских комплексах представлено луками и стрелами. Луки были сложносоставными с костяными накладками. По количеству и расположению накладок среди них выделяется несколько типов. Есть луки с концевыми и срединными боковыми и срединной фронтальной накладкой. Такие луки найдены в памятниках Булан-Кобы IV, Верх-Уймон, Усть-Эдиган, Сары-Бел, Чендек (рис. VII, 1–4). У луков других типов отсутствуют фронтальные накладки. В единичном случае найден лук с фронтальной накладкой на верхней конец кибити [38, с. 35–36; 49, с. 28–29; 53, с. 178–179]. Булан-кобинские луки, вероятно, происходят от хуннских прототипов. Однако по количеству типов и конструктивным особенностям некоторые луки горно-алтайских кочевников не совпадают с хуннскими образцами. Значительное разнообразие форм луков свидетельствует об их усиленной технологической разработке и появлении редких, опытных образцов этого оружия. Железные черешковые наконечники стрел имеют трехлопастные, линзовидное, ромбическое и плоское сечение пера. Количественно преобладают трехлопастные наконечники с асимметрично-ромбической и удлинненно-треугольной формой пера (рис. VII, 5–7). Удлинненно-треугольные наконечники с шипами, вероятно, происходят от стрел предшествующего скифского времени [48, с. 90]. Отдельные формы имеют аналогии в хуннском наборе стрел [26, с. 174]. Костяные наконечники в булан-кобинских памятниках представлены втульчатými, черешковыми наконечниками и стрелами с раздвоенным насадом и скрытой втулкой трехгранного и ромбического сечения. Эти стрелы имеют удлинненно-треугольную, удлинненно-пятиугольную и удлинненно-ромбическую форму пера. Многие наконечники имеют шипы [38, с. 40–41; 49, с. 30], (рис. VII, 9–13). Костяные стрелы горно-алтайских кочевников включают как широко распространенные, так и специфичные для них формы. Вероятно, с хуннским влиянием можно связывать появление раздвоенного насада [26, с. 177]. Шипы у многих наконечников могут восходить к стрелам скифского времени [28, с. 56].

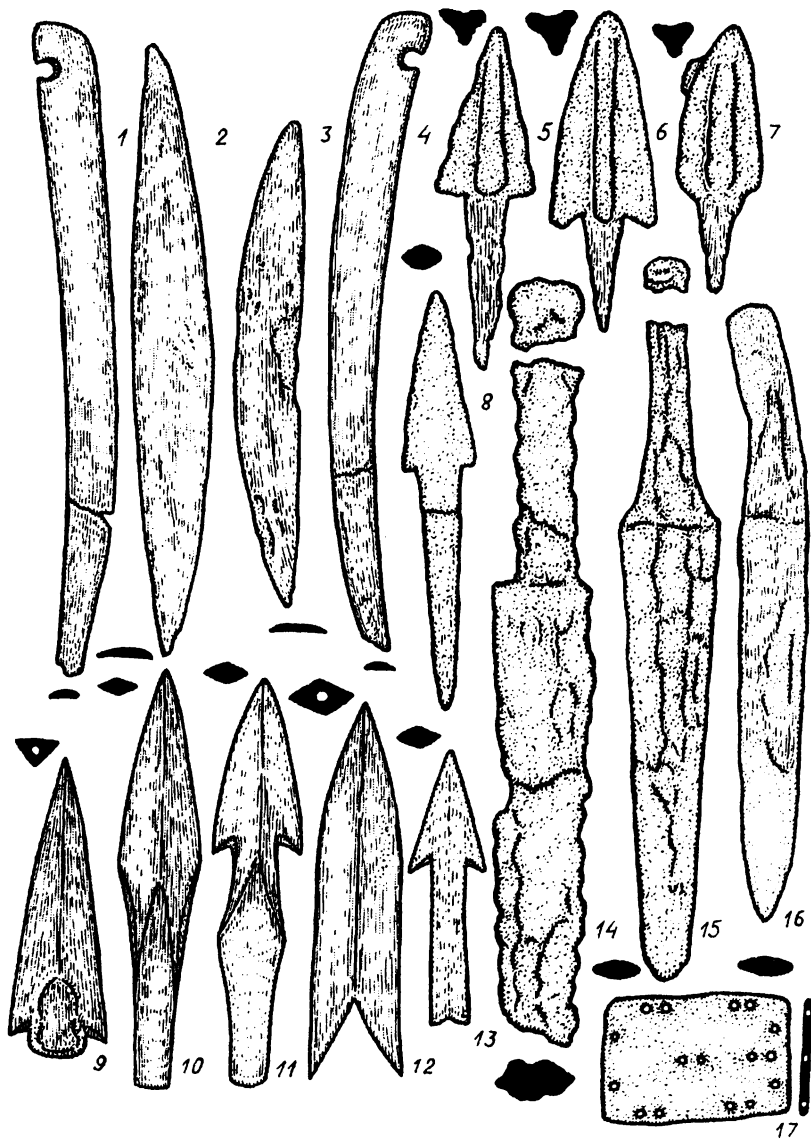

Рис. VII. Вооружение булан-кобинской культуры: 1-4 – накладки луков; 5-8 – железные наконечники стрел; 9-13 – костяные наконечники стрел; 14 – меч; 15-16 – кинжалы; 17 – панцирная пластина

В целом, булан-кобинский набор стрел был ориентирован на стрельбу по легковооруженному противнику лишь отдельные типы ромбических и линзовидных железных наконечников можно отнести к бронебойным. Оружие ближнего и рукопашного боя в булан-кобинских памятниках представлено редкими находками мечей, палашей и кинжалов. Обломок меча был найден в могильнике Усть-Эдиган [53, с. 181]. Он имел двулезвийный клинок и рукоять без перекрестья с округлым навершием (рис. VII, 14). В могильнике Верх-Уймон был найден палаш с однолезвийным клинком [38, с. 42].

В памятниках булан-кобинской культуры были найдены железные кинжалы с прямым обоюдоострым клинком и прямым или изогнутым черешком [49, с. 31], (рис. VII, 15, 16).

В могиле на памятнике Чендек найден панцирь-нагрудник, состоящий из прямоугольных железных пластин, которые были соединены через отверстия кожаными ремешками и пришиты к кожаной основе (рис. VII, 17). По реконструкции, предложенной В. И. Соеновым и А. В. Эбелем, пластины располагались в составе нагрудника горизонтально и были соединены в три вертикальных ряда. Панцирь был предназначен для предохранения от колющих ударов наиболее уязвимой для поражения верхней части тела воина [38, с. 42–43].

Комплекс вооружения горно-алтайских кочевников первых веков н. э. был характерен для легковооруженных конных воинов. Основным оружием у них были луки и стрелы. Луки с костяными накладками были заимствованы ими, вероятно, у хуннов, но несколько изменены и приспособлены для ведения военных действий в местных условиях. От хуннов были восприняты и некоторые типы железных трехлопастных и костяных стрел. Однако, основная форма железных стрел с удлинено-треугольным пером и шипами воспроизводит бронзовые наконечники горно-алтайских кочевников скифского времени. Клинковое оружие ближнего боя, мечи и палаши, находит аналогии в вооружении сарматоидных кочевников степных районов Алтая [21, с. 17]. Конструкция нагрудного панциря, который использовали булан-кобинские воины для защиты от вражеских ударов для кочевых культур хуннского времени не характерна. Схожие панцири использовали воины верхнеобской культуры в III–V вв. н. э. [42, с. 141, 149]. Предложена и иная реконструкция доспеха этой культуры в виде нагрудника и наспинника с вертикальным расположением пластин [11, с. 63–68]. Наличие в наборе оружия воинов булан-кобинской культуры мечей, палашей и нагрудного панциря свидетельствует о возможности ведения ближнего боя. Однако, типологически это оружие отличается от сяньбийского, а имеет черты сходства с вооружением кочевников степного Алтая и верхнего Приобья. Судя по этим материалам, влияние сяньбийцев на кочевые племена Южной Сибири не распространялось на кочевников Горного Ал-

тая. Сяньбийский комплекс вооружения отличается и от высоко развитого набора оружия населения кенкольской культуры, памятники которой исследованы на территории Средней Азии и Восточного Туркестана [25, с. 99]. Существенно отличается от сяньбийского и набор оружия таштыкской культуры, в составе которого лишь отдельные типы стрел и клинкового оружия находят аналогии с сяньбийскими [44, с. 103]. Однако это сходство относится к наиболее широко распространенным типам стрел и палашей. Детальный анализ этих комплексов целесообразно рассмотреть при характеристике оружия центрально-азиатских кочевников жужаньского времени.

Объединение жужаней вышло на арену истории в Центральной Азии в IV в. н. э. Памятники культуры жужаней остаются до настоящего времени не исследованными. Судить о характере вооружения этого этноса можно по сведениям письменных источников. В китайских источниках описано вооружение, воинское и конское снаряжение, которым император Мин-ди из династии Вэй снабдил войско жужаньского кагана Анахуаня. Среди них упоминаются луки, стрелы, копьё, сабли, щиты, панцири и защитные попоны для лошадей [2, с. 200]. Именно с жужаньским периодом некоторые ученые связывают создание многозвенной азиатской десятичной системы деления войска и народа и появление тактического приема атаки построения противника плотно сомкнутым строем. [30, с. 29]. В данный период произошло освоение центрально-азиатскими кочевниками седел с жестким остовом и односторонней подножкой, а к началу эпохи раннего средневековья и со стременами, которое было обусловлено необходимостью удобной посадки на коня тяжеловооруженного всадника [29, с. 164–166]. Основными противниками жужаней в кочевом мире были племена гаогюйских динлинов, известные в средневековье под названием теле. В середине I тыс. н. э. они неоднократно выступали против жужаней и нанесли им военные поражения [41, с. 290, 402].

В войнах с гаогюйскими динлинами жужани опирались на помощь вассальных племен, в том числе древних тюрок, которые во второй половине V в. проживали в районе Гаочана [23, с. 280]. В своей политике подчинения кочевых племен в западных районах Центральной Азии жужаньские каганы пытались противопоставить друг другу разные этнические группы, переселяя на вновь присоединенные территории группы иноэтничных военных поселенцев. Подобным образом древние тюрки во главе с родом Ашина были переселены жужанями на Алтай [2, с. 221]. Вероятно, таким же путем кыргызы, находившиеся в зависимости от жужаней, и племя чаатинской культуры были переселены с Тянь-Шаня в Минусинскую котловину и Туву.

Среди кочевых этносов Южной Сибири, оказавших упорное сопротивление экспансии сяньбийцев и жужаней были племена таштыкской куль-

туры, обитавшие в первой половине I тыс. н. э. в долине Среднего Енисея [13, с. 96]. В памятниках этой культуры найдены предметы вооружения дистанционного и ближнего боя и их вотивные модели. В таштыкской грунтовой могиле на огластинском памятнике найдена деревянная модель простого лука с уплощенной серединой и плавно загнутым концом с зарубками для крепления петли тетивы [3, с. 72], (рис. VIII, 1). В Уйбатском склепе найден обломок деревянной модели сложного лука с круто загнутыми концами, имеющими выступы и пазы для тетивы, выгнутыми плечами и уплощенной серединой [44, с. 90], (рис. VIII, 2). При раскопках Михайловского могильника в долине р. Кии были обнаружены костяные накладки от сложносоставного лука. Он имел изогнутые концевые накладки с арочными вырезами для крепления петель тетивы, широкие срединные боковые накладки со скошенными концами и узкую фронтальную накладку [34, с. 92], (рис. VIII, 3–6). Судя по наскальным рисункам и изображениям на деревянных планках, у таштыкских воинов были простые и сложные луки с симметричными и асимметричными плечами [44, с. 90–91].

В таштыкских комплексах найдены железные наконечники стрел различных форм. Железные стрелы представлены двумя группами: трехлопастными и плоскими, среди которых встречаются асимметрично-ромбические и удлинненно-ромбические. В первой группе наиболее распространенными являются ярусные наконечники, изредка встречаются и боеголовковые. Среди плоских имеются удлинненно-треугольные шипастые и томары с тупым острием [44, с. 92], (рис. VIII, 7–11). Таштыкские железные стрелы имеют некоторое соответствие с хуннским набором стрел, хотя и отличаются от хуннских вытянутыми пропорциями. Значительно больше сходства между таштыкскими и верхнеобскими наконечниками [44, с. 111–112]. Это может свидетельствовать в пользу преобладания местных южно-сибирских традиций в их производстве. Костяные стрелы более разнообразны. Среди них встречаются втульчатые и наконечники с расщепленным насадом, однако преобладают черешковые, различного сечения. Наиболее многочисленны удлинненно-ромбические и удлинненно-треугольные шипастые [4, табл. 88; 96; 104; 133], (рис. VIII, 12, 14–21). Таштыкские костяные наконечники относятся к широко распространенным или местным южно-сибирским формам. Характерные для хуннов стрелы с раздвоенным насадом среди них встречаются очень редко [44, с. 98]. В памятниках таштыкской культуры иногда встречаются древки стрел и костяные свистунки (рис. VIII, 13). На древках стрел близ ушка встречаются пояски-метки, по которым можно было определить форму наконечника, если стрела находилась в колчане наконечником внутрь.

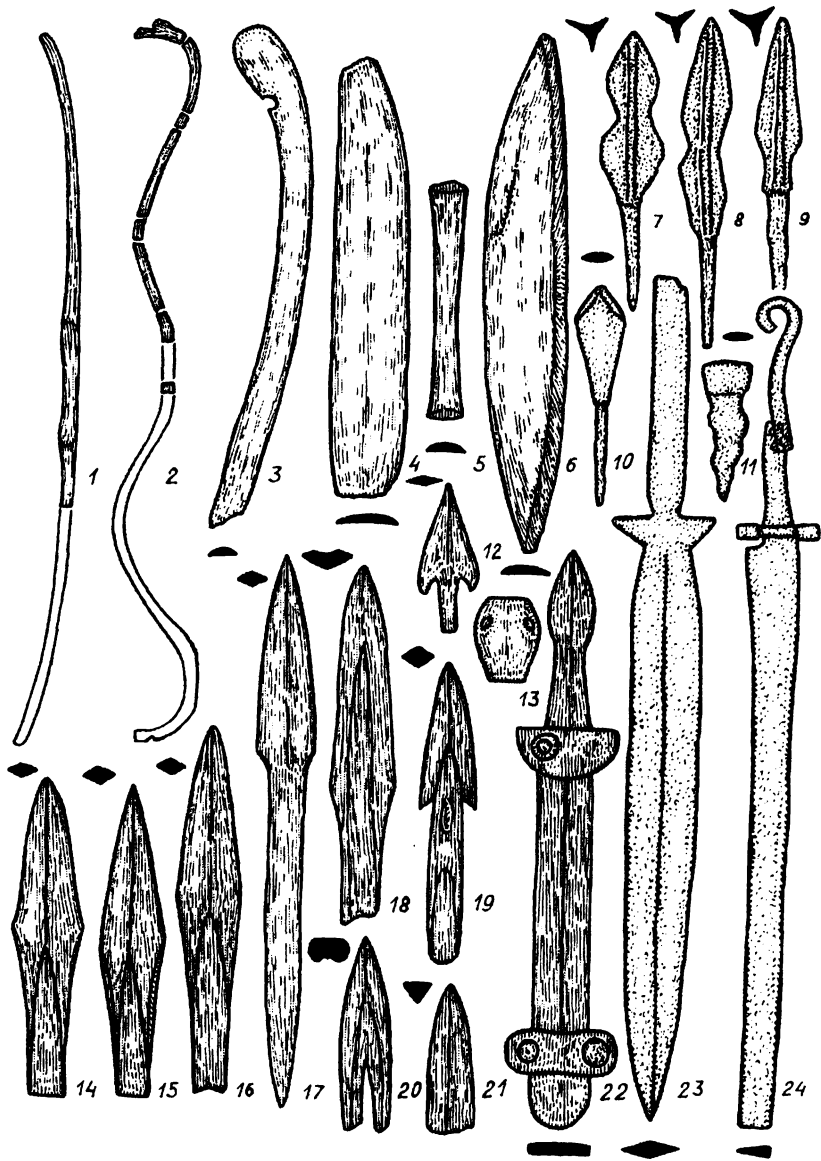

Рис. VIII. Вооружение таштыкской культуры: 1, 2 – модели луков; 3–6 – костяные накладки лука; 7–11 – железные наконечники стрел; 12, 14–21 – костяные наконечники стрел; 13 – свистунка; 22 – модель кинжала; 23 – меч; 24 – палаш.

Предметы вооружения ближнего боя в таштыкских памятниках встречаются очень редко. Среди них имеются мечи с прямым двулезвийным клинком и палаши с напускным перекрестьем, кольцевым или полуовальным навершием [44, с. 100–102], (рис. VIII, 23, 24). В некоторых комплексах обнаружены деревянные модели кинжалов в ножнах и ножны мечей [3, с. 69], (рис. VIII, 22). К таштыкскому времени относятся отдельные копия. Предметов защитного вооружения в таштыкских памятниках не обнаружено, кроме одной трапециевидной пластинки с отверстием из папемаше, покрытой красным лаком, которую некоторые исследователи считают деталью ханьского панцирного доспеха [22, с. 240]. Однако, на петроглифах и деревянных планках таштыкской культуры изображены легковооруженные и тяжеловооруженные всадники и пехотинцы. Панцирные воины изображены в шлемах с бармицами и панцирях с высоким стоячим воротником, рукавами до локтей и короткими или длинными полами. Некоторые всадники показаны верхом на лошадях, защищенных доспехами [13, с. 104; 14, рис. 60, 6]. Данный комплекс вооружения отличается определенной архаичностью. В его составе имеются простые и сложные луки без накладок, которые могут восходить к скифскому времени. Набор стрел ориентирован на стрельбу по незащищенному панцирем противнику. В ближнем бою воины могли пользоваться копьями, длинными палашами, короткими мечами и кинжалами. В ходе боя они могли спешиваться и продолжать действовать в пешем строю. Набор средств защиты и характер их оформления позволяют проследить аналогии с защитным вооружением кочевников первой половины I тыс. н. э. в Средней Азии. Аналогичные длиннополые панцири с высокими стоячими воротниками и пластинчатые шлемы с наушами и назатыльником изображены у воинов на костяных поясных пластинах из Орлатского могильника [35, с. 150]. Появление подобного защитного вооружения у населения Минусинской котловины в III–V вв. н. э. стало возможным вследствие военных походов военных отрядов из районов, где оно было широко распространено. Вероятно, оно является результатом подчинения племен таштыкской культуры древними кыргызами, переселившимися на Енисей с Восточного Тянь-Шаня в процессе экспансии Жужаньского каганата [50, с. 80].

Помимо кыргызов, в середине I тыс. н. э. были переселены в Саяно-Алтай и другие кочевые племена из Восточного Туркестана служившие опорой власти жужаньских каганов над местными племенами. Вполне вероятно, что в ходе такого переселения в центральной Туве было размещено племя чаатинской культуры [47, с. 56]. Памятники этой культуры, земляные курганы с погребениями в катакомбах имеют черты сходства с комплексами кенкольской и других культур хунно-сарматского времени в Средней Азии и Восточном Туркестане. В отличие от населения других

южносибирских культур для кочевников чаатинской культуры была характерна кольцевая деформация черепов, широко распространенная в Среднеазиатском регионе [20, с. 165–167]. Предметы вооружения в памятниках чаатинской культуры встречаются редко. Оружие дистанционного боя представлено луками и стрелами. Луки были сложносоставными с длинными, слабоизогнутыми концевыми накладками с арочным вырезом для крепления петель тетивы, длинными широкими срединными боковыми накладками со скошенными концами и длинной узкой срединной фронтальной накладкой с расширяющимися концами [47, с. 60], (рис. IX, 1–5). Подобные луки были характерны для хуннов и других кочевых племен Центральной Азии в первой половине первого тысячелетия н. э. [44, с. 208]. Набор чаатинских стрел включает железные черешковые трехлопастные наконечники удлинненно-шестиугольного и удлинненно-ромбического типов, трехгранно-трехлопастные наконечники удлинненно-ромбической формы, линзовидные в сечении наконечники с выделенной остроугольной боевой головкой и короткой шейкой (рис. IX, 6–11, 14). Костяные стрелы имеют ромбическое в сечении перо, удлинненно-ромбических очертаний (рис. IX, 12, 13).

Основным отличием чаатинского комплекса стрел является значительный процент линзовидных в сечении, универсального назначения наконечников. Подобного соотношения в других синхронных кочевых культурах нет. Это может свидетельствовать о том, что лучникам чаатинской культуры противостояли противники, имеющие разнообразные защитные средства, в том числе изготовленные из мягких органических материалов, которые можно пробить наконечниками универсального назначения. Оружия ближнего боя и защиты в чаатинских памятниках не обнаружено. Найдены только однолезвийные ножи (рис. IX, 15–18). В тоже время, судя по находкам на костях погребенных следов ударов рубящим оружием, можно судить о том, что воинам этой культуры приходилось участвовать в рукопашных схватках. Вероятно, им приходилось и держать оборону в крепостях, которые были расположены в центральной части Тувы.

Комплекс вооружения чаатинских кочевников относится к легковооруженным воинам-лучникам, которые могли применять тактику рассыпного строя в конном бою. Вероятно, они могли сдерживать набеги лесных племен с Саянских гор и с помощью системы оборонительных сооружений поддерживать власть жужаньских каганов над кочевым населением долины Верхнего Енисея до крушения Жужаньского каганата в середине VI в. н. э.

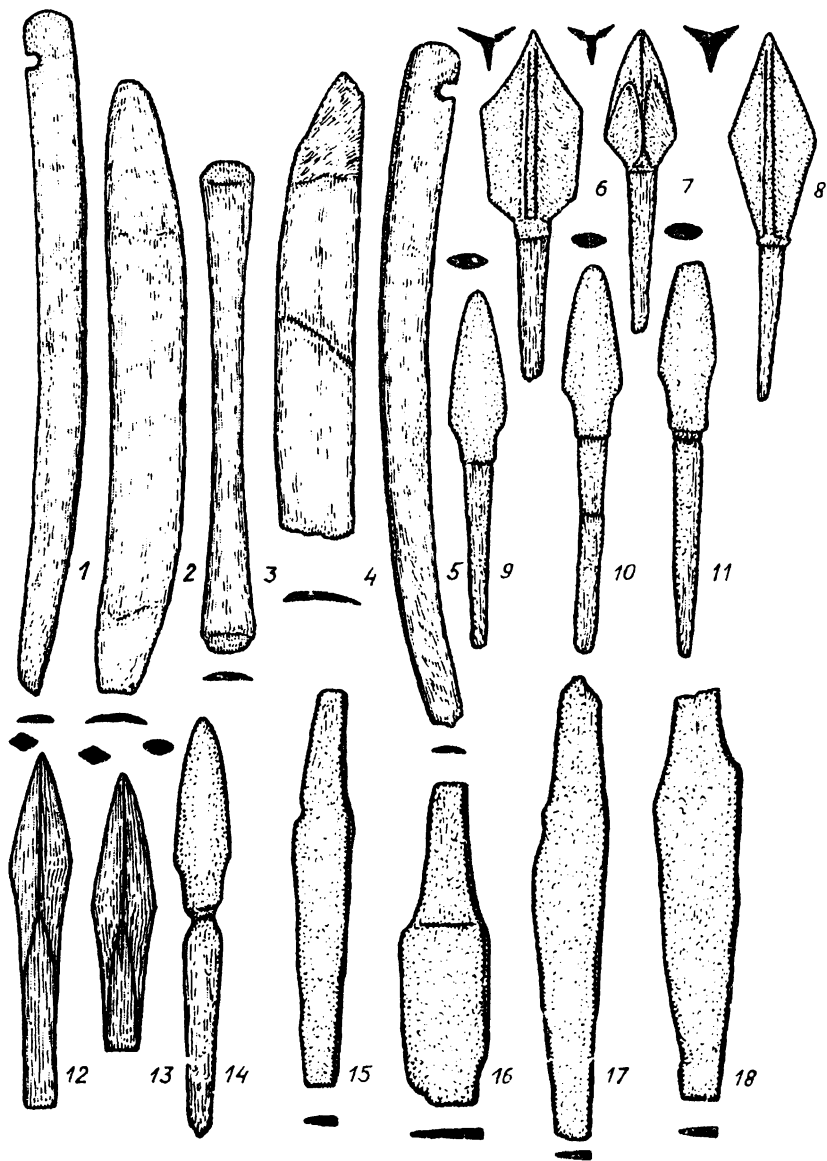

Рис. IX. Вооружение чаагинской культуры: 1-5 – костяные накладки лука; 6-11, 14 – железные наконечники стрел; 12, 13 – костяные наконечники стрел; 15-18 – железные ножи.

В Горном Алтае ко времени существования сяньбийской и жужаньской государственности относятся памятники кок-пашской культуры. В кок-пашских комплексах обнаружены остатки сложносоставных луков с длинными, слабоизогнутыми концевыми костяными накладками, длинными, широкими срединными боковыми накладками со скошенными концами и длинными, узкими, иногда составными срединными фронтальными накладками. На поверхности срединных боковых накладок резной гравировкой наносились схематичные изображения животных [8, с. 32–33], (рис. X, 1–5). Подобные луки были характерны для кочевников Центральной Азии с хуннского до древнетюркского времени. В кок-пашских памятниках найдено значительное количество железных черешковых наконечников стрел с трехлопастным, трехгранно-трехлопастным, трехгранным и линзовидным в сечении пером. Среди них преобладают ярусные, асимметрично-ромбические, удлинненно-ромбические, удлинненно-шестиугольные типы наконечников. Костяные стрелы черешковые с ромбическим, трехгранным, четырехгранным и трапециевидным в сечении пером удлинненно-ромбической, удлинненно-треугольной форм иногда с шипами [18, с. 159–163], (рис. X, 6–13, 14–18). Такой набор стрел имеет существенные отличия с комплексом наконечников булан-кобинской культуры, памятники расположены в центральных районах Горного Алтая, но относятся к хуннскому времени. По форме основные типы трехлопастных и линзовидных в сечении кок-пашских стрел имеют определенное сходство с кокзельскими наконечниками. В кок-пашских памятниках найдены однолезвийные палаши, кинжалы, обломки железных пластин от панциря и защитного пояса [8, с. 33], (рис. X, 19–25). В целом, вооружение кок-пашской культуры относится к легковооруженному воину, обладавшему разнообразным набором средств ведения дистанционного, ближнего боя и защиты [45, с. 52]. Кок-пашские воины могли вести обстрел противника с дистанции полета стрелы, атаковать лавой построение противника, навязав ему рукопашный бой. Учитывая определенное сходство материалов кокзельской и кок-пашской культур, можно предполагать заимствование кочевниками Восточного Алтая некоторых кокзельских военных традиций [19, с. 158]. Однако, в кок-пашском комплексе отсутствует колющее древковое оружие, что могло ослаблять атакующие возможности восточно-алтайских кочевников в ближнем бою. Определенными элементами сходства с кок-пашским, отличается набор оружия из памятников айрыдашского типа, исследованных в долине Средней Катунь [40, с. 96–97].

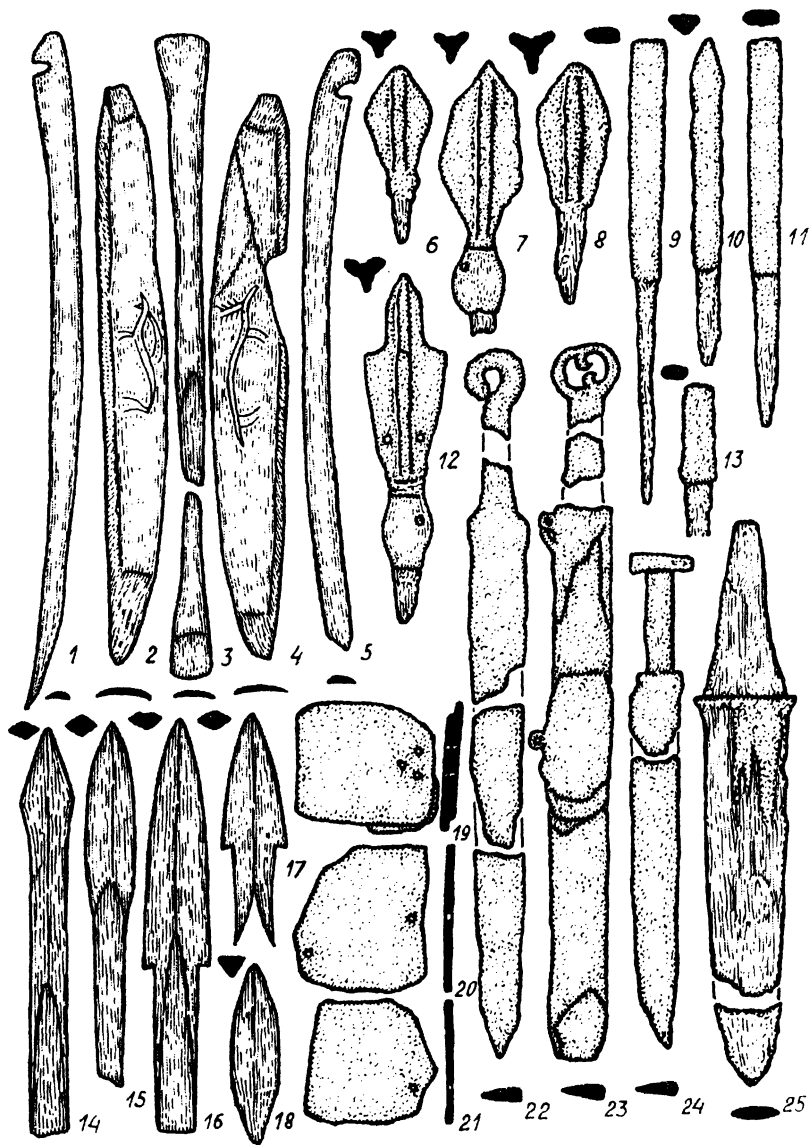

Рис. X. Вооружение кок-пашской культуры: 1-5 – костяные накладки лука; 6-13 – железные наконечники стрел; 14-18 – костяные наконечники стрел; 19-21 – железные панцирные пластины; 22 – железный палаш; 23-25 – железные кинжалы.

Кочевники, проживавшие в этом районе Горного Алтая в III–V вв. н. э. применяли в дистанционном бою сложносоставные луки с длинными плавно изогнутыми концевыми костяными накладками, на которых имелись арочные вырезы для крепления петель тетивы, широкими срединными боковыми и узкой срединной фронтальной накладками [52, с. 80], (рис. XI, 1–5). Для поражения противника на расстоянии использовались стрелы с железными и костяными наконечниками разных форм. Среди железных черешковых наконечников большинство относится к группе трехлопастных, которая включает асимметрично-ромбический, удлинненно-ромбический, вытянуто-пятиугольный и ярусный типы [52, с. 80, 82], (рис. XI, 7–10, 18). Некоторые трехлопастные наконечники снабжены костяными свистунками. Значительно реже трехлопастных встречаются ромбические в сечении наконечники боеголовковой формы и линзовидные томары с тупым острием (рис. XI, 6, 19). Набор костяных наконечников включает втульчатые стрелы со свистункой. Такие наконечники имеют трехгранное, ромбическое или круглое сечение и удлинненно-ромбическую, удлинненно-треугольную и вытянуто-пятиугольную форму (рис. XI, 11, 12, 16, 17). Черешковые наконечники среди костяных наконечников сравнительно редки. Они имеют уплощенно-ромбическое сечение с выделенной нервюрой, удлинненно-треугольных очертаний с шипами (рис. XI, 14). Среди костяных стрел имеются наконечники с раздвоенным насадом линзовидного или трехгранного сечения и удлинненно-шестиугольных очертаний [52, с. 86], (рис. XI, 13, 15).

Если набор железных стрел из памятников айрыдашского типа со Средней Катуня аналогии в кокзельском, таштыкском и кок-пашском комплексах и его можно считать типичным для кочевых культур Саяно-Алтая III–V вв. н. э., то костяные стрелы отличаются от наконечников других синхронных южно-сибирских культур довольно значительно. В особенности это относится к втульчатым стрелам со свистункой, которые находят аналогии среди костяных наконечников стрел бурхотуйской культуры Восточного Забайкалья, которую относят к монголоязычным кочевым племенам [46, с. 56].

Оружие ближнего и рукопашного боя в предметном комплексе памятника Улуг-Чолтух, относящегося к айрадашскому типу, представлено только железными кинжалами с прямым, линзовидным или трехгранным в сечении клинком [52, с. 86], (рис. XI, 20, 21).

Оружие кочевников III–V вв. н. э. со Средней Катуня относится к комплексу боевых средств легковооруженных конных лучников, для которых была характерна тактика рассыпного строя. Трудно сказать, можно ли связывать распространение памятников айрыдашского типа на Алтае с военной политикой жужаней. В сопредельном районе северо-западной Монголии обнаружен только один памятник Хад Узуур жужаньского времени, который по особенностям погребальной обрядности и облику сопроводительного инвентаря отличается от айрыдашских и в некоторой степени схож с кок-пашскими комплексами [54, с. 61].

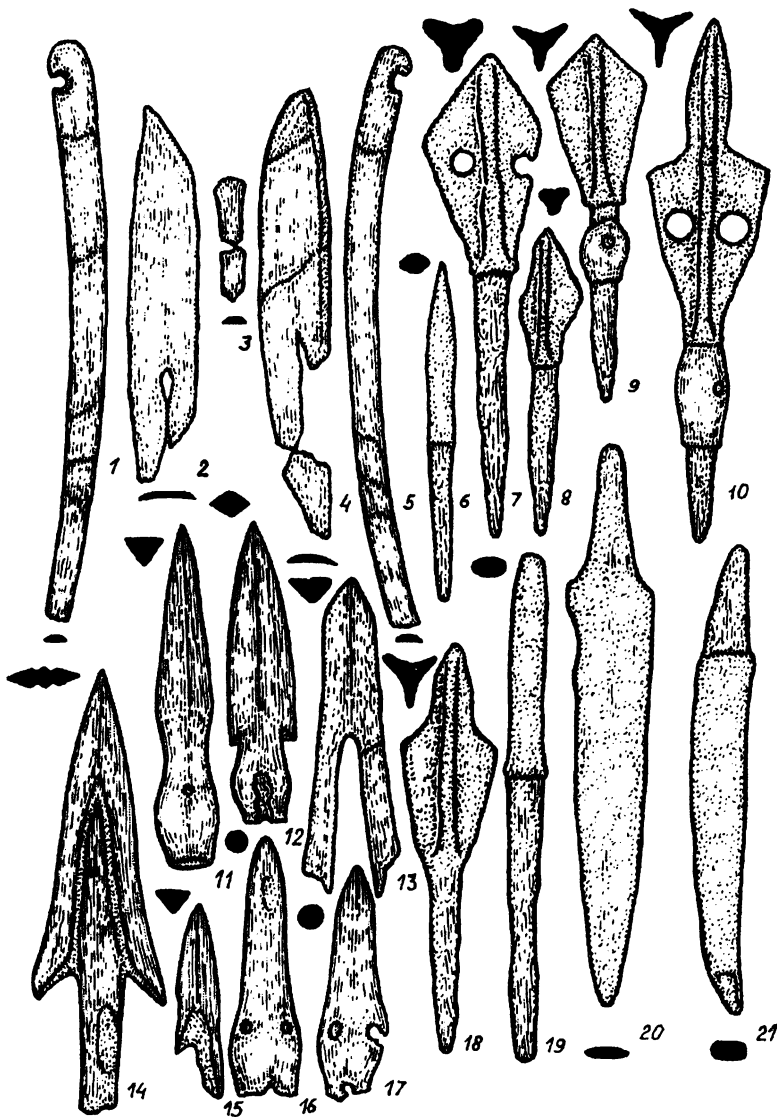

Рис. XI. Вооружение айрыдашского комплекса: 1-5 – костяные накладки лука; 6-10, 18, 19 – железные наконечники стрел; 1-17 – костяные наконечники стрел; 20, 21 – железные кинжалы.

Существенное значение для реконструкции военной истории и понимания закономерностей развития военного дела в кочевом мире Центральной Азии в период господства жужаней имеют находки предметов вооружения в памятниках берельского типа, исследованных В. В. Радловым в середине XIX в. [36, с. 451]. Берельские находки были изданы и отнесены к V – VI вв. н. э. А. А. Гавриловой [10, с. 54–57].

В берельских комплексах найдены предметы вооружения дистанционного ближнего боя и защиты. К предметам дистанционного боя относятся сложносоставные луки с длинными узкими, слабо изогнутыми концевыми накладками с арочными вырезами для крепления петель тетивы, с длинными широкими срединными боковыми накладками и длинной узкой фронтальной накладкой (рис. XII, 1–5, 7). К другому типу лука относятся короткие концевые и срединные боковые накладки (рис. XII, 6, 11). Вероятно, луки этого типа имели кибить меньшей длины, чем первого [44, с. 126]. Если луки первого типа можно считать типичными для кочевников Центрально-Азиатского историко-культурного региона в хунно-сарматский период, то луки второго типа в большей степени характерны для последующей эпохи раннего средневековья. Вероятно, более короткие луки были рассчитаны на прицельную стрельбу на близкую дистанцию, но обладали повышенной скорострельностью. Из железных наконечников стрел в берельских комплексах сохранился только один тип – плоский черешковый вытянуто-прямоугольной формы с шипами (рис. XII, 10). Вероятно, на вооружении у берельских кочевников должны были быть и другие типы железных стрел. Оружие ближнего боя в берельских комплексах представлено железными палашами, у которых были длинные, прямые, однолезвийные клинки. У одного из палашей сохранилась рукоять с перекрестьем с концами, отогнутыми в сторону клинка и кольцевым навершием. У второго палаша рукоять обломана [44, с. 131], (рис. XII, 8, 9). Подобные клинки, несомненно, были предназначены для ведения ближнего и рукопашного боя верхом на лошадях. В одном из берельских курганов был найден фрагмент нагрудного панциря, состоящий из нескольких железных пластин с окантовкой (рис. XII, 13).

Набор оружия из памятников берельского типа не полон. Однако в его составе представлены некоторые виды наступательно оружия дистанционного и ближнего боя, и средства защиты, что позволяло берельским воинам вести сражение на дистанции и при сближении с противником. Памятники берельского типа связывают с древними тюрками во главе с родом Ашина, которые в середине I тыс. н. э. были переселены правителями Жужаньского каганата для того, чтобы удерживать в их подчинении местные кочевые племена и поставлять жужаням железные изделия [44, с. 134].

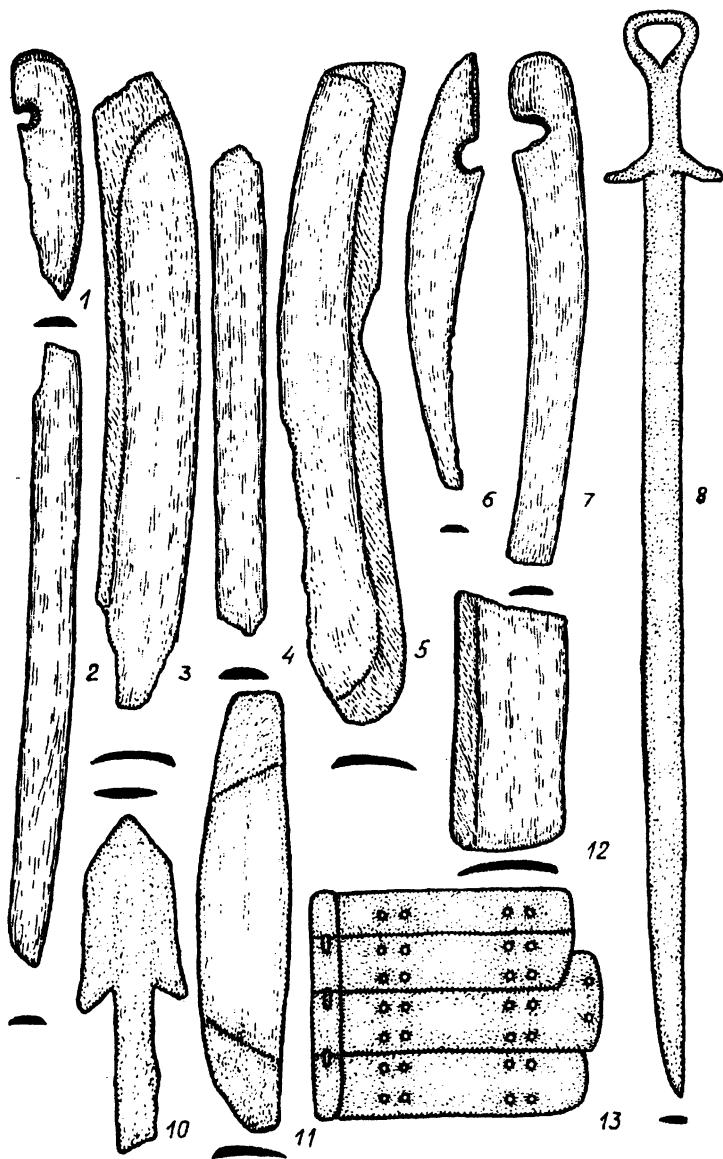

Рис. XII. Вооружение берельского комплекса: 1-7, 11, 12 – костяные накладки; 8, 9 – железные палаши; 10 – железный наконечник стрелы; 13 – железные панцирные пластины

В сравнении с племенами кок-пашской культуры и кочевниками Средней Катуни древние тюрки обладали более совершенным вооружением ближнего боя и защиты. Они смогли удержать в своем подчинении и объединить под своей властью алтайские племена, что позволило им на рубеже эпохи раннего средневековья сокрушить жужаньский каганат и подчинить всех кочевников степного пояса Евразии.

Анализ представленных комплексов вооружения кочевнических культур II–V вв. н. э. в Центральной Азии позволяет проследить определенные закономерности в развитии военного дела кочевников этого региона в рассматриваемый период. На всем протяжении того периода в кочевом мире происходило постепенное возрастание роли ближнего боя, наступательного и защитного вооружения, обеспечивавшего возможности поражения противника и защиты от его ударов в рукопашных столкновениях. Лишь отдельные кочевые племена северной периферии Центрально-Азиатского историко-культурного региона оказались вне сферы влияния этого процесса. Наибольшее развитие оружие ближнего боя и защиты и тактические приемы их применения получили в господствующих в военном отношении кочевых государствах сяньби и жужаней, а также других кочевых этносов, которые находились в постоянных военных столкновениях со странами оседло-земледельческой цивилизации. В меньшей степени были развиты комплексы наступательного оружия ближнего боя и защиты у кочевых объединений, находившихся в вассальной зависимости от могущественных военных кочевых держав. Получившая распространение в Жужаньском каганате практика переселений вассальных племен на вновь завоеванные земли, их размещение в районе Саяно-Алтая в качестве военных поселенцев – опоры власти каганов, способствовала развитию военного дела, в том числе средств нападения и защиты, у местных кочевников. Процесс развития вооружения в кочевом мире был связан с совершенствованием технологии оружейного производства и изменениями в военной организации, и являлся одной из основных причин эволюции военного искусства.

Примечания

1. *Алексеев В. П., Гохман И. И.* Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Кокэль // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л., 1970. Т. III.
2. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., Л., 1950. Ч. 1.
3. *Вадецкая Э. Б.* Модели оружия таштыкской культуры // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987.
4. *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999.

5. *Вайнштейн С. И.* Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская Этнография. 1966. № 3.
6. *Вайнштейн С. И.* Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения казылганской и сыын-чурекской культур) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л., 1970. Т. III.
7. *Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П.* Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до нашей эры // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М., Л., 1966. Т. II.
8. *Васютин А. С., Илюшин А. М., Елин В. Н., Миклашевич Е. А.* Погребения предтюркского времени на могильнике Кок-Паш из Восточного Алтая // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск, 1995.
9. *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
10. *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М., Л., 1965.
11. *Горбунов В. В.* Панцирь из Татарских могил (реставрация и реконструкция) // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002.
12. *Горелик М. В.* Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н. э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.
13. *Грязнов М. П.* Миниатюры таштыкской культуры (из работ Красноярской экспедиции) // Археологический сборник. Л., 1971. Вып. 13.
14. *Грязнов М. П.* Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979.
15. *Давыдова А. В.* Иволгинский комплекс – памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.
16. *Джарылгасинова Р. Ш.* Древние когуресцы. М., 1972.
17. *Дьяконова В. П.* Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л., 1970. Т. III.
18. *Елин В. Н.* Наконечники стрел из памятников предтюркского времени Восточного Алтая // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988.
19. *Елин В. Н.* Культурно-хронологические аспекты изучения памятников гунно-сарматского времени Алтая, Южной Сибири, Монголии // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997.
20. *Заднепровский Ю. А., Кожмбердиев И. К.* Памятники племен кенкольской культуры // История Киргизской ССР. Фрунзе, 1984. Т. I.

21. *Иванов Г. Е.* Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987.
22. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л., 1949. № 9.
23. *Кляшторный С. Г.* Проблемы ранней истории племени Турк (Ашина) // Новое в советской археологии. М., 1965.
24. *Ковычев Е. В.* Лук и стрелы восточнозабайкальских племен I тысячелетия н. э. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
25. *Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С.* Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987.
26. *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976.
27. *Коновалов П. Б.* Хуннский меч из коллекции Музея археологии Бурятского научного центра СО РАН // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докладов XXXVIII Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Улан-Удэ, 1998.
28. *Кочеев В. А.* О костяных наконечниках стрел эпохи раннего железа из курганов Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987.
29. *Крюков М. В. Малявин В. В., Софронов М. В.* Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.
30. *Кузнецов И. П.* Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889.
31. *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.) М., 1979.
32. *Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
33. *Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У.* Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.
34. *Мартынова Г. С.* Таштыкские племена на Кие. Красноярск, 1985.
35. *Пугаченкова Г. А.* Древности Мианкаля. Из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент, 1989.
36. *Радлов В. В.* Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989.
37. *Рец К. И.* «Хуннский меч» из Черемуховой Пади: к вопросу о датировке и типологии // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Археология. Этнология. Улан-Удэ, 2000. Т. 1.
38. *Соенов В. И., Эбель А. В.* Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск, 1992.

39. *Стамбульник Э. У.* Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (некоторые итоги работ) // Древние культуры евразийских степей по материалам археологических работ на новостройках. Л., 1983.
40. *Суразаков А. С.* Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (Кудыргинская культура) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Материалы Всероссийской конференции. Омск, 1992.
41. *Таскин В. С.* Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984.
42. *Уманский А. П.* Могильники верхнеобской культуры на верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
43. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
44. *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
45. *Худяков Ю. С.* Вооружение кочевников Центральной Азии в первой половине I тыс. н. э. // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990.
46. *Худяков Ю. С.* Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.
47. *Худяков Ю. С.* Археология Южной Сибири II в. до н. э. – V в. н. э. Новосибирск, 1993.
48. *Худяков Ю. С.* Коллекция оружия скифского времени из могильника Салдам и Усть-Эдиган // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. № 1.
49. *Худяков Ю. С.* Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. № 2.
50. *Худяков Ю. С.* Проблемы истории древних кыргызов (первоначальное расселение) // Этнографическое обозрение. 2001. № 5.
51. *Худяков Ю. С.* Археологические коллекции в музеях Северного Китая (по материалам экспедиции ЮНЕСКО «Шелковый путь») // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. СПб., 2002. т. 1.
52. *Худяков Ю. С.* Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002.
53. *Худяков Ю. С., Мороз М. В.* Коллекция оружия из могильника Усть-Эдиган // Археологические исследования на Катунь Новосибирск, 1990.
54. *Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа.* Опыт выделения археологических комплексов племен дунху // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск, 1999.

55. Худяков Ю. С., Юй Су-хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2000. № 5.
56. Худяков Ю. С., Алкин С.В., Юй Су-Хуа. Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. № 4.
57. Чугунов К. В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000.
58. Das Gräberfeld der hunno-sarmatischen Zeit von Kokel', Tuva, Süd-Sibirien // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. München, 1984. В. 25.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ПАНЦИРНЫХ ВОИНОВ НА ФРЕСКАХ КЫЗЫЛА ИЗ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ А. ФОН ЛЕ КОКА)*

Древности Восточного Туркестана привлекли внимание ученых и путешественников из России, Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Швеции и других стран во второй половине XIX в. Значительный вклад в изучение археологических памятников этого района Центральной Азии внесли немецкие ученые.

Посещение этого района, населенного мусульманами, враждебно относившимися к иноверцам, было связано с большими трудностями и опасностями. Совершивший в 1857 г. путешествие в Кашгар немецкий исследователь А. Шлагинтвейт трагически погиб [10, с. 15].

В начале XX в. большой вклад в изучение древностей Восточного Туркестана внес уроженец Австро-Венгрии, принявший британское подданство, А. Стейн, который в ходе своих экспедиций собрал многочисленные рукописи и археологические находки [10, с. 16–17].

В 1902 г. на территории Синьцзяна проводила исследования германская научная экспедиция, возглавляемая А. Грюнвелелем. В ходе работ были изучены археологические памятники в ряде районов Восточного Туркестана, скопированы фрески и найдены рукописи манихейского содержания [13, с. 163, 164].

В течение последующего десятилетия, с 1904 по 1914 гг. ряд исследовательских путешествий по Восточному Туркестану совершила германская научная экспедиция Прусской королевской академии во главе с А. фон Ле Коком. Она обследовала такие выдающиеся памятники, как Безеклик, Идикутшари, Кум-Тура, Кызыл, Туук-Мазар. В ходе экспедиций были обнаружены, сняты и скопированы, и тем самым спасены для мировой науки и культуры, многоцветные настенные росписи, найдены рукописи, собрана коллекция археологических находок, проведены этнографические наблюдения.

Обширные материалы, собранные экспедицией, были проанализированы и введены в научный оборот в монографических исследованиях и научно-популярных книгах, изданных в 1920–1930-х гг. А. фон Ле Коком и Э. Вальдшмидтом [14; 15; 16].

---

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 04-01-00535а

В дальнейшем эти материалы неоднократно использовались в качестве важнейшего источника по древней и средневековой истории Восточного Туркестана учеными из разных стран.

Среди опубликованных А. фон Ле Коком рисунков с настенных росписей в пещерных памятниках Кызыла в оазисе Куча, несомненный интерес представляют изображения тяжеловооруженных панцирных всадников и пеших воинов.

А. фон Ле Кок дал подробное описание и характеристику различных видов вооружения, детально изображенных на фресках. Им были проанализированы панцири, шлемы, щиты, мечи и стрелы воинов, рассмотрены находки бронзовых наконечников стрел оазиса Куча [14, с. 11–16, 20]. Внимание ученого привлекли изображения боевых знамен с навершиями в виде головы дракона [15, с. 171].

А. фон Ле Кок относил изображения воинов на фресках из Кызыла к эпохе раннего средневековья, к местному европеоидному, тохарскому населению Восточного Туркестана, отмечал значительное влияние на комплекс вооружения «тохарских рыцарей» Сасанидского Ирана, усматривал аналогии разным видам оружия в отдаленных странах Евразии, от Франции и Германии до Японии. Изображения воинов в длиннополых панцирях-халатах со стоячим воротником, в конических островерхих шлемах с фигурными навершиями и крыльями он датировал в хронологическом диапазоне с VI по VIII вв. н. э. [14, с. 11].

В дальнейшем основным источником для сравнительного анализа изображений панцирных воинов на настенных росписях Восточного Туркестана стали рисунки тяжеловооруженных воинов, согдийцев с фресок Пенджикента. В. И. Распоповой было отмечено сходство ламеллярных доспехов согдийцев с защитными панцирями кочевников евразийских степей и населения Восточного Туркестана [7, с. 103–106].

Новые возможности для проведения сопоставления и уточнения хронологии изображений на фресках из Кызыла появились после обнаружения в ходе раскопок деревянных планок с рисунками тяжеловооруженных воинов в таштыкском склепе на памятнике Тепсей III в Минусинской котловине, костяных поясных пластин с батальными сценами в Орлатском могильнике в Узбекистане и деталей шлемов и панцирей в сяньбийском памятнике Лаохэшэнь в Маньчжурии [6, с. 149–152].

Наличие аналогий длиннополую ламеллярному доспеху с высоким стоячим воротником и сфероконическим шлемом, изображенным у панцирных воинов на фресках Кызыла, в иконографических и вещественных материалах, относящихся к культурам кочевников Средней и Центральной Азии первой половины I тыс. н. э., позволило М. В. Горелику отнести подобные рисунки из «Пещеры художников» на комплексе Минг-Уй, «Пещеры Майи» и других памятниках в окрестностях Кызыла, Кум-Туры, Ту-

юк-Мазара и Шорчука в Восточном Туркестане к хунно-сяньбийскому времени [2, с. 404].

В настоящее время существует необходимость вернуться к собранным А. фон Ле Коком материалам для их анализа с учетом новых данных.

А фон Ле Кок рассматривал все изображения панцирных воинов на фресках из Восточного Туркестана в качестве единокультурных. Он выделял на них три типа панцирей. Среди них отмечены длиннополые панцири, составленные из прошитых ремешками панцирных пластинок. А фон Ле Кок называет такой доспех «пластинчатым панцирем» [14, с. 11].

Согласно современной оружейведческой терминологии его следует именовать ламеллярным панцирем. Ко второму типу панцирных доспехов исследователь относил защитное покрытие в виде «жесткой брони, снабженной панцирными чешуйками или пластинами», использовавшейся для защиты верхней части туловища. В дополнение к этому доспеху на ноги надевались кольчужные или панцирные штаны и поножи [14, с. 11].

Еще одним типом доспеха А. фон Ле Кок считал «искусный панцирь», в состав которого входили крупные металлические пластины с изображениями Будды и буддийских святых. Исследователь называл его также «сияющим панцирем» [14, с. 11,12].

Панцири с высоким, стоячим воротником он включал во второй тип, названный «жесткой» или «плотной броней». А. фон Ле Кок полагал, что данный тип панциря был заимствован жителями Восточного Туркестана из Гандхары в Северной Индии, или из Восточной Персии. Со временем покрой такого панциря сильно изменился, уменьшился воротник, появились накладки на груди и на плечах, а сам доспех приобрел «китайский характер» [14, с. 11].

А фон Ле Кок выделил по изображениям воинов на фресках несколько типов шлемов, которые он считал заимствованными из Сасанидского Ирана. Различия между ними касались наличия декоративных деталей, крыльев, наносников [14, с. 12]. В отношении некоторых форм ученый сомневался, считать ли их боевыми наголовьями, или головными уборами. Некоторые формы шлемов были отмечены им только на изображениях божеств и демонов. В реальности они, по мнению исследователя не употреблялись [14, с. 13]. А. фон Ле Кок считал, что изображенные на фресках у воинов круглые щиты, были такими же как у персов и индийцев. Они использовались в Индии и Тибете вплоть до нового времени [14, с. 15].

По нашему мнению, изображенные на фресках Кызыла панцири необходимо отнести, по характеру покроя, к панцирям-халатам. Такой панцирь имел высокий стоячий воротник, покрытие корпуса с осевым разрезом спереди, короткие, до локтей, рукава и длинный, ниже колен, подол. На верхней части груди полы халата, переходящие в воротник соединялись специальным креплением. Вероятно, левая пола запахивалась поверх пра-

вой. Мнение о том, что нижняя часть панциря составляла отдельные, защитные штаны, трудно принять. На всех изображениях, на которых воины показаны в полный рост, панцирь-халат изображен в виде единой защитной одежды. Все панцири-халаты, изображенные у воинов на фресках Кызыла, показаны комбинированными. У некоторых из них верхняя часть покрытия корпуса, включая оплечья, изготовлена из кольчуги и усилена накладными щитками-зерцалами с правой и левой сторон на груди и на спине. Нижняя часть покрытия корпуса и подол составлены из горизонтальных рядов, составленных из соединенных между собой ламеллярным способом пластинок. У конных воинов в составе рядов изображены пластины с зубчатым краем. Такие ряды показаны не по всей поверхности панциря. У одного всадника они изображены в два ряда вдоль нижнего края подола, в один ряд на талии, выше пояса, в четыре ряда с промежутками на рукавах от обшлага до плеч (рис. 1). У другого всадника с копьем в правой руке ряды зубчатых пластин показаны на талии, бедрах и подоле (рис. 2). У всадника с флагом на древке из рядов зубчатых пластин составлен весь подол панциря-халата (рис. 3, 1). Между рядами зубчатых пластин оставлены горизонтальные широкие полосы. У всадника-знаменосца рукава панциря составлены из узких горизонтальных полос, соединенных ламинарным способом. У одного из пеших воинов-копьемосцев верхняя часть покрытия корпуса составлена из коротких, широких пластинчешуек, ориентированных закругленными концами вверх (рис. 3, 1).

По-разному изображены и воротники панцирей-халатов. У одного из всадников Кызыла вдоль передних кромок верхней полы и воротника показаны узкие пластины с заклепками. Воротник имеет по бокам треугольные отвороты (рис. 1). Подобные отвороты имеются на воротнике панциря-халата и у другого всадника (рис. 2). Возможно, что похожие отвороты изображены и у воина с копьем и наверху в виде дракона (рис. 3, 2) у некоторых воинов воротники показаны без отворотов. Они составлены из узких вертикальных пластин. По краю воротников изображена полоска из колец (рис. 3, 1).

Похожие различия в изображении различных частей панцирей: покрытия корпуса, воротников, подола, покрытия рук имеются на детальных прорисовках воинов на пластинах с Орлатского могильника [5, с. 146–147].

Видимо, они продиктованы реально существовавшими различиями в конструкции комбинированных панцирей.

Рис. 1. Изображение панцирного всадника из Кызыла

Рис. 2. Изображение панцирного всадника из Кызыла

Рис. 3. Изображения панцирных воинов из Кызыла:
1 – группа воинов, 2 – воин со знаменем в виде дракона

Большим разнообразием форм отличались шлемы восточно-туркестанских, тохарских панцирных всадников. На фресках Кызыла нет рисунков полностью идентичных шлемов. У одного из всадников изображен сфероконический шлем с куполом, составленным из широких, сужающихся к навершию пластин и расширяющимся, полукруглым навершием. Вероятно, такое навершие имело вид гребня. Нижняя часть купола стянута широким обручем, составленным из зубчатых пластин. Шлем имеет пластинчатую бармицу, стянутую на подбородке воина. По обоим сторонам шлема имеются небольшие, островерхие крылья (рис. 1). Очень похожий шлем с пластинчатым куполом и навершием в виде гребня изображен у всадника-копьеносца. Обруч его шлема сплошной, а бармица не имеет пластин (рис. 2). Шлем на голове воина с драконовым знаменем имеет пластинчатый купол, сферическое навершие с кольцом, ряд округлых колец или заклепок на обруче и островерхие крылья по сторонам (рис. 3, 2). У двух других воинов сфероконические шлемы составлены из узких вертикальных полос, соединенных узким горизонтальным обручем внизу и сферическим навершием наверху, на котором укреплена фигурка птицы. Шлемы имеют бармицы. У одной из них имеется окантовка и зубцы по краю. Шлем

третьего воина аналогичной формы, но без составного купола, с фигуркой животного на навершии, бармицей и кольчатой полоской по краю (рис. 3, 1). У одного из кызыльских всадников ламеллярной броней были защищены ноги, включая голени и ступни. На них изображены ряды ламеллярных пластин с зубчатым краем (рис. 1). Вероятно, в качестве одного из средств защиты тохарские воины Восточного Туркестана использовали щиты, которые были округлой формы с окантовкой по краю. Щиты были сравнительно небольшие, соответствующие в диаметре длине руки от плеча до локтя. На фресках Кызыла похожие дисковидные фигуры изображены за головой и плечами конных и пеших воинов. Подобные детали обычно трактуются как изображения нимбов, характерных для буддийской иконографии. Не отрицая данной трактовки, полагаем, что подобным образом могли изображаться и щиты, учитывая наличие окантовки по краю и присутствие в составе экипировки панцирных воинов. Для определения хронологии изображений воинов из Кызыла важное значение имеют не только элементы защитного вооружения, но и другие виды оружия, воинского и конского снаряжения, манера езды верхом. У воинов с левого бока изображены сложно-составные луки со снятой тетивой в кожаных налучьях, подвешенных к поясу (рис. 1, 2). Подобные налучья были очень характерны для воинов кочевых и оседлых государств Центральной Азии в эпоху раннего средневековья, в том числе согдийцев, древних тюрков и кыргызов [7, с. 65]. У одного из всадников показан характерной формы колчан с карманом, подвешенный к поясу с правого бока. Такие колчаны применялись в течение длительного исторического периода, включая эпохи раннего и развитого средневековья [8, с. 151]. Среди других видов наступательного оружия у кызыльских воинов необходимо отметить копья с ромбическими наконечниками на длинных древках. На некоторых копьях укреплены знамена с четырьмя косицами, небольшие треугольные вымпелы и один или два шара на привязи. Интересно, что знамя не присоединено полотнищем к древку копья. Вероятно оно могло служить хоругвью, будучи надето на специальную планку (рис. 3, 1). У одного воина на копье изображено навершие в виде головы дракона и знамя в виде воздушного змея с тремя косицами на конце (рис. 3, 2). У некоторых воинов изображены мечи с длинной, прямой, двуручной рукоятью, прямым, брусковидным перекрестьем и сферическим навершием (рис. 3, 1). Подобные мечи были распространены в кочевом мире в хунно-сарматское время и начальный период эпохи раннего средневековья [9, с. 51–53]. Кызыльские воины в доспехах изображены подпоясанными поясами, украшенными крупными овальными бляхами или кольцами (рис. 1, 2). У одного из всадников панцирь-халат перетянут на талии узким ремешком без накладок (рис. 3, 1). Похожие ремни изображены у воинов с поясных пластин из Орлатского могильника [5, с. 147]. Кызыльские всадники сидят верхом на своих бое-

вых конях. У двоих из них показаны седла с низкими, пологими дугами (передней и задней) и короткими полками ленчика (рис. 1; 2). Вероятно, таким образом изображены жесткие седла, появившиеся у парфян в конце I тыс. до н. э. – первых веках н. э. [4, с. 23]. Появление подобных седел было связано с развитием панцирной кавалерии и предшествовало возникновению седел с деревянным остовом и стременами [1, с. 82–86]. Под седлами показаны потники с оторочкой (рис. 1; 2). У кызыльских всадников стремяна не изображены. Они сидят верхом, свесив ноги носком ступни вниз, что является достоверным свидетельством отсутствия стремян (рис. 1; 2; 3,1). Наличие жесткого седла при отсутствии стремян позволяет уточнить хронологический диапазон, в течение которого могли существовать подобные тяжеловооруженные всадники. Оно должно соответствовать середине I тыс. н. э., в пределах с III по VI в. н. э., поскольку после обширных завоеваний древних тюрков и образования Первого Тюркского каганата, жесткие седла с металлическими стремянами получили распространение по всей Евразии в кочевых и оседло-земледельческих культурах [1, с. 82–86]. Со времени господства древних тюрков в кочевом мире получают распространение новые формы наступательного и защитного вооружения, которые соответствовали иному уровню военного искусства [1, с. 82–86]. Хотя некоторые виды оружия, известные кызыльским воинам, продолжали активно использоваться иранскими и тюркскими народами в эпоху раннего средневековья. Широкое распространение тяжеловооруженной конницы и защитного доспеха у всадников Центральной Азии связывается с образованием сяньбийской державы и военным господством сяньбийцев над другими кочевыми племенами [11, с. 42]. Следы подобного влияния прослеживаются в некоторых престижных элементах в военно-дружинных субкультурах кочевых племен Саяно-Алтая, в улугхемской культуре в Туве и таштыкской культуре в Минусинской котловине [12, с. 163–165]. Вполне вероятно, что такое влияние проявилось и в военном деле, что нашло отражение в широком распространении древкового колющего оружия, мечей, палашей и защитных доспехов. В то же время появление у носителей таштыкской культуры сфероконических наборных шлемов с бармицами, длиннополых панцирей с высокими стоячими воротниками и короткими рукавами, конских защитных попон следует связывать, скорее, с влиянием восточно-туркестанского и среднеазиатского тохарского и иранского населения (рис. 4, 1–3). Как было отмечено ранее одним из авторов данной статьи, сам стиль и сюжеты изображений на таштыкских деревянных планках были заимствованы у кочевников Средней Азии и Восточного Туркестана в III–V вв. н. э. [5, с. 148]. Орлатские и тепсейские рисунки, судя по изображению деталей конского убранства, должны быть древнее кызыльских, хотя и те и другие относятся к одной стадии развития жестких седел до появления стремян. Кангуйские воины,

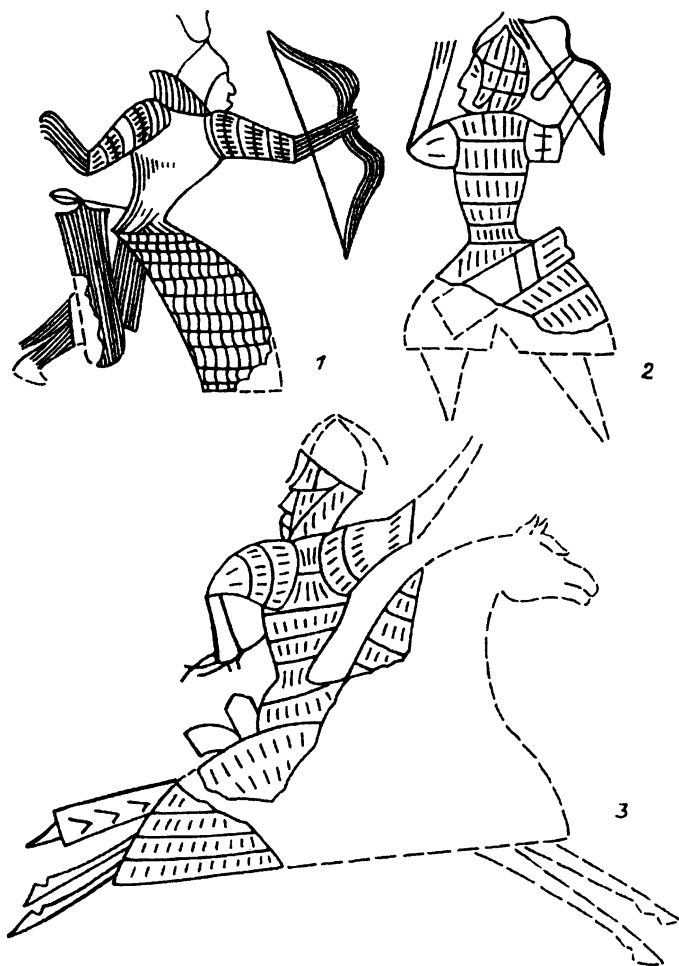

Рис. 4. Изображения таштыкских воинов с Тепсея

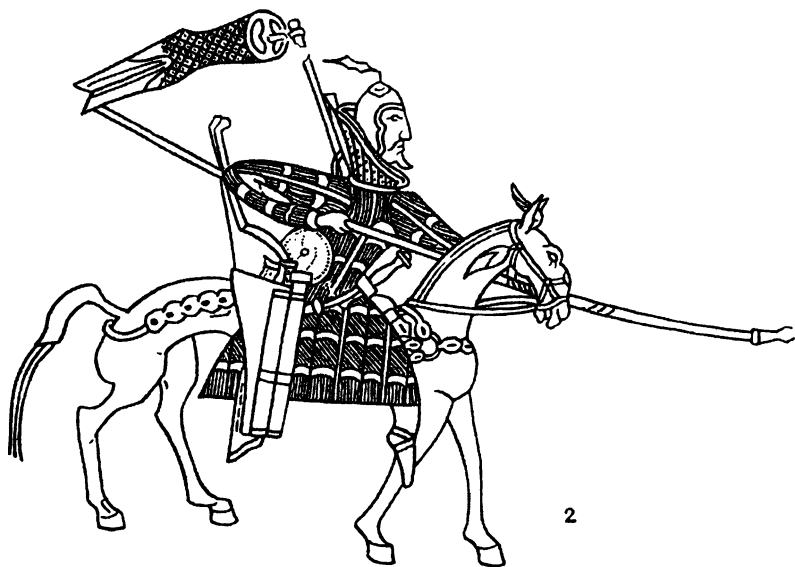

Рис. 5. Изображения воинов из Орлатского могильника

Рис. 6. Изображения воинов из Орлатского могильника

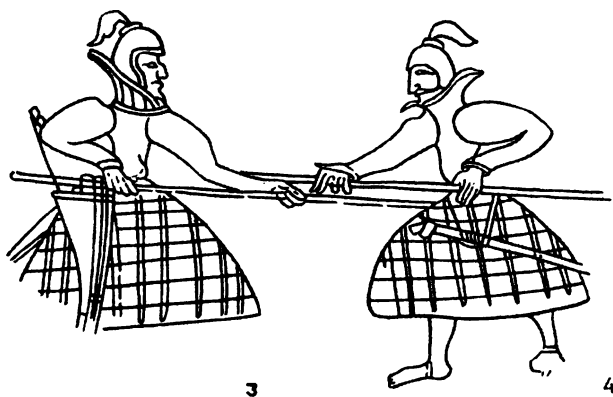
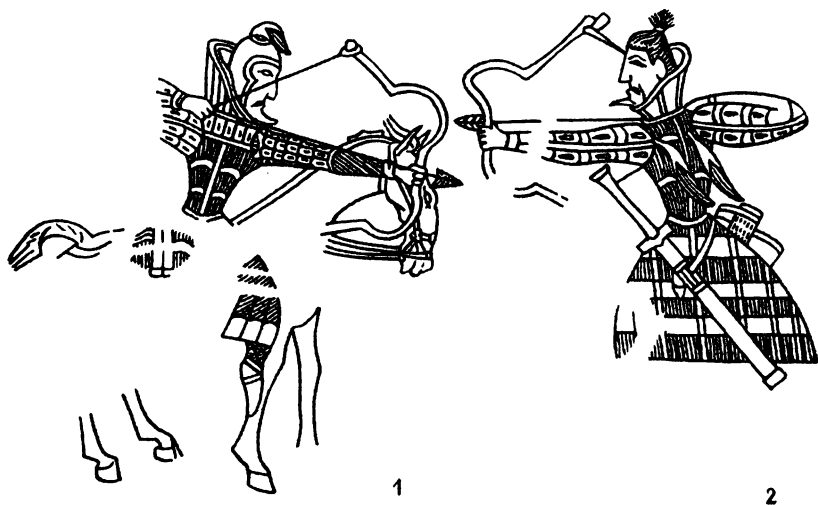

Рис. 7. Изображения воинов из Орлатского могильника

изображенные на орлатских пластинах, вооружены луками «кушано-сассанидского» типа, длинными копьями с ромбическими наконечниками, длинными обоюдоострыми мечами с двуручными рукоятями, чеканами, защищены длиннополыми панцирями с длинными рукавами и высоким стоячим воротником, плотно облегающими голову сферическими шлемами с наушами и назатыльником. У некоторых из них защитные штаны. Один воин имеет небольшой округлый щит. Воины хранят луки в саадаках с надетой тетивой. Эта традиция отличает их от налучий кызыльских вои-

нов. У одного из кангюйских воинов с орлатской пластины изображен штандарт, напоминающий воздушного змея (рис. 5, 6, 7). Ко времени нанесения рисунков в пещерах Кызыла в конструкции седел, налучий, панцирей и шлемов произошли существенные изменения, по сравнению с тем, что было изображено на орлатских пластинах. Видимо, изображения кызыльских воинов нужно относить ко времени существования государства эфталитов в Средней Азии, жужаньского каганата в Монголии и сяньбийского государства во главе с династией Тоба-Вэй в Китае.

Примечания

1. *Амброз А. К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // Советская археология. 1973. № 4.
2. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: хозяйство, материальная культура. М., 1995.
3. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979.
4. *Никонов В. П.* К вопросу о седлах парфянской кавалерии // Военное дело кочевников Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2002.
5. *Никонов В. П., Худяков Ю. С.* Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999.
6. *Пугаченкова Г. А.* Древности Мианкаля. Из работ Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент, 1989.
7. *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
8. *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
9. *Худяков Ю. С.* Вооружение кочевников Центральной Азии в первой половине I тыс. н. э. // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990.
10. *Худяков Ю. С., Комиссаров С. А.* Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск, 2002.
11. *Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа.* Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2000. № 5.
12. *Худяков Ю. С., Алкин С. В., Юй Су-Хуа.* Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. № 4.
13. *Grunweldel A.* Alt-Kutscha. Berlin, 1920
14. *Le Coq A.* Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens, Berlin. 1925.
15. *Le Coq A.* Von Land und Leuten in Osturkestan. Leipzig, 1928.
16. *Le Coq A., Waldschmidt E.* Die Buddhistische Spatantike in Mittelasien. VI Neue Bildwerke. II. Mit den Stil der Wandgemalde aus Qizil bei Kutscha. Berlin, 1927–1928.

К ВОПРОСУ О ТАШТЫКСКИХ КОЖАНЫХ КОЛЧАНАХ *

Изучение военного дела сяньби, одного из кочевых народов Центральной Азии, пришедшего на смену хунну, пожалуй, еще только начинается. Дальнейший прогресс и успехи во многом будут зависеть не только от интереса к кочевниковедческой тематике ведущих полевые археологические исследования китайских ученых, но и, в определенной степени, от синхронизации полученных данных с комплексами вооружения народов степной зоны Евразии. Судя по введенным в научный оборот материалам из памятников северо-восточного Китая, прежде всего могильника Лаохэшэнь, сяньбийцы использовали в своей военной практике самые разнообразные средства вооружения, многие из которых несут на себе следы воинских традиций степных кочевнических культур и «Срединного государства» [3; 12]. Давая характеристику воинственным северным соседям, китайские историографы подчеркивали, что «сяньбийские роды многочисленны, не слабее против прежнего времени», их воины «отличаются физической крепостью и большей сообразительностью», а «оружие острее и лошади быстрее, нежели у хуннов» [1, с. 157; 15, с. 78].

В период своего наивысшего могущества, пришедшегося на время правления Тяньшихуая, сяньбицы совершив ряд походов «овладели всеми землями, бывшими под державой хуннов». По мнению Л. Н. Гумилева, возможно, в результате одного из них, в период 168–173 гг. была покорена Южная Сибирь [5, с. 240]. Это событие не получило должного освещения в китайских источниках, в них можно встретить лишь краткое упоминание народа хэгу, вошедшего в состав племен подчиненных сяньби [14, с. 239]. Данное название относится к одному из фонетических вариантов этнонима кыргызы и в рамках концепции о непосредственной преемственности культуры енисейских кыргызов от таштыкской культуры, позволяет связать его с населением Среднего Енисея, оказавшимся в сфере военно-политического влияния «ветви народа дунху». Однако в связи с отсутствием репрезентативных источников говорить о характере и содержании этого влияния, а тем более о военном противостоянии таштыкцев и сяньбийцев вряд ли представляется возможным.

В исследованиях посвященных вооружению и военному делу таштыкских племен отмечалась фрагментарность дошедших до нас данных, что связано с особенностями и своеобразием их культурной традиции. Реальные предметы вооружения, обнаруженные в археологических памятниках

представляют собой крайнюю редкость. Несколько экземпляров железных наконечников стрел обнаружено в поселенческих комплексах, в грунтовых могильниках и склепах чаще встречаются уменьшенные модели оружия, в то время как реальные образцы составляют единичные находки. К настоящему времени большая их часть описана и систематизирована специалистами [6, с. 432–434; 8; 13, табл. VII, 6, 8; 16]. Анализ изобразительных источников, прежде всего тепсейских деревянных планок и выделение на них сюжетных и стилистических совпадений с рисунками на памятниках соседних территорий позволил дать более разностороннюю характеристику военного дела таштыкских племен [17, с. 89–110; 18]. И все же недостаточная представительность предметных серий, практически всех категорий вооружения, обнаружение многих из них вне комплексов и подчеркнуто выраженный символизм моделей сужают рамки гипотетических реконструкций, и требует расширения источниковой базы. Наряду с этой важной и необходимой работой необходимо пересмотреть и уточнить отдельные категории оружия и исключить из сложившегося фонда предметы, не относящиеся к комплексу вооружения.

В этой связи весьма проблематичным, на наш взгляд, является отнесение к каркасу одежды кожного колчана фрагмента костяного изделия из могилы 6 грунтового могильника Комаркова Песчаная (рис. 1, 1). Он был обнаружен под тазовыми костями погребенного и представляет собой орнаментированную резными линиями пластинку, размеры которой составляют 9,5×2 см, толщина 6 мм. В верхней части боковой грани имеются три сквозных отверстия, диаметром 4 мм [2, рис. 3, 2].

Э. Б. Вадецкая указала на ближайшие аналогии данной находке. Это два стержневидных предмета, стилистически близкие комарковской пластинке, но с большим числом отверстий, обнаруженные С. В. Киселевым на Уйбатском чаатасе (рис. 1, 2, 3). В его монографии рисунки пластин помещены в таблице, посвященной предметам изобразительного искусства, причем автор их сопроводительное описание и предполагаемую культурную атрибуцию оставил за рамками текста [6, табл. XXXVIII, 12, 13]. По мнению же Э. Б. Вадецкой они напоминают каркасные дощечки алтайских кожаных колчанов, обнаруженные В. Д. Кубаревым в скифских курганах и поэтому также могут быть принадлежностью моделей таштыкских кожаных колчанов [2, с. 74]. Анализ проделанный В. Д. Кубаревым привел к достаточно убедительным результатам и не вызывает возражений. Более того, особенности ряда конструктивных деталей, выявленных в ходе его, свидетельствует о том, что в скифское время вооружение алтайских племен развивалось в тесном контакте с военным делом населения соседних территорий [7, с. 74, рис. 1, 1–4; 2]. Вероятно, предложенная им реконструкция может стать базовой моделью для сопоставлений и восстановления различных типов легких кожаных футляров для стрел, включая и таштык-

ские. Тем более что таштыкцы использовали подобные колчаны, что подтверждается находкой в Оглахтинском могильнике кожаного налучья, обшитого по краю шелком, с помещенной в него моделью лука и пятью древками стрел в кармане [9, рис. 25]. Однако в оглахтинском налучье отсутствует какой-либо каркас, как и костяные или роговые накладки (рис. 2). К тому же пластинка из комарковского могильника отличается от алтайских каркасных дощечек не только своими размерами, но и формой. Их сближает лишь наличие сквозных отверстий, но и их расположение на предметах различно. На пластинке они сконцентрированы на одном конце, их наличие на втором, обломанном конце, можно лишь предполагать, а на дощечках, длина которых составляет более 50 см, парные отверстия равномерно расположены по всей площади (рис. 1, 1; рис. 3, 1-5).

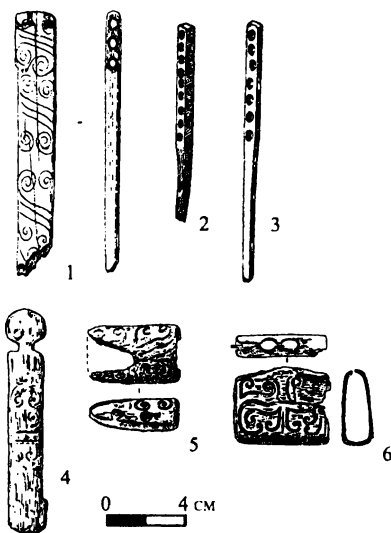

Рис. 1. Косметические щетки и обоймы:

1 – Комарковка Песчаная, мог. 6 (по Э. Б. Вадешкой); 2-3 – Уйбатский чаатас (по С. В. Киселеву); 4-6 – Ближние Елбаны-7, мог. 85 (по М. П. Грязнову) (1-3 – без масштаба)

Анализируя материалы могильника Ближние Елбаны-7, Ю. В. Ширин обратил внимание на фрагмент роговой пластины из могилы 85, которая до поломки ее функциональной части была такой же формы, что и костяной предмет из могильника Комаркова Песчаная. Один ее конец имеет прямоугольную форму с небольшим боковым выступом, а другой оформлен в виде диска, соединенного с пластиной узкой шейкой, за которую крепился ремешок для подвешивания предмета к поясу. Ремешок прохо-

дил с внутренней стороны диска, где была проточена канавка. По мнению Ю. В. Ширина, ближнеелбанская пластина представляет собой косметическую лопатку (щетку) (рис. 1, 4). Идентичность обоих изделий подтверждается не только совпадением размеров и специфическими контурами функциональной части, но и схожим декоративным оформлением внешней поверхности [19, с. 89–90, табл. XXIX, 10].

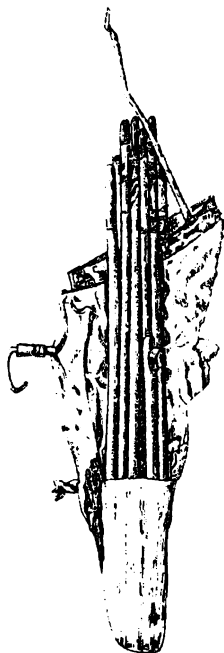

Рис. 2. Кожаное налучье с наконечниками стрел и моделью лука
(по Л. Р. Кызласову)

В краеведческом музее с. Новоселово Красноярского края хранится несколько предметов схожих по своей форме, размерам и орнаментации с предметами из могильников Ближние Елбаны-7 и Комарковка Песчаная. Все они относятся к подъемному материалу и обнаружены на берегу водохранилища. Изготовлены из рога, размеры укладываются в диапазон от 5 до 10 см в длину и от 6 мм до 2 см в ширину. Причем на концевых частях пяти из них имеются сквозные отверстия, на двух по четыре и на трех по три. В их орнаментации преобладают волнообразные элементы, хотя украшение каждого изделия индивидуализировано.

Без орнамента два изделия, размеры одного из них составляют 10 см в длину, поверхность хорошо обработана, частично заполирована. Рукоятка округлой в сечении формы, диаметр центральной части от 0,08 до 1 см,

окончание заметно шире. Верхний край оформлен в виде подпрямоугольной лопаточки, в которой просверлены три конусовидных отверстия. Размеры входящего и выходящего диаметров составляют 4 и 2,5 мм (рис. 4, 1; 5, 1).

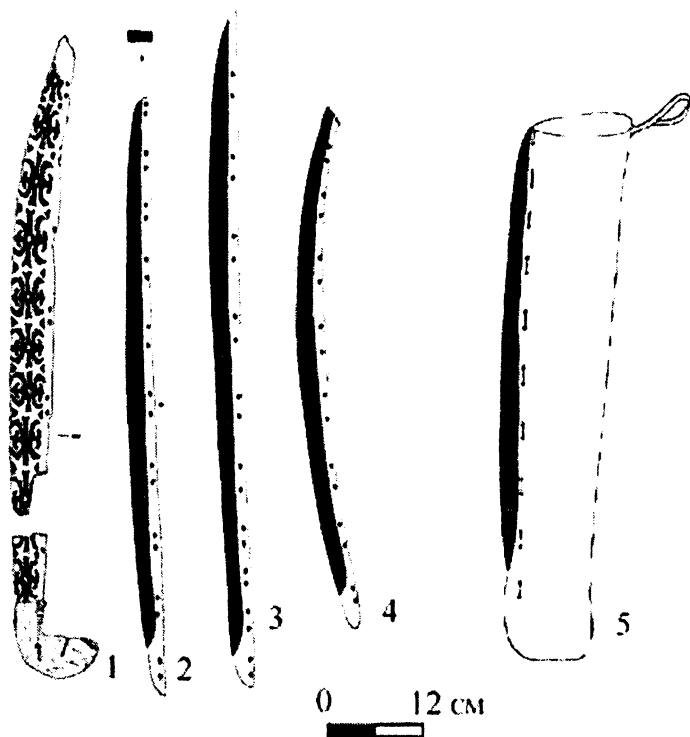

Рис. 3. Каркасные дощечки и реконструкция кожного колчана (по В. Д. Кубареву)

Размеры второго неорнаментированного предмета $8,9 \times 0,06 \times 1,3$ см, рукоять прямоугольной в сечении формы, на конце отверстие для подвешивания к поясу. Другой конец оформлен в виде одностороннего выступа с четырьмя конусовидными отверстиями. Размеры входящего и выходящего диаметров также составляют 4 и 2,5 мм (рис. 4, 2; 5, 2).

Такую же форму, но меньшие размеры имеет еще один предмет из собраний Новоселовского краеведческого музея. Его длина 5,9 см, ширина 8 мм, в сечении он имеет треугольную форму. На окончании орнаментированной рукояти просверлено отверстие, на другом конце, на плоскости одностороннего выступа, просверлено три слившиеся краями отверстия. Диаметр входящего и выходящего отверстий составляет 3 мм и 2 мм, на боковой плоскости выступа нанесен спиралевидный орнамент (рис. 4, 3; 5, 3).

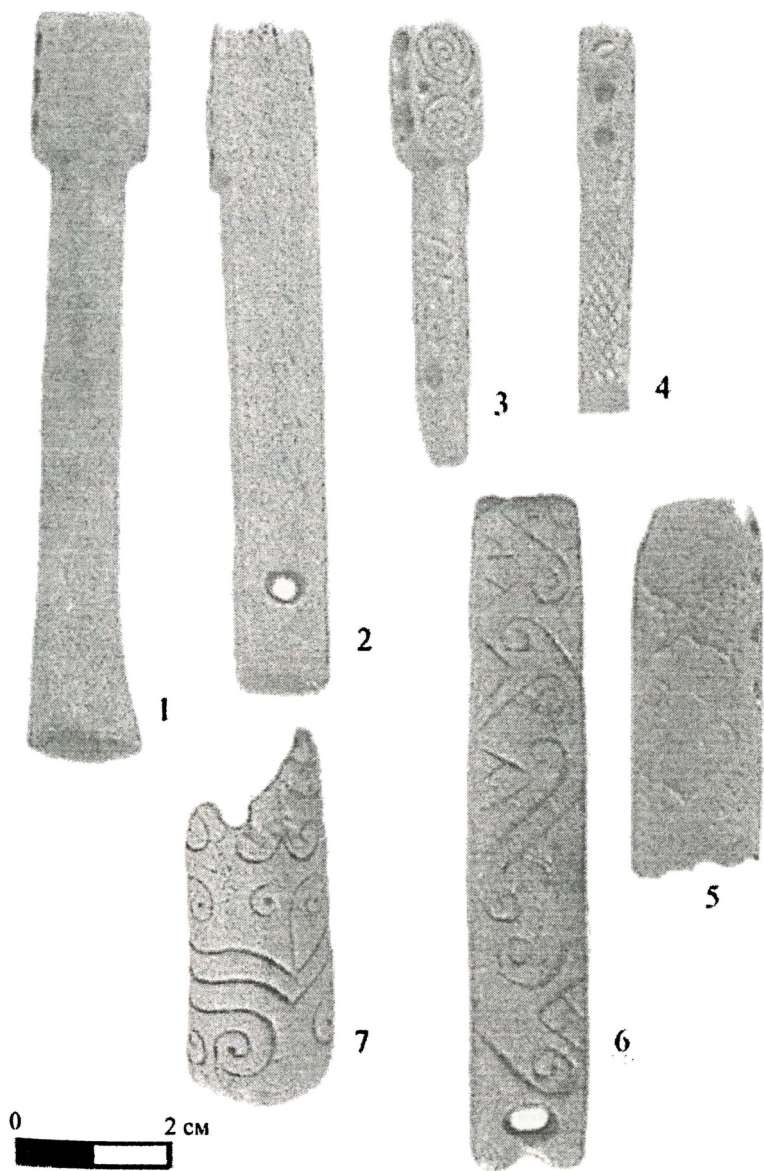

Рис. 4. Косметические щетки и фрагмент рукоятки ножа из собрания Новоселовского краеведческого музея: 1–6 – косметические щетки; 7 – рукоятка ножа

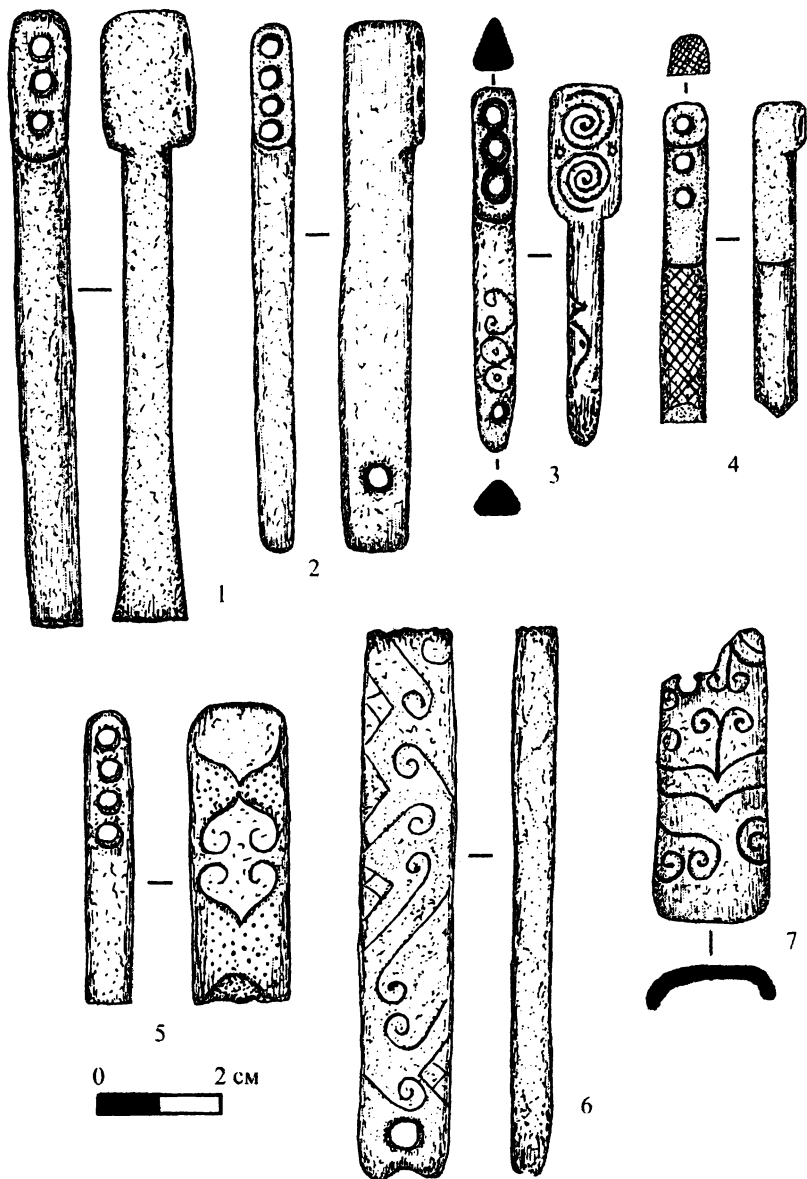

Рис. 5. Косметические щетки и фрагмент рукоятки ножа из собрания Новоселовского краеведческого музея: 1–6 – косметические щетки; 7 – рукоятка ножа

Также достаточно миниатюрно и четвертое изделие, его длина 5,2, рукоять округлой формы, ее диаметр 6 мм, нижний конец косо срезан. Верхний имеет небольшой выступ, на котором просверлено сквозное отверстие, еще два проделаны чуть ниже выступа. Размеры диаметра входящего и выходящего отверстия – 3 и 2 мм. На рукоять нанесен орнамент в виде косой сетки, также оформлена и торцевая часть выступа (рис. 4, 4; 5, 4).

Еще один типологически близкий предмет представлен фрагментом верхней части. Размеры пластинки $5 \times 1,6 \times 0,08$ см, на узкой плоскости просверлено четыре конусовидных отверстия, диаметр входящего отверстия 4 мм, а выходящего 2,5 мм. На одну из широких плоскостей нанесен орнамент, сочетающий воллютообразные элементы с точечным фоном (рис. 4, 5; 5, 5). Судя по тому, что сломанный конец был частично подработан, предметом и после поломки продолжали пользоваться.

Поврежден и шестой предмет из рассматриваемой коллекции, но в отличие от предыдущего сохранилась нижняя часть. Ее конец оформлен небольшим арочным вырезом и имеет отверстие для подвешивания к поясу. Верхний обломанный конец тщательно заполирован. Размеры изделия $9 \times 1,5 \times 0,07$ см. Одна из сторон, по всей видимости, внешняя орнаментирована (рис. 4, 6; 5, 6).

Несмотря на ряд индивидуальных черт, все шесть экземпляров из рассматриваемой коллекции представляют собой один ряд типологически близких предметов. В него следует включить и пластинки из могильников Ближние Елбаны-7 и Комаркова Песчаная. Аналогия последней из них с каркасными дощечками из скифских погребений вероятнее всего ошибочна и не позволяет рассматривать ее в качестве принадлежности модели таштыкского колчана. Очевидно, следует согласиться с Ю. В. Шириным, атрибутировавшим находку из могильника Ближние Елбаны-7 как косметическую щетку [19, с. 89–90]. В отверстиях, по такому же принципу, как и в современных изделиях, закреплялась щетина или пучки волос. Функциональное назначение подобных щеток не до конца понятно и любое предположение может носить гипотетичный характер. Возможно, ими наносили на лицо косметические краски, и они входили в состав туалетно-косметического набора, предметный комплекс которого начинает формироваться с эпохи поздней бронзы. Со временем такие предметы как зеркала, копоушки, ногтечистки, туалетные ложечки, пинцетики, кисточки, маленькие ножницы, коробочки для хранения масел и благовоний, приспособления для растирания красок попадая в погребения маркируют вещный мир женщины. В начале I тыс. н. э. в их повседневном быту появляются и небольшие косметические щетки. Однако не исключено, что ими

пользовались и мужчины для раскраски лиц, что, судя по хорошо известным погребальным маскам, практиковалось таштыкцами. В этом случае стоит обратить внимание на близость орнаментальных мотивов на масках и рассмотренных выше щетках. Они, по данным Л. Р. Кызласова и Г. Г. Король, относятся к позднему комплексу таштыкского орнамента. Типы криволинейных изображений возникают на территории Южной Сибири еще в раннем железном веке, причем первоначально территория их формирования связана с Алтаем, Тувой и Северной Монголией. На Среднем Енисее они появляются в таштыкское время, возможно, вместе с тюркоязычными скотоводами [10, с. 21, табл. III]. Помимо керамики и деревянных предметов, орнамент из волютообразных элементов можно обнаружить и на изделиях из рога. В частности, на фрагменте рукоятки ножа из коллекции подъемного материала того же Новоселовского музея, а также на двух небольших роговых обоймах, одна из которых была обнаружена в могиле 85, вместе с фрагментом щетки, а другая в могиле 20 могильника Ближние Елбаны-7 (рис. 1, 5, 6; 4, 7; 5, 7) Не исключено, что эти предметы, наряду с обнаруженными там же бронзовыми пряжками таштыкского типа, являются подтверждением культурного обмена между племенами Среднего Енисея и Верхней Оби [4, с. 116, 129, табл. LII, 1, 2, 20].

*Работа выполнена по гранту РФФИ № 04-01-00535а

Примечания

1. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Ч. 1.
2. Вадецкая Э. Б. Модели оружия таштыкской эпохи // Военное дело древнего населения северной Азии. Новосибирск, 1987.
3. Горелик М. В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н. э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.
4. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби. МИА, 1956, № 48.
5. Гумилев Л. Н. История народа хунну // Сочинения. Т. 9. Кн.1.
6. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
7. Кубарев В. Д. К интерпретации предмета неизвестного назначения из кургана 1 памятника Туэкта (Горный Алтай) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981
8. Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско – Минусинской котловины. М., 1960.

9. *Кызласов Л. Р.* Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992.

10. *Кызласов Л. Р., Король Г. Г.* Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.

11. *Никаноров В. П., Худяков Ю. С.* Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999.

12. *Рец К. И., Юй Су-Хуа.* К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999.

13. *Сунчугашев Я. И.* Древняя металлургия в Хакасии. Эпоха железа. М., 1979.

14. *Супруненко Г. П.* Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. М., 1974.

15. *Таскин В. С.* Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984.

16. *Худяков Ю. С.* Вооружение таштыкского воина // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.

17. *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

18. *Худяков Ю. С.* Образ воина в таштыкском изобразительном искусстве // Семантика древних образов. Новосибирск, 1990.

19. *Ширин Ю. В.* Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. Новокузнецк, 2003.

ВОЕННОЕ ДЕЛО СЯНЬБИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО КИТАЯ IV–VI вв. н. э.

Военное искусство сяньби долгое время оставалось недостаточно изученной темой в отечественной и зарубежной историографии. Лишь в последние годы археологи и оружейеды смогли привлечь для анализа сяньбийского комплекса вооружения результаты работ китайских исследователей, производивших раскопки на территории Внутренней Монголии и Южной Маньчжурии [14, с. 223–227; 46, с. 37–42]. Отдельные памятники сяньбийской культуры с находками оружия исследованы на территории Восточного Забайкалья [29, с. 68]. Переселившись в IV в. на завоеванную ими территорию Северного Китая из степей Центральной Азии, сяньбийцы с этого периода, в значительной степени, «выпали» из зоны внимания российских археологов. Китайские исследователи долгое время не выделяли особенности военного дела сяньби среди военного искусства прочих «северных варваров», что привело к нивелированию особенностей военного дела табгачей, тогонцев и муюнов в эволюции степных и китайских оружейных комплексов раннего средневековья. В результате многие важные изобретения в области вооружения, воинского и конского снаряжения, военного искусства, появившиеся в период военного господства сяньбийцев, приписывались другим кочевым и оседло-земледельческим народам. Только в 80-е гг. XX в. российские исследователи стали отмечать, что оружейные комплексы Танского Китая, обоих тюркских каганатов, Кореи, Восточного Туркестана не являются изолированными локальными явлениями, а продолжают линию развития, которая возникла в Северном Китае в период существования на его территории сяньбийских государственных образований [21, с. 159; 17, с. 99]. Особую остроту этот вопрос приобретает в ходе изучения восточно-евразийского средневекового военного искусства в целом. Период IV–VI вв. – это время рождения средневекового оружейного комплекса Дальнего Востока и Центральной Азии, который с известными изменениями просуществовал вплоть до нового времени. Изобретение жесткого седла с высокими луками и стременами, полного конского доспеха средневекового типа, появление на Дальнем Востоке тяжеловооруженной конницы, использующей таранную тактику ведения боя, непосредственно связаны с регионом, контролировавшимся сяньбийскими государствами в III–VI вв. Однако отсутствие специального исследования по военному делу сяньбийских племен, проживавших на территории Северного Китая, не дает возможность оце-

нить в полной мере их вклад в развитие военного дела народов Евразии, уточнить сроки появления отдельных предметов защитного и наступательного вооружения, выявить основные заимствования, сделанные евразийскими кочевниками из сяньбийской оружейной панолии III–VI вв.

В начале IV в. в результате длительных междоусобных войн некогда могучий Китай ослаб настолько, что сделался легкой добычей северных и западных «варваров». В течение двух столетий хунны, тибетцы, тангуты и сяньби делили между собой земли к северу от реки Янцзы. Однако основанные кочевниками государства не были долговечными, благодаря чему эта эпоха получила в традиционной китайской историографии название «Период шестнадцати царств». Политическое преобладание того или иного народа во многом определялось численным и качественным составом его войск. Не удивительно, что именно в этот период военное искусство этносов Центральной Азии и Дальнего Востока развивалось как никогда стремительно. Особую роль в данном процессе занимает военное искусство племен сяньби, создавших на территории Китая несколько государственных образований.

Политический взлет сяньбийских племен начался в I в. н. э. Именно в этот период сяньби, выходя на мировую арену и вступают в тесные отношения с Китаем. В ходе войны 49–54 гг. н. э. сяньби разбили хуннов и освободили от них Маньчжурию [28, с. 275]. В 87 г. они уже громили собственно хуннские кочевья, убив при этом самого правителя хуннов Юлюшаньюя [28, с. 293]. С 101 г. начинается почти непрерывная пограничная война сяньбийских племен с Китаем. В 115, 120, 122, 126, 133 гг. сяньбийские старейшины совершали набеги на империю Хань или отражали наступление имперских войск и их союзников. С 157 г. начинаются знаменитые завоевания вождя Таншихая (Таншихуая). В этом году он совершает набег на Китай, разбивает динлинов на севере, фуюйцев на востоке и усуней на западе и «подчиняет все бывшие владения Хунну». В следующем 158 г. молодой завоеватель вторгается в Китай и производит «великий грабеж», опустошивший северные провинции империи. В 163 и 166 гг. Таншихай вновь проникает за Великую стену и громит китайцев в Ляодуне. В 169 г. он во главе армии отправляется в Южную Сибирь и возвращается с победой. После удачно отбитого набега в 174 г. китайцы попытались перейти в наступление в 177 г. Однако «Сяньби не бежали, как некогда хунны. Они грудью встретили китайский удар и все три китайские колонны были разбиты наголову» [28, с. 321]. После смерти Таншихая на сороковом году жизни в 181 г. среди сяньбийцев начались междоусобицы, приведшие в 235 г. к распаду кочевой державы [28, с. 321].

Планомерное проникновение сяньбийцев на территорию Китая началось в III в. н. э. Во второй трети этого столетия на территории Южной Маньчжурии и Северо-Восточного Китая было создано княжество южных

сяньби, правитель которого Мохоба вместе со своим племенем переселился в местность Ги (недалеко от современного Пекина) и основал южно-сяньбийскую династию Муюнов. В конце III – начале IV вв. в китайскую провинцию Шэньси проникли сяньбийские роды, прозванные китайскими историками «белыми сяньби». В это же время вокруг г. Чанъань были расселены воины из поколений северо-сяньбийского племенного объединения Тоба (Табгач), которые использовались китайскими правителями в качестве вспомогательных вооруженных сил [27, с. 72]. Во второй половине IV в. переселение сяньбийских племен и отдельных родов на территорию Китая получило массовый характер.

Причины успехов сяньбийских племен в их борьбе с другими народами Дальнего Востока и Центральной Азии были предопределены высоким уровнем милитаризации обществ. Ранние протогосударственные и государственные образования сяньби появлялись обычно не как результат социального развития общества, а как способ эффективного противостояния внешней угрозе, или напротив, как механизм завоевания новых территорий. В результате, даже административные единицы у сяньби были не родовые (как у хуннов), а военно-территориальные. Во главе таких единиц стояли сотники, тысячники, «предводители» [10, с. 97; 27, с. 30].

В IV–VI вв. на территории Китая существовало три крупных сяньбийских государства и несколько более мелких княжеств и царств. На северо-востоке современного Китая и Южной Манчжурии в 307 г. было создано государство южных сяньби во главе с правящим родом Муюнов. В последующее столетие Муюны (с 352 г. империя Янь) успешно воевали с Кореей (339 г., 342 г.), Фуюй (282–291 гг.), Дуанью (313, 334, 350 гг.), китайцами (292–301, 302, 366, 369 гг.), жителями государства Юйвэнь (319, 344 гг.), хуннами (340 г.) и крайне неудачно со своими северными соотечественниками тобасцами (табгачами). В период расцвета Муюны удерживали под своим контролем Южную Маньчжурию, Восточную Монголию и часть Кореи [11, с. 172].

В 310 г. 700 семей муюнов и «белых сяньби» откочевали на плоскогорье Цайдам, где на берегах оз. Кукунор создали государство Тогон, просуществовавшее до конца VIII в. На протяжении IV–VI вв. тогонцы упорно защищали свою независимость и кочевой быт [10, с. 97].

Однако наибольших успехов среди сяньбийских (хорских) племен добились северные сяньби, известные под именем Тоба (Табгач). Боеспособность знаменитой тобасской конницы потрясала современников. Китайские историки отмечали, что у табгачей «...оружие...острее, а кони быстрее, чем у хуннов» [28, с. 189]. Северные сяньбийцы славились своим умением вести ближний бой. Если в ходе сражения дело доходило до рукопашной схватки, «одолеть их не мог никто» [27, с. 168]. По данным Н. Я. Бичурина, в начале I в. н. э., табгачи проживали на территории со-

временного российского Забайкалья [11, с. 173]. В последующие столетия тобасские племена [27, с. 40] постепенно передвигались на юг, пока не достигли Южной Монголии. Степняки оказали помощь китайским правителям в борьбе с южными хуннами (310–312 гг.) и получили за это земли вокруг города Дай, к востоку от Ордоса [11, с. 88–89, 173]. В течении IV–V вв. табгачи громили муюнов (395, 397, 447 гг.), жужаней (425, 430, 440, 470 гг.), тибетцев (402 г.), телесов (391, 399 гг.), хуннов (427 г.), южных китайцев (430, 449–450, 466–469 гг.), татабов (385, 496 гг.), тогонцев (444, 470 гг.), тангутов (443–448, 497–506 гг.), киданей (392 г.), жителей Восточного Туркестана (442–444 гг.) и к середине V в. стали гегемонами всего Северного Китая. Еще в 398 г. правитель табгачей Тоба Гуй принял титул императора Династии Тоба Вэй (или Северная Вэй), с 496 г. – Юань Вэй. Своего расцвета империя достигла в конце V в. в период правления императора Тоба Хуна II. В это время в ее состав входили весь Северный Китай (до р. Янцзы), Кукунор, Южная Монголия, Маньчжурия и Восточный Туркестан [11, с. 173; 25, с. 201]. В 535 г. Северная Вэй разделилась на два царства: Восточная Вэй (534–550 гг.) со столицей в г. Е (провинция Хэнань) и Западная Вэй (535–557 гг.) со столицей в Чаньане (провинция Шэньси). Правительство Восточной Вэй поддерживало политику культурной ассимиляции китайского и сяньбийского населения, в то время как Западная Вэй «стремилась восстановить институты и обычаи Тоба» [38, с. 60, 83] и поддерживала сяньбийскую знать. В результате военных переворотов власть в Восточной Вэй перешла к китайскому, а в Западной, соответственно, к сяньбийскому военачальнику. Первый создал имерию Бэй Ци (Северная Ци, 550–577 гг.), второй – Бэй Чжоу (Северное Чжоу, 557–581 гг.). Циское правительство пыталось опереться на своих китайских подданных, в то время как чжоусцы прибегали к помощи жужаней и алтайских тюрок. Характерно, что основу обеих армий наряду с китайскими ополчениями составляла сяньбийская (табгачская) конница. Влияние сяньби в китайских государствах следующих столетий было настолько велико, что даже в годы правления династии Тан (618–907 гг.) степные племена продолжали именовать имперских подданных «табгачами» [25, с. 177]. Период правления в Северном Китае династий Тоба Вэй (Юань Вэй или Северной Вэй), Восточной и Западной Вэй, Бэй Чжоу (Северного Чжоу) и Бэй Ци (Северная Ци) получил в китайской историографии название эпохи Северных династий (Северных дворов) – «Бэй-чао» [11, с. 89].

Источники

К сожалению, источники по разным периодам истории сяньбийских государств распределены крайне неравномерно. Так военные комплексы государств Муюнов и тогонцев известны, в основном, по материалам

письменных источников. В то время как по периоду Тоба-Вэй (Юань-Вэй), Восточной и Западной Вэй, Северных Чжоу и Ци существуют многочисленные археологические, письменные и иконографические материалы.

Археологические находки предметов защитного вооружения относятся, в основном, к завершающему периоду существования империи Тоба Вэй и времени доминирования в Северном Китае ее политических наследников - Восточной и Западной Вэй, Бэй Чжоу и Бэй Ци. Эти материалы рассмотрены в специальной статье В. В. Горбунова, опубликованной в данном сборнике. Для характеристики защитного вооружения сяньбийцев II – начала IV вв. н. э. нами привлечены материалы из сяньбийских погребений с территории Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии, которые в этот период составляли ядро сяньбийских государственных и протогосударственных образований. Так в данной работе использованы предметы сяньбийского вооружения из могильника Лаохэшэнь, исследованного китайскими археологами в 1980–1981 гг., могильников Ваньгун II, Иминь II, Лабудалинь, Наньянцзяинцзы, Чжалайнор. Для характеристики вооружения сяньбийцев IV–VI вв. нами используются материалы из объектов, находящихся непосредственно на территории Северного Китая (крепость Лин Чан в провинции Хэбэй, гробница № 88M1 в Шиэртай, и др.). Большинство погребений надежно датируется китайскими исследователями по специфическому инвентарю и благодаря широкому применению радиоуглеродных датировок [46, с. 38]. Изучение сяньбийского вооружения по материалам раскопок и публикаций китайских авторов представляет определенные трудности, поскольку в работах обобщающего характера предметы вооружения описаны по отдельным видам суммарно, без соотнесения с конкретными объектами, из которых они происходят. Изобразительные материалы заполняют имеющиеся пробелы и являются важнейшим видом источников по данной теме. Сяньбийские погребения V–VI вв. содержат крупные (подчас состоящие из десятков и сотен фигурок) отряды терракотовых воинов, изображающих телохранителей и воинов покойного.

Впервые идея поместить в могилу вместе с правителем армию глиняных воинов-телохранителей была в полной мере воплощена в годы правления первого китайского императора Цинь Шихуана (221–210 гг. до н. э.). В ином мире терракотовые воины должны были ожить и составить личную гвардию умершего императора. Не удивительно поэтому, что одежда, амуниция и вооружение солдат династии Цинь были выполнены древними мастерами с максимальной точностью и достоверностью. Традиция изготовления терракотовых армий была сохранена и в эпоху династии Хань (Западная Хань – 206 г. до н. э. – 9 г. н. э., Восточная Хань – 25–220 гг. н. э.). Однако в этот период на уменьшенные фигурки воинов иногда одевали настоящие одежду и доспехи (истлевшие к моменту вскрытия погребения). Ко времени воцарения в Северном Китае сяньбийских династий традиция

захоронения вместе с полководцами и вельможами глиняных воинов еще сохранялась. От ханьского времени терракотовые воины IV–VI вв. унаследовали относительно малые размеры, а от циньского традицию изображать одежду и доспехи из того же материала, что и саму фигуру, т. е., из глины. Благодаря этому, удастся реконструировать внешний вид воинов сяньбийских государств рассматриваемого периода.

Безусловно, позитивной чертой значительного количества захоронений эпохи Раннего Средневековья, является тот факт, что благодаря сопутствующему инвентарю и материалам письменных источников, представляется возможным соотнести то или иное погребение с конкретными историческими личностями, которые были в нем захоронены. Обращают на себя некоторые технологические особенности изготовления терракотовых воинов. Так иногда фигурки панцирных всадников и их лошадей выполнены по трафарету и одинаково раскрашены. В этом можно было бы усмотреть известную стилизацию изображений, однако находки из Лаохэшэня подтвердили достоверность иконографических материалов. Воины сяньбийских отрядов даже в II–III вв. н. э. носили достаточно унифицированное защитное вооружение, выполненное по единым (или близким) стандартам-образцам (см. ниже); с момента создания империи Вэй этот процесс должен был получить свое системное оформление.

При реконструкции комплекса вооружения и одежды по изобразительным источникам исследователь сталкивается с рядом специфических трудностей. Так в руки терракотовых воинов при погребении вставлялись копья, палицы, клинки и алебарды, выполненные из органических материалов (вероятно, из дерева), которые естественным образом не сохранились, что затрудняет реконструкцию этих видов вооружения. Раскраска фигур также обычно не подлежит восстановлению, из-за чего крайне сложно определить материал изготовления того или иного предмета защитного, а в некоторых случаях, и наступательного вооружения. В большинстве случаев также пока не удастся соотнести изображенных воинов с конкретной этнической группой. Характерные для тобасцев косы скрыты шлемами, бармицами, головными уборами и панцирными воротниками, а бороды и усы в этот период носили не только северные кочевники, но и тибетские, тангутские, телесские, хуннские воины, а также сами китайцы. Материалы письменных источников еще более запутывают дело. Так в начале правления династии Тоба всем подданным империи (в том числе и китайцам) вменялось носить «монгольское (хорское) платье», т. е., одежду кочевников [11, с. 177]. Однако в годы правления императрицы-регентши Фэн (80-е гг. V в.) китайскую одежду стали носить придворные и столичные чиновники. А император Тоба Хуна II в 495 г. и вовсе провел своеобразную «культурную революцию», в результате которой сяньбийцам специальным императорским указом вменялось носить только одежду

китайского образца [25, с. 175; 27, с. 211]. Многие табгачи не подчинились этому решению и продолжали носить короткие халаты и шапки [27, с. 214], чем еще более разнообразили внешний вид подданных империи.

Важным источником для нас являются иконографические памятники Западного и Центрального Китая. Значительная их часть также достаточно надежно датируется. Однако некоторые иконографические памятники нуждаются в специальном анализе. К ним, в первую очередь, относятся изображения воинов в одежде и с оружием сяньбийского типа, в то время как сами изображения происходят либо с окраинных земель сяньбийских государств, либо даже и за границы.

Одним из интереснейших иконографических памятников по нашей теме являются рисунки из пещеры 285 в Дуньхуане, датированные 538–539 гг. На живописной фреске изображена битва тяжеловооруженных конных и легковооруженных пеших воинов. Причем художник зафиксировал не только вооружение, но и тактику противников, что представляет исключительный интерес для нашей темы. Вопрос заключается лишь в том, кто изображен на фреске. Маурицио Скарпари соотнес данное изображение с легендой, согласно которой в Древней Индии 500 человек подняли восстание против тирании царя Прасенаджита, но были разгромлены и перебиты [38, с. 142]. Если предположение исследователя верно, то пешие воины это повстанцы, а конные всадники, одерживающие победу – каратели. Однако маловероятно, что одежда и оружие воинов на росписи скопированы мастером с индийских реалий. Анализируя ряд художественных традиций, мы не раз отмечали, что средневековые художники не стремились соблюдать историческую достоверность при изображении своих персонажей. В результате, герои мифических и исторических фресок и миниатюр были одеты в хорошо знакомые художнику костюмы его времени [8, с. 75–76]. Судя по одежде, прическам и оружию воинов из Дуньхуана, мы столкнулись с таким же случаем. Этническое происхождение пеших воинов достаточно прозрачно. Судя по форме причесок, украшенных лентами, коротким халатам, мечам с кольцевидными навершиями, двузубцам «цзи» (см. ниже), перед нами дуньхуанские китайцы, населявшие этот регион с II в. до н. э. [28, с. 349]. Несколько сложнее дело обстоит с конными панцирными воинами. Дуньхуан был завоеван табгачами еще в первой половине V в. [25, с. 185–189]. В ходе военной кампании 442–444 гг. пятитысячный корпус Ван Ду-Гуя осуществлял операцию по присоединению к империи Вэй оазисов Восточного Туркестана. Однако тобасцам не хватило сил, чтобы закрепиться в Куче и Карашаре, но Шаньшань и Дуньхуан, ранее принадлежавшие среднеазиатским хуннам, остались за табгачами [27, с. 182–183]. Весь последующий период Дуньхуан оставался «прифронтовым» городом империи на границе со степью. Кто же послужил основой для изображения – кочевники или воины сяньбийской империи Западной Вэй (535–557 гг.)?

Наличие полных конских панцирных попон, ламеллярных кирас с подолом и длинных копий сближают воинов из Дуньхуана с изображениями жужаньских или тюркских конных латников с Хар-Хада (Монгольский Алтай). Известно, что тюрки вышли на международную арену Центральной Азии в 535 г., когда к ним прибыл посол империи Западная Вэй. Возможно, что на петроглифах изображены жужани, или ранние тюрки, которые находились в вассальной зависимости от жужаньских каганов. В течение второй половины IV в. жужани постоянно воевали с табгачами и совершали набеги на северные и западные окраины империи. Но в 506 г. жужани запросили мира у Тоба Вэй, а в 508 г. они и вовсе были разгромлены восставшими телеутами, причем хан Футу был убит. Только в 516 г. жужани смогли одолеть мятежников, но тут же начали длительную междоусобицу (516–520 гг.), в результате чего телеутам вновь удалось одержать вверх и вынудить правителей жужаней бежать в Китай (521 г.). Все это время жужаням было не до западных границ империи Вэй. В течение десяти последующих лет жужани вернулись в степи, но только в 535 г. в союзе с Западной Вэй выступили против государства восточных сяньби. И лишь в 540 г. (т. е., уже после написания фресок в Дуньхуане) западные тоба и жужани сошлись в бою в бассейне р. Хуанхэ [12, с. 205–206]. Художник, рисовавший дуньхуанские фрески, просто не мог видеть тяжело-вооруженную жужаньскую конницу в действии. Т. о., предположение о жужаньском происхождении латников из Дуньхуана кажется маловероятным, в то время как на их тобасские корни указывает целый ряд факторов. Так для воинов сяньбийских и китайских государств этого времени были характерны катафракты с подолом до колен, халаты с широкими рукавами и осевым разрезом, кистеобразные конские султаны и особенно «цзи» (втулки для перьев и бунчуков на панцирном конском накрупнике); все это, как и унифицированный комплекс одежды и вооружения, сближает дуньхуанских всадников с изображениями с территории Северного и Центрального Китая (с территории империи Западная Вэй). Это предположение подтверждает и версия Скарпаро, согласно которой на росписи изображен эпизод гражданской войны, а в ней противостоять дуньхуанским китайцам (вероятно соотечественникам художника) могли только регулярные части империи Вэй. В 20–30-е гг. по Северному Китаю прокатилась волна народных восстаний (затронувшая и жителей Хэси), которая была жестоко подавлена тобасскими властями. Возможно, именно эти столкновения повстанцев и столичных войск нашли свое аллегорическое отражение в работе художника из Дуньхуана.

Другим важным иконографическим источником для нас являются изображения воинов с Тепсейских плакеток. Проанализировав их вооружение, М. В. Горелик предположил хуннское или сяньбийское происхождение гибнущих на плакетке воинов, противостоящих таштыкскому

лучнику-победителю [23, с. 400]. Продолжая сравнение тепсейских материалов с иконографией Северного Китая, можно отметить практически полную идентичность ламеллярного шлема одного из тепсейских латников с наголовьем вэйского воина из Шэньси конца V в. (рис. 19, 23). Предположение М. В. Горелика о принадлежности латников из Минусинской котловины к сяньбийцам согласуется с анализом прически одного из воинов. В эпоху средневековья способ укладки волос имел огромное значение, по нему можно было определить принадлежность человека к тому или иному этносу. Китайские авторы в исследованиях, посвященных «северным варварам», уделяли специальное внимание описанию причесок. Так сяньбийцы государства Юйвэнь [27, с. 32] «...стригли волосы и оставляли только на макушке вместо головного убора» [12, с. 208]. А за табгачами в китайской литературе закрепилось название «косоплетов» (за обычай ношения за спиной длинных заплетенных кос). Прическа воина с тепсейской плакетки достаточно специфична: волосы надо лбом выбриты, на темени оставлены пучки коротких косичек или хвостов, а волосы на затылке собраны в косы (рис. 19, 68). Точные копии подобных причесок происходят с территории Северного Китая и датируются IV–VI вв. Пучками волос, перетянутых у основания ремешками и длинными косами на затылке, украшены прически охранников табгачских правителей с китайской гравюры первой трети VI в. (рис. 19, 69–71). Конные лучники из Дуньхуана эпохи Западной Вэй (первая половина VI в.) также носят длинные косы на затылке и короткие пучки волос на темени (рис. 19, 66). Поэтому соотнесение воинов с тепсейских плакеток с периодом существования сяньбийских государств в северном Китае кажется вполне приемлемым. Очень схожие по конструкции панцири изображены у воинов на фресках Кызыла из Восточного Туркестана, которые относятся ко времени до включения этих районов в состав Первого Тюркского каганата. Более того, представляется возможным скорректировать датировку изображений из Минусинской котловины. Учитывая, что большинство изображений воинов с подобными прическами относятся к VI в., можно предположить, что находка из Тепсея несколько моложе, чем принято считать. Вероятно, верхней границей изготовления плакетки являются IV–V вв.

Значительный интерес для нашей темы также представляют когуреские фрески из Тунгоу, датированные концом IV – началом V в. На одной из них изображен поединок тяжеловооруженных всадников. Один из них, не выдержав напряжения боя, поворачивает коня и пытается бежать, но второй, панцирный воин, настигает его и наносит удар копьём в спину. Воин-победитель, безусловно, когуресец. На это указывает характерный шлем с плюмажем и декоративными крылышками, ламеллярная кираса с широкой юбкой и набедренниками до пят, а также специальный значок, выполненный в виде перепончатого крыла (вероятно, из материи, натяну-

той на деревянный каркас), прикрепленный к седлу. Все эти элементы имеют точные аналогии в когуресском воинском комплексе IV–V вв. [22, с. 152, рис. 3, 12, с. 154, рис. 4, 3, 6–7]. Однако, вооружение конника, проигравшего поединок, сильно разнится со всеми известными изображениями с территории Корейского полуострова. Всадник одет в длинный (до пят) ламеллярный (?) доспех покроя «халат» или «катафракта» с высоким воротником и широкими наплечниками. На голове специфический цилиндрический шлем с налобной пластиной. Конский доспех лишен декоративного крыла, характерного для когуресских панцирных попон. Вероятно, корейский художник в качестве противника своего соотечественника изобразил сяньбийца, т. к. шлемы цилиндрической формы, ламеллярные халаты и катафракты в рамках данного региона в этот исторический период были характерны именно для жителей Северного Китая, и в первую очередь, для сяньбийцев (рис. 19, 29, 31, 34; рис. 13, 8; рис. 14, 10–11). Судя по датировке изображения, тяжеловооруженный сяньбийский воин является подданным империи Младшая Янь (династия Муюнов), которая контролировала приграничные с Когуре территории Северо-Восточного Китая в конце IV в. н. э. В 385 г. между Когуре и Младшей Янь вспыхнула война, вызванная корейской агрессией против Ляодуна [27, с. 146]. Возможно, фреска из Тунгоу изображает один из эпизодов этого вооруженного конфликта. Поединки знатных воинов и даже полководцев в войнах между Муюнами, Юйвэнью и Когуре были важным элементом крупных сражений этого периода [27, с. 92].

Интерес исследователей долгое время вызывали необычные головные уборы тяжеловооруженных воинов Хар-Хада (Монгольский Алтай). Они представляют собой низкий плосковерхий (в двух случаях) и остроконечный (в одном случае) головной убор с двумя перьями по бокам (которые иногда принимают за рога). Изображения шлемов с приспособлениями для бокового крепления перьев крайне малочисленны и происходят отдаленных, по отношению к Алтаю, территорий [22, с. 162, рис. 9, 26]. В китайской иконографии изображения головных уборов с перьями на висках также очень редки, причем почти все они известны одетыми на воинах-кочевниках. Плоские шапочки с перьями носят хуннские и, особенно часто, сяньбийские всины эпохи Тоба Вэй и Западной Вэй (рис. 19, 60–63). Характерно, что в двух случаях такие головные уборы носят тобасские панцирные воины, одетые в ламеллярные доспехи (рис. 19, 61–62; рис. 13, 10–11). Очень близкие по форме шапочки с перьями имеют табгачские или жужаньские охотники с фрески одной из пещер Дуньхуана (рис. 19, 63). Совпадения достаточно специфичного вида головных уборов у народов Алтая и земель Северного и Западного Китая, находящихся под контролем сяньбийских племен, должны, вероятно, указывать на сяньбийское происхождение изображенных на Хар-Хадской писанице конных латников. Ими

могут оказаться сяньбийские или хуннские воины из окружения князя Ашины и его приемников, приведших свои «пятьсот семейств» в Гобийский Алтай с территории Китая и Восточного Туркестана и ставшие этнической основой древних тюрков, или жужани, контролировавшие степные просторы Центральной Азии вплоть до середины VI в.

Описание оружия и тактики сяньбийских и китайских воинов IV–VI вв. содержится в китайских летописях, переведенных Н. Я. Бичуриным и рядом российских и иностранных востоковедов XIX–XX вв. [11, с. 88–90, 172–173; 12, с. 167–177; 184–207]. Однако упоминания о конкретных предметах вооружения малочисленны и разбросаны по тексту. Значительный интерес представляет перечисление предметов защитного и наступательного вооружения, преподнесенного тобасским императором жужаньскому царевичу Анахуаню в 521 г. [11, с. 200]. Китайские источники живописуют «мужество» и «ярость» табгачей, но крайне скупо описывают применявшиеся ими тактические приемы. Однако комплексный подход при изучении археологических, иконографических и письменных источников позволяет реконструировать комплекс вооружения и тактику ведения боя конных и пеших воинов государств Северного Китая IV–VI вв.

Историография

Попытки выявить причины побед сяньбийцев над своими соперниками в ходе борьбы за Северный Китай были предприняты еще в начале XX в. Так, по мнению Г. Е. Грумм-Гржимайло, одной из причин возвышения сяньбийцев были особенности их этнического менталитета: «...сяньбийцы отличались особой жестокостью. Эта черта их национального характера проходит красной чертой по всей их истории... Вместе с тем, однако, не было в Средней Азии народа, среди которого история отметила бы столько примеров доблести, самопожертвования и незлобивости, как у сяньбийцев. Очевидно, темперамент этого народа совмещал крайности» [25, с. 182–207].

Л. Н. Гумилев в своих работах, посвященных истории хуннов и сяньбийцев [27], значительное внимание уделил описанию военных компаний Муюнов и табгачей. По его мнению, китаизация сяньби была более сильной и глубокой, чем китаизация хуннов [27, с. 29]. Проанализировав приведенные Н. Я. Бичуриным данные по вооружению тогонцев, Л. Н. Гумилев предположил, будто отсутствие копий в оружейном комплексе последних указывает на то, что «...тактика ударного боя еще не вошла в употребление» [27, с. 30].

Отдельные материалы по вооружению из сяньбийских погребений приведены в работах Г. Мэнса и М. В. Воробьева [33, с. 31; 14, с. 223–227].

М. В. Горелик в сборнике тезисов докладов XXIX Сессии Алтаистической Конференции 1986 г. определил IV–VI вв. как самостоятельный этап развития евразийского вооружения, который он условно обозначил; как

«Сяньбийский». По мнению М. В. Горелика, этот этап характеризуется единством «...развития форм вооружения, тактики, военной одежды во всей Евразии. Появление однолезвийного рубяще-режущего клинка, стремян и новой формы седла у оседлых народов Дальнего Востока, успешное заимствование и дальнейшее развитие их кочевниками» [18, с. 23]. В работе этого же автора, вышедшей в 1993 г. и посвященной эволюции защитного вооружения кочевников и их соседей в I тыс. н. э., приведены ряд изображений конных и пеших воинов из погребений с территории сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. [22, с. 150, рис. 1, 6, 15, 16, с. 153, рис. 3, 4, 8–11, с. 154, рис. 4, с. 155, рис. 5, 1, 9, 12, с. 156, рис. 6, 1–7, с. 162, рис. 9, 3–7].

В 1999 г. К. И. Рец и Юй Су-Хуа в специальной работе проанализировали защитное вооружение хуннов и сяньби до их переселения в Китай [37, с. 42–55]. В статье был подробно рассмотрены ламеллярные панцири и шлемы из могильника Лаохэшэнь II в. н. э., предложены авторские реконструкции этих видов защитного вооружения. Отметив близость предметов защитного вооружения китайским (ханьским) образцам начала н. э., авторы полагают, что на их основании представляется возможным «...выделить и собственно кочевнические традиции, получившие дальнейшее развитие, начиная с III в. н. э. [37, с. 50].

Комплекс сяньбийского вооружения II–III вв. н. э. был рассмотрен в специальной работе Ю. С. Худякова и Юй Су-Хуа. Авторы последовательно проанализировали предметы наступательного и защитного вооружения, обнаруженные в сяньбийских погребениях Южной Маньчжурии и Монголии. Отмечая наличие широкого круга средств ближнего боя в сяньбийских захоронениях II в., Ю. С. Худяков и Юй Су-Хуа предположили, что сяньби «заметно превосходили их (хуннов – Л. Б.) в ближнем и рукопашном бою благодаря наличию ударных копий, мечей, палашей панцирей и шлемов. Возможно, это превосходство стало одной из причин военных успехов сяньби в войнах с хуннами за господство над племенами Центральной Азии и возвышения сяньбийской державы, влияние которой распространилось до Саяно-Алтая и Восточного Туркестана» [46, с. 42].

В. В. Горбунов в своей монографии, посвященной эволюции защитного вооружения Горного и Лесостепного Алтая III–XIV вв. н. э., отметил особую роль сяньбийцев в развитии панцирного комплекса кочевников, населявших эти территории в период раннего средневековья. По его мнению «...сяньбийская военная традиция легла в основу горноалтайского доспеха» IV–VI вв. [17, с. 99]. На основании археологических материалов Горного и Лесостепного Алтая В. В. Горбунов также выделил особую «сяньбийскую традицию» в изготовлении пластин с ламеллярной системой бронирования. По его мнению, она представляет собой сочетание «китайских» и «хуннских» традиций, а ее характерными особенностями являются

обязательное наличие срединных отверстий (одинарного или парного), обеспечивающих «подвижное соединение» пластин между собой, а также характерное расположение остальных отверстий по поверхности пластины [15, с. 12–13].

Вооружение сяньбийских племен II–VI вв. н. э. в последние десятилетия активно исследуются историками и археологами КНР. Предметы защитного вооружения сяньбийских и китайских воинов V–VI вв. приведены в статьях китайских ученых, посвященных изучению тобасских и бэй-циских захоронений с территории Северного Китая [53, с. 22–35; 55, с. 19–31]. Изображения статуэток конных и пеших воинов из сяньбийских погребений V–VI вв. приведены в ряде искусствоведческих работ китайских авторов [50; 52].

Военное дело Китая до III в. н. э. Проблема становления конницы, как самостоятельного и главного рода войск

Конница сыграла особую, исключительно важную роль в развитии военного дела Китая в период существования на его территории сяньбийских государств и предопределила дальнейшее развитие китайского военного искусства на столетия вперед. Однако важность и специфика этого периода не будет ясна, если не обозначить различия в военном деле сяньбийцев и северных китайцев IV–VI вв. по отношению к военному искусству прежних эпох.

Появление и рост значения кавалерии как самостоятельного, а в последствии и главного рода войск, признается историками, археологами и специалистами в области оружейведения в качестве важнейшего показателя уровня развития военного дела того или иного оседлого народа, т. к. в эпоху средневековья конница (и в первую очередь тяжеловооруженная кавалерия) «...решала исход полевых сражений, а от ее удельного веса в войске зависела его боеспособность» [17, с. 95]. Поэтому в китайской (а отчасти и в отечественной) научной и научно-популярной литературе традиционно велик соблазн удревнить это явление, связав его с эпохой правления династии Хань [36, с. 30] или периодом Чжаньго. Действительно, правители эпохи Чжаньго и, в первую очередь, первый всекитайский правитель Цинь Шихуанди, многое сделали для того, чтобы усилить свои конные подразделения. И значение кавалерии в течении IV–III вв. до н. э. действительно сильно возросло. Однако хотя циньской коннице и приходилось решать исход сражения, использовалась она в основном в качестве разведки и «летучих отрядов», перерезавших коммуникации противника, наносивших чувствительные удары по его тылам [36, с. 30]. Основной же ударной силой императора Цинь были многочисленные подразделения пеших арбалетчиков и прикрытых панцирями копьеносцев. Этот факт фиксируется не только материалами письменных источников, но и расположением знаменитой терракотовой армии в гробнице первого императо-

ра, которая, по мнению ряда исследователей, повторяет циньское построение на поле боя. Центр и правый фланг терракотовой армии составляют пешие панцирные и легковооруженные копьеносцы и арбалетчики, а также боевые колесницы. Спешенные всадники и их боевые кони достаточно немногочисленны и находятся на левом фланге вместе с колесницами и легковооруженными стрелками [49, с. 65].

Императоры династии Хань, правившие Китаем на протяжении четырех столетий (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) реформировали китайские вооруженные силы, плавно развивавшиеся на протяжении периода Чжаньго и Цинь. В первую очередь, это отразилось на росте значения кавалерии как самостоятельного рода войск. Однако основой армии конница в ханьский период так и не стала. В крупных вооруженных конфликтах конница действовала всегда вместе с пешими контингентами арбалетчиков и копейщиков. Последние могли передвигаться на конях, но спешивались во время боя. Эксперимент по созданию крупных конных подразделений легковооруженных лучников (наподобие хуннских) оказался неудачным, несколько более успешной была попытка формирования отрядов всадников, вооруженных древковым и клинковым оружием. Китайские всадники в своей массе не имели достаточных навыков в обращении с конями, а качество конского состава (несмотря на ряд предпринятых правительством мер) продолжало оставаться достаточно низким: «Китайская лошадь, малорослая, слабосильная, тихоходная и маловыносливая, не могла равняться с неприхотливой хуннской лошастью» [28, с. 168]. Положение должны были спасти специальные государственные коневодческие центры на северо-западе страны. Кони для армии закупались у центральноазиатских кочевников или разводились на пастбищах в окраинных районах империи, где это было в значительной степени традиционным занятием [32, с. 80]. Эти действия значительно улучшили качественный и численный состав ханьской конницы, с этого времени воевавшей на степных лошадях «таохэ», сопоставимых по своим характеристикам с лошадьми номадов. Однако попытка еще более улучшить породу за счет скрещивания «таохэ» с тонконогими «небесными конями» («тянь ма») из Ферганы потерпела крах. В связи со своей дороговизной и немногочисленностью, ферганские кони не употреблялись в ходе боевых действий [32, с. 80].

При первых ханьских императорах на государственных пастбищах якобы паслись 300 тыс. «таохэ», за которыми ухаживали 30 тысяч рабов [32, с. 80]. Последнее кажется маловероятным, т. к. даже во II в. н. э. китайские чиновники настоятельно подчеркивали нехватку конных подразделений и указывали на необходимость замены тяжеловооруженной пехоты легкой конницей [32, с. 83]. В 115 г. ханьским правительством были предприняты поистине беспрецедентные меры по изменению структуры армии. По пехотным подразделениям было объявлено о том, что всякий

желающий может покинуть ряды вооруженных сил, заплатив за себя выкуп. На полученные деньги китайские полководцы снарядили отряды китайской «легкой конницы» [28, с. 309]. Стоит ли говорить, что ее численность была невелика, поэтому в походе ее сопровождала целая армия союзных южных хуннов, состоявшая из десяти тысяч конных воинов [28, с. 309].

Помимо чисто организационных и финансовых проблем, развитие конницы в ханьский период тормозили и традиционные взгляды ханьских военных чиновников на значимость различных родов войск. Конная служба воспринималась аристократами как «варварское занятие» и долгое время считалась менее престижной, чем служба в гвардии или колесничих войсках. [32, с. 83]. Вместе с тем, стоимость лошадей и вооружения всадника были исключительно высокими, что также мешало развитию кавалерии как главного рода войск и препятствовало резкому увеличению ее численности. Так, согласно документам из Цзюйан, копье всадника («цыма дао») стоило 7 тысяч монет, в то время как меч пехотинца только 600–700 монет.

Не удивительно поэтому, что значительная часть ханьской конницы состояла из природных кочевников – хуннов, юэсцев, сяньбийцев [32, с. 82], заступавших на императорскую службу с собственным оружием. Боевые качества собственно китайских кавалерийских подразделений были не особенно высокими.

Ханьская конница делилась на конных лучников и воинов, вооруженных древковым и клинковым оружием. Характерно, что собственно тяжеловооруженной кавалерии в ханьский период так и не возникло. Изображения конных китайских воинов, вооруженных копьями, секирами и алебардами указывают на то, что не только шлемы, наручи и поножи, но и собственно панцири употреблялись относительно редко (рис. 1, 7–9). Вероятно, это было вызвано тем, что основным театром боевых действий китайской кавалерии были центрально-азиатские степи, где ханьцам противостояла легковооруженная хуннская конница, неустойчивая в ближнем бою, но легко отрывавшаяся от конных панцирников врага.

Главным родом войск Ханьской империи продолжала оставаться пехота, вооруженная комбинированным древковым и клинковым оружием (рис. 1, 1–3, 10–14). Значительную роль в ханьской армии также играли отряды пеших стрелков, вооруженных луками и арбалетами. Ряд исследователей в качестве отдельного рода войск рассматривают «тяжеловооруженную пехоту» [36, с. 26]. Однако определять основную массу китайских пехотинцев в панцирях в качестве тяжеловооруженных воинов было бы серьезной ошибкой. На большинство статуэток, изображающих китайских «тяжеловооруженных пехотинцев», одеты доспехи, совершенно справедливо отнесенные С. Т. Кожановым к «легким панцирям». Они представляли собой войлочные или кожаные кирасы без набедренников и рукавов.

соединенные на плечах и боках специальными ремешками. Поверх органической основы в несколько рядов нашивались прямоугольные пластинки (рис. 1, 13), по мнению китайских исследователей также выполненные из твердой кожи. Подобные виды панцирей продолжали традиции, заложенные еще в эпоху Циньской империи, однако ханьские панцири проще по конструкции, чем их циньские аналоги [31, с. 56]. Несколько реже ханьскими копейщиками употреблялись так называемые «средние панцири» (рис. 1, 10), снабженные короткими наплечниками и подолом-передником [31, с. 57]. Железные ламеллярные и чешуйчатые кирасы с наплечниками, панцирными «передниками» (рис. 1, 1) и воротниками «пэн лин» носили ханьские офицеры и солдаты элитных подразделений. Один из таких доспехов был обнаружен в городище Эршицзяцзу (рис. 11, 1). Но даже эти панцири сложно отнести к категории «тяжелых», т. к. их подол обычно не опускался ниже середины бедра, а наплечники ниже середины предплечья [37, с. 46–48, с. 52, рис. 2, с. 53, рис. 3]. Характерно, что воины, носившие панцири, почти также часто использовали щиты, как и их легковооруженные собратья по оружию; это указывает на уязвимость защитного панцирного комплекса в целом.

Падение династии Хань, фактический отказ от политики внешней экспансии и начавшаяся шестидесятилетняя полоса междоусобиц эпохи Троецарствия (220–280 н. э.), сопровождавшаяся уничтожением крупных ремесленных центров, привели к деградации китайского военного искусства. Основной армией китайских государств в этот период становятся массы мобилизованного на войну крестьянства, в то время как кавалерия теряет свое былое значение. Немногочисленные китайские кавалеристы в этот период, используются, как правило, лишь в качестве охраны правителей и знати, совершающих передвижения верхом или на колеснице (рис. 2, 4).

Пешие китайские воины периода Троецарствия и Цзинь редко носили металлические панцири. Основная масса ополченцев была вооружена копьями, двузубцами «цзи», кистенями, топорами на длинных рукоятках (рис. 2, 3). Воины ударных подразделений (рис. 2, 2) имели деревянные или плетеные из лозы щиты прямоугольной формы, мечи и палаши с кольцевидным навершием. Командиры подразделений и щитonosцы носили мягкие панцири из органических материалов, скроенные в виде кафтанов с косым запахом, широкие стеганные воротники-пончо (рис. 2, 14, 16, 18) и длинные мягкие набедренники из органических материалов (рис. 2, 15). Пластинчатые шлемы с назатыльниками и панцири, скроенные в виде кирасы с боковым разрезом, составленных из мелких чешуеобразных пластинок (рис. 2, 4–6, 10), могли позволить себе только командиры подразделений, воины гвардейских частей и наемники-профессионалы, на копьях которых держались все китайские режимы II–III вв. [27, с. 21–22].

В годы Троецарствия государственные пастбища на северо-западе страны были заброшены и китайские правители вновь стали закупать лошадей у своих кочевых соседей [27, с. 25]. Повышение стоимости и без того дорогих боевых коней и невозможность формирования собственных по настоящему массовых кавалерийских соединений легковооруженных лучников (по образцу кочевников) привели китайских полководцев к необходимости создания специальной системы защиты коней. Так в Цзиньском Китае появился конский доспех и тяжеловооруженная панцирная конница (см. ниже). Однако на общем фоне политического, экономического и социального кризиса страны эти нововведения в военном деле не смогли повлиять на рост агрессивных настроений по отношению к Китаю со стороны его северных кочевых соседей. Хуннские и сяньбийские правители внимательно следили за внутривосточной обстановкой в Поднебесной и пользовались слабостью Китая. Древние ханьские земли стали жертвой сначала восставших хуннов, а затем и сяньбийцев. Номады переселялись в Северный Китай целыми племенами, с семьями и стадами. Поля были превращены в пастбища, на которых новые хозяева Поднебесной выпасали табуны степных лошадей. Весь Северный Китай становится местом совместного проживания кочевников и китайцев. Смена традиционного ландшафта обитания номадов привела не только к изменениям в экономических и социальных отношениях внутри кочевых обществ, но и к серьезным изменениям в военной сфере, которые по праву можно назвать революционными.

Появление и развитие тяжеловооруженной конницы Дальнего Востока и Центральной Азии IV–VI вв. н. э.

Накануне вторжения в Китай основную массу войск кочевников составляли легковооруженные лучники (рис. 3, 55). Вероятно командиры отрядов и их телохранители применяли предметы защитного вооружения, однако пока нет оснований утверждать, что до завоевания Китая хунны и сяньби обладали сколько-нибудь значительными подразделениями тяжеловооруженной конницы, действовавшей в плотном строю. Судя по сообщениям китайских письменных источников, даже уже находясь на территории Китайской равнины, кочевники еще какое-то время продолжали делать ставку на легковооруженных конных лучников. Однако вскоре на северо-востоке региона, на стыке Южной Маньчжурии, Кореи и Китая возник новый оружейный комплекс, который за два столетия стал доминирующим на территории большинства дальневосточных государств. Характерными чертами этого комплекса было широкое использование предметов защитного вооружения не только для прикрытия головы и корпуса воина, но и для защиты его боевого коня. Сложение панцирного прикрытия коня и всадника, со сбруей нового типа, древковым и клинковым ору-

жем и привело к появлению нового рода войск – тяжеловооруженной конницы.

По представлениям некоторых историков, отличие «средневооруженной» конницы от тяжеловооруженной кавалерии заключается в том, что не только сами воины, но и их кони снабжались защитным вооружением в виде панцирных попон и оголовий. Последнее определяет и тактику этого рода войск – таранную атаку в плотном строю с акцентом на применение клинкового и древкового оружия. Особо отметим, что наличие отдельных тяжеловооруженных всадников в армии совершенно не означает наличие тяжеловооруженной конницы как самостоятельного рода войск. В панцирные попоны могут быть облачены кони военачальников и их приближенных, отдельных богатырей и вельмож. В подобных случаях наличие покрытых броней коней может и не влиять на тактику армии в целом. Так полководец и его окружение могут следить за ходом боя издалека, сберегая силы своих коней и не вступая в бой, в то время как богатыри на бронированных конях могут действовать самостоятельно, а не в качестве бойцов специальных тяжеловооруженных отрядов. Таким образом, судить о существовании тяжеловооруженной конницы (как рода войск) у средневековых народов по единичным изображениям всадников на покрытых панцирной броней конях представляется не совсем оправданным. Однако если по вопросу наличия сколько-нибудь крупных отрядов тяжеловооруженной конницы в армиях кимаков, монголов эпохи Чингис-хана, жителей Северной Монголии XVII в. уже несколько лет идет оживленная научная дискуссия, то факт наличия тяжеловооруженной конницы (как особого рода войск) у сяньбийцев Северного Китая, начиная с эпохи поздних южносяньбийских государств и империи Тоба-Вэй, кажется неоспоримым. Действительно, в погребениях знатных тобасских вельмож IV–VI вв. регулярно обнаруживаются целые отряды терракотовых воинов, среди которых преобладают отряды тяжеловооруженных всадников. Подтверждением наличия крупных отрядов тяжеловооруженной конницы у табгачей и их преемников служат материалы восточно-туркестанской и китайской иконографии, благодаря которой становится возможным не только зафиксировать особенности вооружения панцирных воинов, но и восстановить тактику их действий в ходе рукопашного боя (см. ниже).

Традиционно, средневековые китайские панцирные попоны возводят к древнейшим конским доспехам царства Чу (475–221 гг. до н. э.), служившим для прикрытия лошадей, запряженных в колесницы [17, с. 84]. Однако известные материалы не позволяют утверждать, что процесс развития конского доспеха на территории Китая до IV в. н. э. не был дискретным. В могиле цзэнского хоу И действительно найдены две кожаные конские маски, там же были обнаружены и длинные панцирные пластины, которые по мнению некоторых исследователей относятся к защите корпуса коня,

запряженного в колесницу. Однако для детальной реконструкции панцирной попоны (в отличие от доспеха самого хоу И) пластин явно недостаточно. Вероятно, весь конский панцирь состоял лишь из одного нагрудника [35, с. 91]. Китайский исследователь Го Баоцзюнь считает, что круглые бронзовые пластины, найденные в захоронениях эпохи Чжаньго, могут относиться не только к панцирям воинов, но и к попонам коней, запряженных в колесницы [35, с. 91–92]. Однако пока эта гипотеза не подтверждена иконографическими и письменными данными. В песнях «Ши цзина» дважды упоминаются «доспехи для боевых коней» [30, с. 82], но как они выглядели и из чего состояли сказать сложно.

Еще большее сомнение вызывает сколько-нибудь широкое употребление полного защитного вооружения коней в следующий исторический период – время правления династий Цинь и Хань. Несмотря на наличие многочисленных подробных и исторически достоверных изобразительных источников III в. до н. э. – III в. н. э., нам не известно ни одного (!) изображения полного конского доспеха времен династий Цинь и Хань, хотя терракотовые статуи из погребений императоров этих династий подробно фиксируют вооружение конных и пеших китайских воинов многотысячных (!) элитных подразделений данного периода [49. S. 65]. Письменные сообщения о циньских конских панцирях единичны и очень туманны [30, с. 82]. Утверждение о «несомненности применения панцирей для боевых коней» в коннице Ханьской империи (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) на основании наличия немногочисленных изображений и находок у ее предшественников IV в. до н. э. (при отсутствии таковых в собственно ханьское время) кажется нам преждевременным [23, с. 429]. Однако даже если версия о непрерывности развития конского доспеха от V в. до н. э. до эпохи средневековья в дальнейшем и получит свое подтверждение, то можно будет говорить лишь о единичном использовании таких панцирей для защиты коней отдельных колесничих упряжек и всадников, не составлявших, сколько-нибудь крупных кавалерийских подразделений, а значит и не оказавших принципиального влияния на тактику армии в целом.

Представляется возможным предложить следующую версию развития китайского конского доспеха до IV в. н. э. Большую часть периода Чжоу (XI–III века до н. э.) колесницы были самым мобильным видом войск китайских государств. Однако в ходе дистанционного боя колесничные кони подвергались большой опасности от стрел и камней пехоты противника, поэтому полководцы стали снабжать лошадей специальными масками и нагрудниками. Панцирные попоны коней не могли быть очень тяжелыми (в виду плохого конского парка это привело бы к значительному падению скорости колесницы) и одевались они на самых выносливых коней, какими обладали, вероятно, лишь наиболее знатные и богатые воины типа цзэнского хоу И. При этом такие колесничные упряжки были уязвимы

даже для подвижных пеших копыеносцев и лучников противника, но наиболее опасным их врагом (с конца IV в. до н. э.) стала созданная по степному образцу легковооруженная конница [35, с. 63–66]. Причина непопулярности полного конского доспеха у всадников в эпоху Цинь и Хань, на наш взгляд, кроется в том, что в этот период конница считалась не основным, а вспомогательным видом китайских вооруженных сил. От всадников требовалось использовать свое главное преимущество перед пехотой и колесницами – мобильность, а тяжелое конское вооружение, напротив, мешало конникам выполнить это задачу. Сыграло свою роль и наличие внешнего противника (в этот период – хуннов), использовавшего степные традиции ведения боя, отличные от канонов традиционного китайского военного искусства. Колесницы и тяжеловооруженные всадники просто не могли догнать легковооруженных хуннских конников, предпочитавших вести дистанционный лучной бой. Последний факт предопределил постепенное сокращение численности колесничих войск и развитие легкой и средней ханьской конницы, вооруженной древковым и клинковым оружием.

Еще более противоречивы данные о конском доспехе среди кочевников Центральной Азии в досяньбийскую эпоху. По мнению М. В. Горелика «Достаточно определенно можно говорить о панцирной защите коней тяжеловооруженных хуннских всадников в первые века нашей эры» [23, с. 428]. Если исходить из непрерывности эволюции китайского конского доспеха с эпохи древности, это предположение кажется вполне вероятным. Однако иконографические и письменные источники, подтверждающие данное предположения, нам не известны.¹

Вероятно первые отряды тяжеловооруженной конницы нового типа были созданы не кочевниками, а полководцами Цзиньского Китая (265–316 гг. н. э.). Построенные в колонну терракотовые воины из Чанша (302 г. н. э.) сидят на конях, прикрытых стеганой или плетеной броней (рис. 2, 9, 11–12). Некоторые седла с высокими луками снабжены стремянем, подвешенным с левой стороны (рис. 2, 11–12). Такие стремени не использовались в ходе конных прогулок, а служили только для того, чтобы взобраться на лошадь. Последний факт указывает на то, что воины из Чанша, скорее всего китайцы (традиционно чувствующие себя в седле не особенно уверенно), а не степные кочевники (хунны или сяньби), с детства приученные обращаться с конем без узды и седла. Характерно, что одно из самых ранних изображений стремян соседствует с одним из первых вариантов покроя конской

---

¹ Ссылка М. В. Горелика на Тепсейские планки, в данном случае, кажется нам не совсем оправданной, т. к. последние датируются достаточно широко (III–VI вв. н. э.). А анализ вооружения и причесок воинов с Тепсейской планки указывает скорее на верхнюю границу этого временного отрезка и на их сяньбийское (а не хунское) происхождение (см. выше).

брони, а сами всадники в погребении находятся в традиционном строю тяжелой конницы (глубокая колонна).

Пока сложно определить, были ли конские полудоспехи из Чанша китайскими копиями панцирных попон кочевников, или они являлись изобретением местных мастеров. Ясно лишь, что данные панцирные элементы не сыграли большой роли в развитии основных вариантов покрова доспехов тяжеловооруженной конницы на территории сяньбийских государств Китая IV–VI вв. Центром формирующегося панцирного комплекса стал северо-восток страны, где происходил перманентный синтез китайских, когуресских и сяньбийских военных традиций. Новый конский доспех одинаково сильно отличался и от конского панциря эпохи Чжаньго, и от цзиньской панцирной попоны. Его кажущееся совершенство является, на наш взгляд, не итогом развития «многовековой традиции», а результатом эксперимента, в ходе которого дальневосточные мастера IV в. попытались создать «абсолютный» доспех, который бы прикрыл боевого коня не только от камня и стрелы, но и от удара длиннодревковым комбинированным оружием. Этим можно объяснить и стремление оружейников максимально точно подогнать защитные элементы конского доспеха под анатомию лошади и стремительность его распространения по Евразии. Если для периода с I по III в. н. э. мы не располагаем ни одним достоверным изображением полного конского доспеха с этих территорий, то с середины и до конца IV в. нами зафиксированы десятки изображений когуресских, китайских и сяньбийских панцирных попон, внешний вид которых позволяет утверждать, что все они произошли от одного панцирного комплекса и являются региональными вариантами единой оружейной традиции. Эксперимент дальневосточных мастеров первой половины IV в. оказался удачным и панцирный комплекс быстро распространился по Евразии. Вслед за северо-китайскими (сяньбийскими) государствами и Когуре панцирный комплекс проник в Японию, Южную Корею и Южный Китай. Не позднее V в. он был принесен жужанями или сяньбийцами в Центральную Азию и Южную Сибирь, а благодаря аварам и тюркам ретранслирован в VI в. в Византию и Иран.

Появление тяжеловооруженной кавалерии как массового и перспективного рода войск было обусловлено целым рядом причин. Среди первых из них – технологическая революция, приведшая к изменению конской упряжи. Мягкое седло, состоявшее из двух плоских подушек, набитых шерстью, волосом или травой, заменило так называемое «жесткое седло» на деревянной основе с высокими передними и задними луками. Для облегчения посадки на коня такие седла снабжаются стремянем-подножкой. Эволюция последнего привела к появлению парных металлических стремян современного типа [39, с. 37–41]. Изображения парных стремян с территории Северного Китая фиксируются уже на материалах IV в. н. э.

[39, с. 40, рис. 21, 1], что совпадает со стремительным распространением полного конского доспеха и новой тактики ведения боя. Жесткие седла с высокими луками и стремена сделали посадку всадника гораздо более устойчивой и пригодной для ведения конного таранного и клинкового боя.

Исходя из значительной стоимости полного конского доспеха, В. В. Горбунов предположил, что «...экипировка крупных контингентов бронированной конницы было делом не частным, а скорее, государственным» [17, с. 77]. Поэтому создание тяжеловооруженных конных подразделений у сяньби стало возможным лишь после того, как степные племена были объединены в рамках государственных образований во главе с собственной знатью и прослойкой профессиональных воинов. Однако для создания сколько-нибудь крупных отрядов тяжеловооруженной конницы требовалась не только политическая воля, но и соответствующая материальная база для массового производства предметов защитного вооружения. Сяньбийские правители получили ее после захвата Северного Китая. С 20-х гг. IV в. в их руках оказались крупные центры по производству различных видов вооружения. К китайской материально-технической базе кочевники добавили великолепный конский парк. Качественный конский состав в комплексе с производственными возможностями китайских ремесленников создали основу для развития тяжеловооруженной конницы как многочисленного и перспективного рода войск.

Известную роль в стремительной эволюции панцирной кавалерии сыграла и смена основного театра ведения боевых действий. Уходя на завоевание Китая, кочевники оставляли своим противникам собственные родные степи. Так после ухода хуннов их кочевья заняли табгачи. А после того, как последние объединили под своей властью Северный Китай, их земли в Центральной и Северной Монголии захватили жужани. Основные войны между «варварскими народами» в этот период происходили на относительно небольшой территории Северного Китая, изрезанной речными протоками, горными цепями с многочисленными хорошо укрепленными городами и крепостями. Вести войну на этой территории исключительно традиционными степными способами (т. е., с помощью глубоких кавалерийских рейдов, многокилометровых отступлений-перекочевок и обходов) было сложно, а часто и просто невозможно. Все чаще исход войны стали решать крупные полевые сражения в излучинах рек, на склонах гор и у стен крупных городов, в которых сяньбийцам противостояли не столько легковооруженные лучники, сколько массы плохо обученной, но весьма многочисленной китайской пехоты и отряды средневооруженной конницы. В таких битвах устойчивость конных воинов в ближнем бою значила ничуть не меньше, чем маневренность и мобильность. Последний факт предопределил постоянный рост значения тяжеловооруженной кавалерии на полях сражений IV–VI вв.

В V–VI вв. вэйскими императорами были созданы и социальные предпосылки для последовательного развития вооруженных сил в целом и тяжеловооруженной конницы в частности. После завоевания Северного Китая земли, пригодные для земледелия, были распределены между сяньбийскими воинами. Но попытки превратить кочевников в земледельцев, проживающих в военных поселениях, быстро закончились неудачей [27, с. 186–188] и степняки вернулись к привычному для себя скотоводству. Однако государству требовались не только воины, но и средства на их содержание, которые прошлые династии получали в качестве налогов с земельных наделов. Выход был найден уже в первой половине V в. Оставаясь хозяевами наделов, сяньбийцы, вместе с тем, перестали заниматься выращиванием урожая, предоставив это право рабам и китайским крестьянам. Фактически косоплеты превратились в господствующую этническую группу, в то время как основная масса китайского населения составляла эксплуатируемый класс. Число рабов у простого воина достигало 60 человек, у вельмож исчислялось сотнями. Освобожденный от земельных работ, воин получал возможность посвятить свободное время военной службе. При этом труд рабов и крестьян обеспечивал сяньбийского всадника и средствами для приобретения необходимого вооружения и содержания боевого коня. Подобный подход позволил тобасским императорам «стабилизировать варварскую орду» и «сохранить большую часть своего племени, как постоянную армию с пожизненным сроком службы» [27, с. 187–188]. Собираемые же с наделов и крестьянских участков налоги аккумулировались в государственной казне, что делало возможным массовое производство и закупку вооружения государством.

На этапе становления тяжеловооруженной конницы ее создатели преследовали достаточно узкую цель: создать новый вид вооруженных сил, способный с успехом противостоять в ближнем бою легкой и средней кавалерии и пехоте противника. Вероятно, поэтому на ранних изображениях тяжеловооруженных конных воинов латники снабжены, в основном, лишь оружием ближнего боя. Однако со временем функции тяжеловооруженных воинов на поле боя существенно расширились. В число обязательных предметов вооружения с начала VI в. н. э. вошли лук и стрелы (рис. 25, 1). Некоторое представление о комплексе вооружения тяжеловооруженных сяньбийских всадников в этот период дает описание подарков, переданных тобасским императором Мин-ди жужаньскому царевичу Анахуаню в 521 г. Среди них «...одни блестящие (позолоченные? – Л. Б.) латы на всадника и лошадь, шесть стальных лат для всадника и лошадей, два копыя, обвитых шелком и серебряною проволокою, десять копьев под красным лаком с белыми шерстяными кистями, десять копьев под черным лаком со значками; два обитых шелком лука с стрелами, шесть луков под киноваренным лаком с стрелами, шесть щитов под красным лаком с саблями (палаша-

ми? – Л. Б.), шесть щитов под черным лаком с саблями» [11, с. 200]. Характерно, что все вышеперечисленное оружие царевич должен был получить не в столице, а со склада в пограничной крепости [12, с. 201], что указывает на наличие известных запасов предметов вооружения (в том числе и защитного) в имперских арсеналах в конце эпохи Тоба Вэй.

Состав армий сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв.

Накануне завоевания Северного Китая армии сяньбийских правителей состояли из дружин и народных ополчений сяньбийских племен, а также примкнувших к ним отрядов хуннских родов. Дружинники и знатные воины составляли панцирную конницу, сражавшуюся в плотном строю древковым и клинковым оружием.

Письменные источники IV–VI вв. фиксируют отдельные отряды и целые корпуса императорской гвардии, укомплектованной самыми смелыми и сильными воинами государства. Так гвардия сяньбийской династии Муоунов насчитывала 20 тыс. чел. [27, с. 139]. В империи Тоба Вэй также существовали подразделения дворцовой гвардии, которые долгое время были элитой тобасских вооруженных сил. Однако со временем вместо профессиональных воинов гвардия стала укомплектовываться сыновьями знатных вельмож и чиновников, стремящихся сделать быструю карьеру при дворе. Среди командного состава стали появляться офицеры китайского происхождения [27, с. 197]. С этого времени гвардейские командиры начинают участвовать в дворцовых интригах, а солдаты гвардейских отрядов постоянно находятся в столице и используются в дворцовых переворотах [27, с. 220]. Не удивительно, что к 20-м гг. VI в. боеспособность гвардейских частей сильно ослабла. В 530 г. не участвовавшая в настоящих полевых сражениях императорская гвардия сошлась в открытом бою с наемными отрядами сяньбийских землевладельцев, составленными из профессиональных военных и потерпела полное поражение [27, с. 228].

Вероятно, наемные отряды в Тобасском государстве существовали задолго до первой трети VI в., но только в этот период они стали ядром имперских вооруженных сил. В 523–528 гг. Северный Китай потрясли народные восстания, в которых в одном ряду с китайцами выступили южные телесы, жужани, хунны и даже сами табгачи [27, с. 222–223]. Повстанцы разбили правительственные войска и двигались к столице. Империя спас крупный сяньбийский землевладелец Эрчжу Жун, который в 527 г. продал свое имение, а на вырученные деньги нанял профессиональных солдат, составивших корпус из 7 тыс. человек. Воины были прекрасно вооружены и обучены всем видам ближнего и дистанционного боя. В 528 г. отряды наемников атаковали стотысячную армию повстанцев у г. Е и наголову разбили восставших. В последующие годы наемные части были самыми боеспособными отрядами Вэйской империи.

Однако сила тобасских армий была не только в панцирных дружинниках сяньбийских князей, наемных и гвардейских отрядах. На протяжении всего периода важную роль играло и всесяньбийское народное ополчение, составлявшее легковооруженную конницу империи. Проживая на территории Китая, природные кочевники не потеряли навыков степного лучного боя. Для обозначения конного воина-лучника в языке сяньбийцев даже существовал специальный термин «дзудай», дословно «на скаку стреляющий из лука» [12, с. 187]. Именно легкая конница совершала длительные рейды в степь, проводила разведку и преследовала противника [12, с. 186; 27, с. 165]. По мере завоеваний в состав легкой конницы включались воины из покоренных степных народов, которые или уводились и расселялись в застенном Китае, или платили «налог кровью», продолжая проживать в своих родных степях. Так, Муюны привлекали в свои вооруженные силы юйвэньцев [27, с. 92], когуресцев и жителей Ляодуна, а в состав конницы императоров династии Тоба Вэй, помимо собственно табгачей, входили отряды гаогюйцев (телесов – предков уйгуров), хуннов, тангутов, жажаней, татабов и тибетцев [27, с. 134, 140, 196, 207]. Единственным народам, которому удалось отстоять право не отправлять свою молодежь в тобасскую армию, были кидане [27, с. 185].

Помимо кочевников в сяньбийские войска, не позднее IV в., стали включаться пешие китайские отряды. В результате, численность императорских армий увеличивалась до нескольких сотен тысяч человек [27, с. 99]. Так в 396 г. табгачи предприняли «великий поход» на царство южных сяньби Янь. В военной экспедиции, согласно данным китайских источников, приняло участие около 400 тыс. воинов. Причем, наряду с конницей, упоминаются отряды пехоты [12, с. 176]. Военачальники Муюнов с конца IV в. широко использовали речной флот [12, с. 174; 27, с. 136], укомплектованный китайцами и корейцами, а также отряды китайских пехотинцев, вооруженных древковым и клинковым оружием.

Иногда сяньбийские правители пополняли свои войска достаточно специфическим контингентом новобранцев. Так, в борьбе с табгачами сяньбийские Муюны в 396 г. набрали целую армию, состоявшую из воров, преступников и убийц, повторив ханьский опыт формирования армий «молодых негодяев» [12, с. 176]. Тобасский император Тоба Дао (яростный сторонник даосизма) при формировании имперских корпусов накануне войны с Южным Китаем дошел до другой крайности. В 438 г. он специальным указом «вернул в мир» буддистских монахов моложе 50 лет, сославшись на «нужду в войнах». Не известно, стали ли бывшие монахи хорошими солдатами, но экспансия буддизма в Китае была на время приостановлена [27, с. 192].

Характерно, что позднейшие правители империи Тоба-Вэй использовали своих вольных и невольных союзников в качестве классического «пу-

шечного мяса». Так при осаде южно-китайской крепости Хуи в 451 г. тобасский император Тоба Дао, отправляя на штурм инородческие отряды, кричал осажденным: «Убивайте их, если можете; вы окажете мне услугу, уменьшив число разбойников в моем государстве» [27, с. 196].

Военное искусство империи Тоба Вэй

На протяжении IV–V вв. лучшими воинами Северного Китая и Центральной Азии считались сяньбийцы племенного союза Тоба. Основу армии табгачей с IV в. составляла легкая и тяжелая конница, обученная сражаться в ближнем бою. Судя по данным письменных источников, добиваться победы косоплеты предпочитали именно в рукопашных схватках.

Показательно, что правители табгачей делали ставку не на численный, а на качественный состав своих войск, следуя известному принципу «воевать не числом, а умением». Ударная конница северных сяньбийцев в русском переводе названа «отборной». Гегемония табгачей в степи началась с того, что их вождь Юйлюй «имея отборную конницу в 318 г., сделался сильным воином в северной стране» [12, с. 171]. Исследовавший средневековые тексты Н. Я. Бичурин отмечал высокий уровень подготовки и дисциплины сяньбийской кавалерии в тобасский период: «Полководцы Южного Китая долго оспаривали у него (у Тоба Гуя – Л. Б.) владычество над севером: но мужество образованной (т. е., обученной – Л. Б.) кочевой конницы везде торжествовало над ними» [12, с. 89]. В 470 г. вэйский император Тоба Хун (Сянь-вынь-ди) наставлял своих воинов и полководцев: «В войне потребно искусство, а не многочисленность. Вы для меня только мужественно сражайтесь, а распоряжения военных действий предоставьте мне» [12, с. 194]. Этот принцип ярко иллюстрируют полевые сражения IV–V вв., проходившие с участием тобасских армий. Так в 391 г. ордосские хунны Лю-Вэчэня и его сына Чжимиди (90 тыс. чел.) выступили против южного поколения дома Вэй. Тоба Гуй имея всего «пять или шесть тысяч» отборных конных воинов (в том числе и конных панцирников) в степном сражении разбил противника. Легкая тобасского конница долго преследовала ордосцев. В результате Чжимиди был пойман, а Лю-Вэчэнь убит своими подчиненными. После этой победы «изобилие разлилось во всем государстве» табгачей [12, с. 174]. В 395 г. Тоба-Гуй выступил против сяньбийских Муюнов, имея «20000 отборной конницы» (армия Муюнов насчитывала более 70 тыс. чел.). Табгачи применили военную хитрость. Совершив стремительный рейд через степь и перейдя по льду Хуанхэ, они ночью вышли к лагерю Муюнов. Скрытно взойдя на гору (для предосторожности воины держали во рту кляпы, а морды лошадей были стянуты ремнями) табгачи обрушились на спящий лагерь с тыла и перебили до 10 тыс. воинов. В это же время основные силы тобассцев, вероятно, включавшие в себя и отряды тяжелой конницы, атаковали лагерь Муюнов

с фронта («ударили с лица»). В ходе рукопашной схватки тысячи воинов врага были убиты, а 50 тыс. человек попали в плен [12, с. 175].

Еще более важную роль сяньбийская конница играла в противостоянии Тобасской империи с южно-китайскими царствами. Так в ходе военных действий в 450 г. в долине р. Хуай именно конница принесла победу «величайшему из сяньбийских монархов» Тоба Дао: «Первые действия высланных им (Тоба Дао – Л. Б.) отрядов оказались, однако, неудачными, и ему пришлось не только отступить перед многочисленными войсками Сунов, но и очистить вслед за сим часть Северного Китая. Положение спасла сяньбийская конница. Направленная в обход наступающего противника, она блестяще исполнила свою задачу и внесла такую панику в ряды последнего, которую не в силах были подавить полководцы Южной империи. Их стремительное отступление перешло вскоре в бегство...» [25, с. 190].

В начале 40-х гг. тобасские полководцы приступили к завоеванию оазисов «Западного края» (Восточного Туркестана). Против хуннских князей, контролировавших Дуньхуан и Шаньшань, был брошен пятитысячный корпус, укомплектованный отрядами табгачской конницы под руководством талантливого полководца Ван Ду-Гуя. Табгачи отбросили хуннов и в 443 г. встретились в генеральном сражении с 50-тысячным ополчением г. Карашара. В ходе лобовой атаки и последовавшей за ней рукопашной схватки [27, с. 183] тобассцы перебили многих воинов врага и обратили карашарцев в бегство. И хотя после этого сражения в рядах отряда Ван Ду-Гуя осталось лишь 1 тысяча всадников, этих сил хватило, чтобы разбить отряд «бая» г. Кучи (3 тыс. человек) и закрепиться в Дуньхуане и Шаньшане.

После того, как табгачи ушли в Китай, их родные степи в течение первой половины IV в. были заняты ордой жужаней, которые на целых два столетия стали основным противником империи Вэй на Севере. Основная масса жужаньской армии состояла из легковооруженных конных лучников разделенных на тысячи («полки») и сотни («знамена») [12, с. 187]. С успехом противостоять степной коннице в дистанционном и ближнем бою могли только снабженные панцирями воины средневооруженной (панцирной) конницы, действовавшие во взаимодействии с легковооруженными конными лучниками. Вероятно, именно из них комплектовались тобасские армии, совершавшие далекие рейды в центральноазиатские степи. Так в 391 г. жужане отказались присягать Тоба Гую и попытались «отделиться от дома Вэй», откочевав на север. Тоба-Гуй преследовал беглецов 600 ли. Косоплеты убили и съели своих заводных коней и, в конце концов, настигли жужаней в «Великой песчаной степи у горы Нань-чжуань-шань». В ходе скоротечного боя жужани были разбиты. Более половины населения жужаньского аймака было уведено в плен [12, с. 185]. В 394 г. легкая конница табгачей в очередной раз напала на жужаней и истребила аймак

Хэдохана [12, с. 185–186]. В 399 г. Тоба Гуй вновь отправил в северные степи крупную армию. Жужане в панике бежали за Гоби, а захваченные в ходе похода телесы (подданные жужаней) были включены в состав императорской конницы [12, с. 140].

Применение тяжеловооруженной конницы против жужаней можно предполагать только в тех случаях, когда сражения проходили на территории самого Китая или в них принимали участие лица императорской фамилии. В 424 г. жужаньский хан Датань блокировал небольшой отряд императора Тхай-ву: «Датань окружил его конницей почти в 50 рядов. Сплотившиеся головы лошадей составили стену. Предводители и ратники пришли в крайний страх. Тхай-ву имел обыкновенный спокойный вид, и войско успокоилось», а затем разбило жужаней. В ходе сражения на р. Нюй-шуй (470 г.) император Тоба Хун (Сянь-вэнь-ди) «отрядил 5000 отборных войск завязывать сражение», в то время как другие конные отряды были размещены в засаде. После короткой схватки жужани не выдержали и побежали. Табгачи «...более 30 ли преследовали их и порубили до 50000 человек. Около 10000 покорилось. Оружия и строевых лошадей взято великое множество» [12, с. 194]. После ряда поражений жужани стали опасаться регулярных императорских войск и избегать вступать с ними в рукопашный бой. Однако это удавалось им далеко не всегда. Так в 430 г. жужаньская орда, спасаясь от императорских войск, уходила в степь, но неожиданно наткнулась на корпус князя Чан-сунь Ханя: «Князь ударил на него с конницей (в лоб – Л. Б.) и убил несколько сот старейшин. Датань получив известие о сем, пришел в страх; сожегши юрты, он пошел со своими приверженцами на запад, и неизвестно куда скрылся» [12, с. 190]. Закрепляя успех, табгачские ханы-императоры совершали регулярные походы в степь. В 458 г. «... император предпринял поход на север. Собрано было 100000 конницы, 150000 телег, знамена простирались на 1000 ли... Жужаньцы также от страха уклонились на север и не смели возвращаться на юг» [12, с. 194].

Высокие боевые качества войск косоплетов были результатом не только их «природной свирепости» и «особой кровожадности» [25, с. 171], но и продуманной политики табгачских ханов, регулярно совершенствовавших военные навыки своих поданных. Перед началом боевых действий отряды табгачей стягивались в полевые лагеря, где они проходили совместное обучение [12, с. 190]. В ходе походов конница делилась на корпуса и колонны, которые могли выполнять самостоятельные боевые задачи [12, с. 192]. Характерными чертами тобасских армий IV–VI вв. были мобильность и устойчивость в ближнем бою. Первая достигалась наличием хорошего конского парка, состоящего из степных лошадей (в походе каждый воин имел заводного коня), а второе – наличием надежного защитного вооружения, необходимого в ближнем бою. Последний факт объясняет устойчивое не-

желание легковооруженных жужаней вступать с косоплетами в ближний рукопашный бой.

Сяньбийские воины IV–VI вв. широко применяли оружие дистанционного (луки, стрелы) и ближнего боя (клинковое, длиннодревковое, комбинированное, ударное короткодревковое оружие), а также защитное вооружение для воинов (панцири, шлемы, дополнительные защитные детали) и боевых коней (наголовья, панцирные попоны).

Дистанционное оружие

Мощные сложносоставные луки в комплекте со стрелами специализированных форм были основным видом вооружения кочевников в хуннскую эпоху. Сяньбийцы, добившиеся победы над хуннами во многом благодаря наличию широкого арсенала средств ближнего боя, хотя и продолжили развитие средств дистанционного боя, все же отдавали предпочтение древковому и клинковому оружию. Судя по изображениям, тяжеловооруженные всадники IV–V вв., использовавшие богатый оружейный арсенал, почти не применяли луков и стрел. В течение этих двух столетий лук и стрелы оставались почти исключительно оружием легковооруженной и средневооруженной конницы, пеших и спешенных воинов. И только с конца V в. лук и стрелы вновь вошли в состав комплекса вооружения конных латников, расширив их функциональное назначение на поле боя. Кроме конных латников, в этот период луками были вооружены воины легкой и средней конницы, а также легковооруженные китайские пехотинцы.

Дистанционное оружие. Луки, стрелы, саадаки (гориты, налучи, колчаны)

В сяньбийских комплексах, исследованных китайскими археологами на территории Внутренней Монголии и Южной Маньчжурии, обнаружены фрагмент срединной части деревянной кибиты и костяные накладки лука (рис. 3, 1–10). По количеству и месту расположения накладок на кибиты, сяньбийские луки делятся на два типа. К первому типу относятся луки с концевыми, срединными боковыми и срединной фронтальной накладками. Такие луки были найдены на памятниках Ваньгун, Лабудалинь, Наньянцзянцзы. Концевые накладки луков этого типа были сравнительно небольшой длины, слабо изогнутыми, имели полуовальные или подпрямоугольные концы, небольшие арочные вырезы для одевания петель тетивы. Срединные боковые накладки были разной длины. Они имели скошенные концы. Хотя по составу и расположению накладок сяньбийские луки были схожи с однотипными хуннскими, вероятно, они были короче, поскольку сами накладки были меньшей длины. Такие луки были не такими дальнобойными, как хуннские, но вероятно, отличались скорострельностью и

были рассчитаны на стрельбу на небольшой дистанции полета стрелы. Луки второго типа отличались наличием концевых, срединных боковых составных и плечевых фронтальных накладок. Такой лук был найден на могильнике Чжалайноэр. Концевые накладки у луков данного типа были длинными, узкими, слабо или сильно изогнутыми. Срединные боковые накладки были длинными со скошенными концами. Некоторые накладки были составными, состоявшими из двух склеенных между собой деталей. Фронтальные плечевые накладки были длинными и узкими. Они служили для увеличения упругости кибита лука. Фрагмент деревянной кибита, найденный на памятнике Чжалайноэр, включает середину лука без накладок и обломанные концы. Судя по этой находке, у сяньбийцев были на вооружении и цельнодеревянные луки без костяных накладок. [46, с. 38].

В тобасский период деревянные части луков знати покрывались черным лаком и обматывались шелковой тканью [11, с. 200]. Для натягивания тетивы использовались специальные «наперстки». Один из них, изготовленный из золота, обнаружен в могильнике Лаохэшэнь. Стрельба велась не только с коня, но и в пешеходных порядках. На это указывают изображения пехотинцев и спешившихся конных латников, вооруженных луками и стрелами (рис. 3, 52, 54; 13, 1; 16, 2).

Мощные ханьские арбалеты в сяньбийский период, похоже, теряют свою былую популярность, уступая место сложносоставным степным лукам, по крайней мере – на территории Северного Китая. На это указывает и их почти повсеместное отсутствие в захоронениях и на изображениях IV–V вв. В Южном Китае отряды арбалетчиков сохранились. Причем, при правильном использовании, они были очень эффективны против тобасской конницы. Так в 417 г. южнокитайский флот вышел в поход против тибетцев, следуя вдоль северного берега р. Хуанхэ. По суше за ним шел 30-тысячный конный тобасский корпус. Табгачи атаковали матросов и воинов десанта, если китайские джонки приставали к берегу. Китайский полководец применил интересный тактический прием. На берегу была построена «передвижная крепостица» (вероятно из сцепленных и прикрытых щитами телег), которая сопровождала речной флот. «Гарнизон» состоял из двухтысячного отряда арбалетчиков и нескольких легких катапульт. Обнаружив утром длинную колонну телег, двигавшуюся вдоль берега, тобасские всадники незамедлительно атаковали «вагенбург», но были в упор расстреляны китайцами, так и не прорвав заградительную цепь. На серьезность поражения табгачей указывает тот факт, что среди погибших был и сяньбийский полководец, возглавлявший тобасскую армию [27, с. 159].

В сяньбийских памятниках во Внутренней Монголии и Южной Маньчжурии найдены многочисленные железные, костяные и даже каменные наконечники стрел. Китайские исследователи выделяют среди них 4 ос-

новых типов: «линсинцу» («ромбовидные»), «пинтоуцу» («плоскоголовые»), «бианьсинцу» («ровные»), «унань» (в значении «святица стрела, реву»). Среди железных наконечников выделяются стрелы с трехлопастным в сечении пером. Они имеют удлинённо-шестиугольную, асимметрично-ромбическую или ярусную форму пера. Такие стрелы были найдены на памятниках Ваньгун, Иминь и Лаохэшэнь. На черешок удлинённо-шестиугольного наконечника надет костяной шарик с отверстиями – свистунка. Трехлопастные стрелы в сяньбийских памятниках встречаются достаточно редко. Есть основания полагать, что они могли быть заимствованы у хуннов.

Более многочисленны в сяньбийских комплексах двухлопастные наконечники, для которых характерно наличие нервюры по продольной оси пера. Среди них есть стрелы с асимметрично-ромбической, удлинённо-ромбической, ярусной формой пера и томары с тупым острием. Все эти стрелы найдены на могильнике Лаохэшэнь.

Столь же характерны для сяньбийцев и плоские железные стрелы. Среди них встречаются наконечники с удлинённо-ромбическим, секторным пером и томары с тупым острием. Один из плоских наконечников имеет костяную свистунку. Плоские стрелы найдены на памятниках Лаохэшэнь и Наньянцзяинцзы.

Преобладание у сяньбийцев двухлопастных и плоских железных стрел обусловлено традициями монголоязычных кочевых народов, у которых они использовались с древности до позднего средневековья, и особенностями тактики дистанционного конного боя, рассчитанной на обстрел противника с ближних дистанций.

У сяньбийцев были на вооружении и костяные наконечники стрел. Они черешковые с трехгранным, ромбическим и плоским в сечении пером. Лишь один наконечник имеет раздвоенный насад, характерный для хуннских костяных стрел. По форме пера сяньбийские стрелы подразделяются на удлинённо-ромбические и боеголовковые. Костяные стрелы могли использоваться при стрельбе по легковооруженному противнику [46, с. 39].

Набор оружия дистанционного боя у сяньбийцев по типологическому разнообразию уступал хуннскому. Однако это компенсировалось наличием мощного оружия ближнего боя и средств защиты.

Сяньбийские воины II–III вв. н. э. хранили луки и стрелы в футлярах-горитах, совмещавших в себе функции налущья и колчана. Приемник горитов изготавливался из бересты или кожи и имел два отделения – для лука и стрел. Для жесткости приемник укреплялся железными пластинами. В могильнике Чжалайнор в горите была найдена срединная часть деревянной кибиты лука [46, с. 38]. В период, предшествующий сяньбийской эпохе в истории Северного Китая, в Центральной Азии и на Дальнем Востоке распространяется горит, составленный из трубнообразного футляра для стрел

и изогнутого чехла для спущенного лука. Такие гориты продолжали употребляться на территории Восточного Туркестана вплоть до VI в. Со II в. н. э. они носились на правом боку воина [23, с. 378–379]. Вероятно, подобные гориты использовались и сяньбийскими воинами II–III вв. н. э. (рис. 22, 21).

В III–IV вв. единый горит был разделен на налуч и колчан для стрел. Колчаны для стрел в Северном Китае IV–V вв. кроились в виде кожаного футляра, в который стрелы вкладывались оперением вверх (рис. 3, 47–48, 50–51). Впоследствии эта форма колчана была вытеснена своими коробообразными берестяными аналогами, но в позднем средневековье вновь стала преобладающей на территории от Ближнего Востока до Маньчжурии и Кореи [8, с. 187, табл. 10, 2, 5, 9; 10, с. 188, табл. 11, 1, 3, 5, 6; 8, с. 192, табл. 13, 2, 5; с. 194, табл. 14, 11]. Носились кожаные колчаны открытого типа на правом боку, или за спиной (рис. 16, 26). Причем, судя по изображениям, последний вариант ношения колчанов был популярен не только в Китае, но и в Японии [21, с. 17], а впоследствии в Маньчжурии и Приамурье [4, с. 87]. Начиная с конца V в., вероятно в результате степного влияния, среди воинов Тоба Вэй, а впоследствии Западной Вэй и Бэй Чжоу, стали стремительно распространяться берестяные колчаны, выполненные в виде расширяющегося к низу сплющенного цилиндрического короба, в котором стрелы помещались острием вверх. Для того чтобы оперение на дне колчана не помялось, донце короба делалось широким (рис. 3, 45–46). Для предохранения наконечников стрел от сырости верхнюю часть колчана прикрывали специальным платком из ткани или мягкой кожи, который перед стрельбой просто откидывался в сторону (рис. 3, 46).

В комплекте с колчанами центрально-азиатского типа стали использоваться и новые типы налучей, состоявшие из кожаного или матерчатого «чулка», натянутого на прутьяной каркас. В нем лук хранился только со спущенной тетивой (рис. 3, 49, 60).

Судя по изображениям, луки и стрелы использовали, в основном, средневооруженные (рис. 3, 53, 61) и легковооруженные всадники (рис. 3, 55–60), а также пешие (или спешенные) панцирники и воины, лишенные защитного вооружения (рис. 3, 52, 54; 13, 1; 16, 2). Изображений конных тяжеловооруженных воинов с дистанционным оружием вплоть до 30-х гг. VI в. нами не зафиксировано.

Оружие ближнего боя

Древковое оружие

Копья

Ранние экземпляры сяньбийских копий II–III вв. представлены археологическими находками, их более поздние аналоги известны, в основном, по изображениям.

Уже в погребениях II–III вв. (Иминь, Лаохэшэнь, Чжалайноэр) наконечники копий попадают достаточно часто. Размеры и качество отделки большинства наконечников указывают на то, что сяньбийские мастера-оружейники уделяли этому виду древкового оружия повышенное внимание.

Все копия изготовлены из железа и по способу насада на древко относятся к отделу втульчатых. По сечению пера можно выделить две основные группы: ромбические (граненые) и линзовидные.

Наконечники с ромбическим сечением (рис. 4, 3–5) имеют длинное остроугольное острие, вытянутое перо, покатые плечики и узкие длинные втулки конической формы с выемкой в месте насада. Наряду с классическими наконечниками в могильниках был обнаружен наконечник с почти квадратным сечением (рис. 4, 5), что говорит о высоком уровне специализации древкового оружия в этот период. Копья с наконечниками подобного рода использовались для пробивания металлических панцирей пехотинцев и всадников противника. Узкая и длинная втулка указывает на то, что копия предназначенные для этих целей, имели длинные тонкие древки и вероятно использовались теми же способами, как позднейшие казацкие пики.

Контур линзовидных в сечении наконечников из Южной Маньчжурии повторяет контур граненых наконечников с ромбическим сечением (рис. 4, 1–2). Находки с территории Китая III–IV вв. указывают на то, что развитие древкового оружия Китая и восточной окраины степи шло в одном русле. Наконечники китайских (?) копий эпохи Троецарствия и Цзиньской империи имеют такие же длинные наконечники и втулки с выемками, что и их южно-маньчжурские (сяньбийские) аналоги (рис. 4, 9–10).

Наряду с наконечниками законченных, изящных форм, среди материалов II–III вв. встречаются экземпляры более грубой работы. Внешне они напоминают позднесредневековые русские «рогатины». Наконечники этого типа имеют широкое листовидное острие, короткую и широкую (часто не сомкнутую) втулку для толстого, вероятно, достаточно короткого древка (рис. 4, 6–8). Такие копия на протяжении всего средневековья с успехом использовались, как в пешем, так и в конном строю.

Наличие в составе древкового колющего оружия сяньбийцев ударных копий с наконечниками вытянутых пропорций ромбического или линзовидного сечения дает основание предполагать присутствие в их войсках отрядов таранной конницы, действующей в атаке в более или менее плотном строю. Характерно, что подобные копия найдены в могильнике Лаохэшэнь, в инвентаре захоронений которого присутствуют и другие средства ведения ближнего боя и защиты. Однако копия есть в инвентаре и других сяньбийских памятников, в том числе Чжалайноэра, что свидетельствует о достаточно широком распространении этого вида оружия у сяньби и о важной роли ближнего боя в их тактике. В этом отношении сянь-

бийцы сильно отличаются от хуннов, у которых копьа встречаются крайне редко, а также от кочевников Минусы, Горного Алтая и Тянь-Шаня хунно-сарматского времени, в оружейных комплексах которых копьа встречаются изредка или вообще не представлены [46, с. 41].

Иконографические материалы ханьского, цзиньского и тобасского времени помогают проследить дальнейшую эволюцию китайского и сяньбийского древкового оружия. Удлиненно-ромбические наконечники на длинных древках, как и копьа с листовидными наконечниками, фиксируются иконографическими китайскими материалами I–III вв. н. э. (рис. 5, 1–2, 15–16, 18–19). В эпоху Шестнадцати царств и империи Тоба Вэй длиннодревковое оружие продолжало развиваться в русле, заложенном предыдущим этапом. Иконографические материалы IV–VI вв. фиксируют и узкие (иногда граненые) наконечники, предназначенные для пробивания брони, и листовидные острия (рис. 5, 26, 32, 37–42).. Свободный хват копьа, позволяющий свободно действовать им в ходе боя, привел к появлению копий с двумя наконечниками. Причем, судя по изображениям, одно из них было широким и плоским, а другое – длинным и узким (рис. 5, 32). Мастера экспериментируют с наконечниками копий то сужая наконечник, то наоборот расширяя его, превращая копье в короткий меч на длинном древке (рис 5, 39). Однако численно такие модифицированные наконечники сильно уступали классическим копьам, которые, не позднее второй половины IV в., окончательно вошли в комплекс вооружения тяжеловооруженной конницы в качестве основного оружия нападения.

Комбинированное длиннодревковое оружие

В середине I тыс. до н. э. на территории Китая закончилось формирование длиннодревкового комбинированного оружия, известного в китайской литературе как «цзи». Это слово традиционно переводят как «трезубец», хотя наконечник «цзи» имеет только два острия: основное (копейное) и боковое, расположенное перпендикулярно или параллельно основному острию. Свое название «цзи» получил благодаря тому, что наиболее ранние образцы этого комбинированного длиннодревкового оружия имели три ударные части: острие, боек и обух [35, с. 69]. Однако уже в эпоху Хань наконечник лишился выступающего обуха (рис. 4, 17–21), благодаря чему средневековый вариант «цзи» можно с полным основанием назвать «двузубцем». Двузубец «цзи» представляет собой плоский врезной клинок, в котором соединились чекан «гэ» с длинной режущей бородкой и колющее копейное острие [21, с. 64].

Существовало несколько способов крепления наконечника «цзи» к длинному деревянному древку. Наиболее древним способом можно считать привязывание наконечника к древку с помощью веревок, продетых в центральной или нижней части металлического двузубца (рис. 4, 16).

Вплоть до VI в. существовал иной способ соединения древка и наконечника, который с полным основанием можно назвать «черешковым». Металлический двузубец вставлялся непосредственно в деревянную часть «цзи» и фиксировался шпеньками или ремнями (рис. 5, 15; 5, 28). В эпоху Тоба Вэй наибольшей популярностью пользовались наконечники, которые, как и копья, были снабжены длинными, немного расширяющимися книзу втулками (рис. 5, 34–35, 43–45).

Если в Ханьскую эпоху клинки «цзи», как правило, имели ромбовидное сечение, то в уже в период Троецарствия преобладают более простые линзовидные в сечении наконечники. Судя по изображениям IV–VI вв., сяньбийскими и китайскими воинами в этот период использовались наконечники обоих типов, однако численно преобладали линзовидные.

Из китайского (?) погребения из провинции Цзянсу, датированного III–IV вв. н. э., происходят три наконечника «цзи» (рис. 4, 11–13). Все они линзовидные в разрезе, выполнены по единому стандарту. Наконечник имел вытянутое узкое острие и такой же формы клевец, расположенный перпендикулярно к основному острию. В месте соединения основного острия и клевца на одном из наконечников фиксируется сквозное отверстие. В него могла пропускаться веревка, стягивавшая «цзи» с деревянным древком (рис. 4, 16), бунчук из конского волоса или мелко разрезанных шелковых лент. В последнем случае двузубец не привязывался к древку, а вставлялся в него (рис. 4, 15).

В сяньбийский период форма двузубца «цзи» претерпела значительные изменения. Если в последние века до н. э. боковой клинок «цзи» был прямым или немного загибался вовнутрь [21, с. 295, табл. XXXIX] и использовался в качестве клевца или крюка с режущими краями, то с первых веков нашей эры боковой клинок стал все больше выгибаться и вытягиваться в сторону противника (рис. 5, 5, 10, 12, 11, 20), пока в Тобасскую эпоху он не стал параллелен копейному перу (рис. 5, 29). С этого момента «цзи» теряет функцию клевца и превращается в сложное комбинированное оружие, предназначенное для фехтования с древковым и клинковым оружием противника. Основной и боковой клинки теперь соединяются специальной шейкой, на которую стало возможным принять рубящий удар противника, а затем, резко вывернув древко, вырвать оружие из его рук. Однако китайские оружейники не были бы самими собой, если бы не придали боковому клинку-крюку дополнительные функции нападения. Не позднее начала VI в. боковой клинок приобретает S-образную форму и, сильно увеличившись по ширине, превращается в изогнутый обоюдоострый нож (рис. 5, 43–45). Оригинальным вариантом «цзи» является модель с двумя боковыми лезвиями, которые придают наконечнику классическую форму трезубца (рис. 5, 31). Такие варианты «цзи» не получили широкого распространения среди простых воинов, но на несколько столетий стали

излюбленным оружием высших офицеров и телохранителей китайских армий [48, S. 133].

В конце V в. «цзи» становится совершенным ордием убийства и незаменимым оружием пехоты в борьбе с тяжеловооруженной и легкой конницей. Копейный наконечник в этот период используется для классических колющих ударов, на шейку принимаются скользящие и рубящие удары противника, а острый нож служит для подрезания жил на ногах вражеских коней и нанесения неожиданных боковых ударов. В погоне за комбинацией на одном древке функций разных видов оружия, китайские мастера создали двузубцы, снабженные двумя наконечниками. Один (длинный и расширяющийся к острию) снабжался боковым клинком-ножом, другой (узкий и граненый), предназначенный, вероятно, для борьбы с панцирной конницей, крепился на нижнем конце древка. Многофункциональность и эффективность нового варианта старого двузубца обеспечило «цзи» заслуженную популярность на протяжении правления династии Суй и Тан.

Однако погоня за универсальным вариантом оружия привела к неожиданным результатам. Первыми от «цзи» нового типа отказались всадники. Вошедшая в широкий обиход тактика таранного конного боя, предполагавшая нанесение кавалеристами сильных колющих ударов (причем обычно обеими руками), практически исключала использование сколь угодно сложных «фехтовальных» приемов. Если в ханьское время двузубцы с боковыми клинками-клевецами, служившими для пробивания шлемов и панцирей противника, были востребованы всадниками (рис. 1, 8), то в новую эпоху конные латники стали отдавать предпочтение узкофункциональным, но эффективным в конном таранном бою, копьям с ромбовидным и линзовидным сечением. Пехота от нового варианта «цзи» не отказалась, но многофункциональный клинок двузубца (особенно в сочетании со вторым наконечником) требовал от своего хозяина специальной подготовки (которой обладали дружинники и профессиональные наемники, но никак не мобилизованные на войну крестьяне). Как видно на изображениях VI в. из Дуньхуана, воины, применявшие этот вариант двузубца, использовали его достаточно оригинально. Левая рука размещалась в верхней трети древка, в то время как правая находилась у нижнего наконечника. Причем кисть левой руки находилась в обратном хвате, чтобы в случае необходимости быстро развернуть древко граненым наконечником вперед (рис. 25, 12). Такие действия, предусматривавшие широкий мах оружием с достаточно длинным древком, были возможны только вне плотного строя, а отдельно стоящие пешие воины становились в этот период легкой добычей конников противника (что собственно мы и видим на картине из пещеры № 285 Дуньхуана). Все эти факторы привели к тому, что, несмотря на возрождения «цзи» в качестве основного древкового оружия пехоты, двузубец, в

отличие от швейцарских алебард и немецких пик XV–XVI вв., так и не стал «абсолютным оружием» в борьбе с тяжеловооруженной копейной кавалерией. И весь последующий период именно она вкупе с легковооруженными конными лучниками определяла исход полевых сражений и итоги военных компаний в целом.

В древнем и средневековом Китае существовала развитая система оформления копий и двузубцев «цзи». Китайская традиция украшения копий длинными лентами (рис. 5, 18–19) в течении III–V вв. была вытеснена степными бунчуками из конского волоса или мелко разрезанных полосок кожи или шелка (рис. 5, 15–17). Последний вариант был особенно популярен среди знатных воинов и императорских гвардейцев. Концы шелковых лент зашивались в украшенную аппликацией и вышивками подушечку-«карман» полусферической или трапецевидной формы, которая с помощью цепочки или веревки подвешивалась к шейке двузубца «цзи» (рис. 5, 29). Традиция украшения древкового оружия такими подушечками с лентами была заимствована сяньбийцами Северного Китая у воинов Когуре, которые применяли их с начала V в. н. э. [26, рис. V–4]. В письменных источниках упоминаются тобасские копья, снабженные «белыми шерстяными кистями» [11, с. 521].

Копейные древки с конца V в. раскрашивали в черный и красный цвет, покрывали лаком и снабжали флагами и «значками» [11, с. 200] различных расцветок и форм. Характерной чертой вэйских флагов были вертикально расположенные полотнища, снабженные 4–5 «язычками», причем нижние были короче верхних (рис. 5, 41–42). Среди конников западных провинций страны особой популярностью пользовались длинные узкие флажки с 2–3 «язычками» (рис. 5, 37–39). В Западной Вэй и ее наследнице Бэй Чжоу использовали флаги черного цвета, покрытые рядами синих дисков, или разноцветные полотнища из чередующихся белых, зеленых и красных вертикально расположенных полос (рис. 5, 26). Судя по материалам китайских письменных источников, флаги могли украшаться изображениями зверей и птиц. В эпоху Тоба Дао (ревностного сторонника даосизма) можно предполагать наличие на сяньбийских знаменах и значках даосской символики.

Заканчивая характеристику оформления древкового оружия, несколько слов необходимо сказать об атрибутах власти военачальников и полководцев, укреплявшихся в III–VI вв. на длинных древках. С начала эпохи неизменным атрибутом власти стали зонты и значки, а в конце периода — опахала. Зонты императоров и полководцев представляли собой длинный шест со спицами, на который натягивали тканевое покрывало, украшенное кистями и вышивкой (рис. 5, 50–51, 54–55). Символом власти стали и так называемые «значки», которые русские переводчики настойчиво именуют «бунчуками». Значок, представлял собой бумажный, холстяной или кожа-

ный диск или овал, натянутый на укрепленную на древке крестообразную раму (рис. 5, 49, 52, 56). Значки правителей, полководцев и феодалов покрывались цветными изображениями облаков, волн, растений и животных. Так в 523 г. тобасский представитель Юань Фэу явился к жужаньскому правителю Анахуаню, держа «бунчук с белым тигром» [12, с. 204]. Носитель императорского значка являлся олицетворением военной и политической мощи правителей династии Тоба Вэй. Иногда, только присутствие чиновника с имперским значком остужало собравшиеся бунтовать народные массы. В 521 г. к жужаням должен был отправиться «чиновник с бунчуком», чтобы «успокоить новых поселенцев, и провести нужные распоряжения» [12, с. 203]. После нападения степняков на вэйские земли в 523 г. к ним был отправлен посланец «с бунчуком для успокоения» [12, с. 203]. «Поломынь (жужаньский правитель) принял высокомерный вид, и, нимало не показывая уклончивости, укорил посланника в недостатке должного уважения. Цзюйчжинь (табгачский посол), держа бунчук, нимало не унизился» [12, с. 201]. Не исключено, что значки могли использоваться в качестве опахал. Однако собственно полукруглые опахала вошли в обиход знати лишь в завершающий период существования в Северном Китае сяньбийских государств. Имея похожую со значками конструкцию, они имели гораздо более крупные размеры. Их дальнейшее развитие было связано с династией Суй (рис. 5, 53).

Короткодревковое ударное оружие

Топоры, булавы, палицы, кистени различных форм были широко распространены среди китайских воинов уже в эпоху Хань. Сохранились изображения легковооруженных конных цзиньских воинов, использующих массивные топоры с широким луновидным лезвием на длинном древке (рис. 2, 3). Такие топоры (но уже на короткой рукояти) употреблялись в Китае и Восточном Туркестане вплоть до развитого средневековья [23, с. 383, табл. 47, 7].

В конце III – начале IV вв. в империи Цзинь существовали целые подразделения воинов, вооруженных топорами на длинном и коротком древке. Характерно, что это именно топоры, а не алебарды. Они лишены дополнительного копейного острия и обладали лишь ударно-рубящей функцией. Цзиньские топоры III–IV вв. имели широкое, иногда луновидное, лезвие с оттянутой вниз или обрубленной бородкой и массивным обухом (рис. 5, 22–25). Судя по изображениям, удары такими топорами наносили, удерживая древко двумя руками.

Топоры сохранились на вооружении китайских воинов и в сяньбийский период. Так в 352 г. топором и «укрюком» (т. е., двузубцем «цзи») был вооружен лидер китайских повстанцев Жань Минь. Он использовал топор в рукопашной схватке с «отборной конницей» сяньбийских Мую-

нов [27, с. 101]. В ходе сражения китайцев и тангутов княжества Уду в 434 г. топоры на длинных древках помогли Сунам одержать победу над тяжеловооруженной дисской пехотой: «Дисцы были в носороговых латах, сквозь которые копыя не проникают. Сяо Чень-Чжи (южно-китайский полководец) употреблял топоры, насаженные на шестики... Дисцы, будучи не в силах сопротивляться, ушли...» [10, с. 103].

Булавы, состоявшие из шаровидной (возможно металлической), иногда немного сплюсненной ударной части на короткой деревянной рукояти, использовались китайскими всадниками конца III – начала IV вв. н. э. (рис. 2, 13; 7, 38). Похожее оружие на территории Восточного Туркестана употреблялось вплоть до IX в. [23, с. 383, табл. 47, 7]. Навершие цзиньских булав имело характерное украшение из разрезанных шелковых лент или кисти из конского волоса (рис. 7, 38). Употреблялись такие булавы в комплекте с длинными копьями с листовидными наконечниками.

Единственное зафиксированное нами изображение тобасской булав датируется второй половиной V в. Она имеет короткую, возможно, деревянную, рукоять стянутую металлическими кольцами и плавно расширяющееся шарообразное навершие (рис. 7, 39). Этой булавой вооружен сяньбийский (?) воин, одетый в длинный ламеллярный халат с осевым разрезом и наплечниками (рис. 14, 11).

На изображении легковооруженного цзиньского воина III–IV вв. присутствует боевой кистень. Он представляет собой короткое деревянное древко с плоским металлическим кольцом на навершии, в которое пропущена цепочка или веревка с брусковидным, расширяющимся книзу ударником из дерева или металла (рис. 7, 37). Кроме кистеня, воин вооружен щитом и (судя по характерному расположению правой руки) копьем или двузубцем «цзи», который не сохранился (рис. 1, 4).

О широте распространения короткодревкового ударного оружия среди сяньбийских воинов IV–VI вв. говорить сложно в связи с почти полным отсутствием изображений и находок такового. Модели топоров, булав, кистеней и другого короткодревкового оружия, вероятно, входили в число предметов вооружения терракотовых воинов из сяньбийских погребений Северного Китая. Однако, в отличие от предметов защитного вооружения, они изготавливались не из обожженной глины, а из органических материалов и поэтому до нас не дошли. Кроме того, большая часть упоминаний предметов короткодревкового ударного оружия в письменных источниках относится к оружейным комплексам северных и южных китайцев, в то время как среди вооружения собственно сяньбийцев оно отсутствует [10, с. 98]. На наш взгляд это означает, что в сяньбийский период кистени и булавы не получили широкого распространения среди кочевников. Во всяком случае, численно они сильно уступали длиннотопорковому и клинковому оружию. Этот же процесс зафиксирован М. В. Гореликом и для других регио-

нов Евразии: «В конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. ...роль древкового оружия ближнего боя заметно снижается, уступая место копьям и клинковому оружию». Широкое распространение булав среди кочевников началось в развитом средневековье [24, с. 11–12, 20, 49, рис. 2, 4–5; с. 51, рис. 1, 2. с. 55, рис. 9. с. 67, рис. 1–36].

Клинковое оружие

Мечи и палаши

Традиция изготовления длинных и коротких обоюдоострых мечей была заложена в Китае еще в Ханьскую эпоху. Характерными чертами ханьских клинков были кольцевидные навершия, плоские круглые гарды и ладьевидные перекрестья (рис. 7, 9–12, 18–19). В Цзиньском Китае мечи с длинными узкими клинками находились на вооружении офицеров, воинов элитных подразделений и, возможно, конников (рис. 2, 16; 7, 23). Толстые, широкие и короткие мечи использовались пешей щитоносной пехотой и копейщиками.

Анализируя клинки из сяньбийских захоронений II–III вв. н. э. можно отметить, что хотя сяньбийские (хорские) мечи этого времени и развивались в русле единой восточно-евразийской традиции, они имели ряд характерных черт, отличавших их как от китайских, так и от восточно-туркестанских аналогов. Так сяньбийские мечи из могильника Лаохэшэнь имеют вытянутые рукояти, длинные, достаточно узкие, клинки с параллельными лезвиями (рис. 6, 1–5), иногда ладьевидные (брусковидные) перекрестья, которые сближают их с мечами Ханьской империи и государств Восточного Туркестана II–V вв. [23, с. 387–390; с. 391, табл. 49, 1, 11]. Однако в отличие от китайских и восточно-туркестанских аналогов венчают сяньбийские мечи не кольца и диски, а сложные навершия, составленные из чуть выпуклых декоративных шайб. О широком распространении ярусных наверший из шайб среди сяньбийских мечей II–III вв. говорит тот факт, что все известные обоюдоострые клинки имеют именно такие навершия. Специфическое украшение рукоятей сяньбийских мечей, вероятно, выполняло не только декоративную, но и вполне утилитарную функцию. Металлические шайбы навершия уравнивали тяжесть длинного клинка, делая меч более сбалансированным. Вероятно, мечи подобного рода можно было сбалансировать («настроить») под любого воина, убирая или накручивая металлические «шайбы». В пользу этого предположения говорит разное число «шайб» на навершиях клинков одинаковой длины (рис. 6, 1–5).

После захвата сяньбийцами Северного Китая степные оружейники восприняли местные китайские традиции изготовления и оформления клинкового оружия. Судя по изображениям, длинные обоюдоострые полуторачные, а возможно, и двуручные мечи остались на вооружении знати и

воинов тяжеловооруженных подразделений (рис. 7, 26–28, 30). Короткие, иногда граненые, мечи использовали воины китайских пехотных подразделений (рис. 6, 16–18; 7, 31). Основная масса всадников в этот период имела на вооружении длинные однолезвийные палаши, увенчанные характерным кольцевидным (иногда изящно изогнутым) навершием (рис. 6, 19–21, 24). Некоторые клинки сохраняют ладьевидные перекрестья лаохушэньского типа (рис. 6, 19), но большая их часть вообще лишена перекрестий (рис. 6, 20–21, 24).

Однолезвийные палаши с кольцевидным навершием были распространены среди сяньбийских племен Южной Маньчжурии еще во II–III вв. Причем с самого начала, наряду с палашами с длинным клинком, существовали и их короткие аналоги, которые были одинаково пригодны для боя в пешем и конном строю (рис. 6, 6–7, 9–10). Последний вид холодного оружия получил широчайшее распространение в Северном Китае в сяньбийскую эпоху. Короткими бронзовыми и железными палашами в этот период были вооружены китайские ополченцы сяньбийских армий IV–VI вв. Концы таких клинков обрубались под острым углом, оставляя оружию лишь рубящую функцию (рис. 6, 16–18; 7, 31).

Пешие китайские воины, вооруженные короткими мечами и палашами, как правило не имели панцирей, но широко использовали большие щиты (рис. 25, 1а, в, д, е, ж), реже кожаные и войлочные шлемы и воротники-пелерины.

Сабли

Еще в ханьскую эпоху китайскими оружейниками была предпринята попытка придать клинку рубяще-режущую функцию. До нашего времени дошли изображения и подлинные клинки с изогнутым лезвием, датированные I–II вв. н. э. (рис. 7, 6, 20–22). Среди них встречаются и экземпляры с отогнутой в сторону лезвия рукоятью, т. е., классические раннесредневековые сабли (рис. 7, 21). Традиция изготовления изогнутого клинкового оружия сохранилась и в сяньбийское время. В музее г. Ланьчжоу хранится сабля с кольцевидным навершием и изогнутым клинком, найденная в погребении, датированном китайскими археологами эпохой Северной Вэй, т. е., IV – первой третью VI вв. (рис. 6, 22).

Находки с территории Китая I–VI вв. указывают на то, что изобретателями изогнутых клинков (сабель) были мастера Поднебесной империи, а не кочевники, как считалось ранее. Однако широкого распространения сабли в ханьский и сяньбийский период так и не получили. Эффективное использование главного преимущества изогнутого клинкового оружия (рубяще-режущей функции) могло быть достигнуто только при наличии устойчивого положения всадника в седле. Такое положение могло дать жесткое седло с парными металлическими стремянами, на которых можно

было опираться (и приподниматься), нанося классический удар «с оттяжкой». Однако в ханьское время стремена еще не были изобретены, а в сяньбийское только начали плавно входить в широкое употребление. Поэтому широкого распространения изогнутое клинковое оружие в этот период не получило. Однако сама идея не была утеряна. В раннем средневековье процесс эволюции изогнутого клинкового оружия продолжился, положив начало формированию внешнего облика сабли классического типа.

Кинжалы

В сяньбийских комплексах обнаружены кинжалы. По сечению клинка они относятся к одной группе – трехгранных однолезвийных кинжалов. Среди них выделяется два типа. К первому типу относятся прямые кинжалы без перекрестья с кольцевым навершием. Они имеют прямой однолезвийный клинок с остроугольным острием и прямую рукоять с упором и кольцевым навершием. Такие кинжалы найдены на памятниках Иминь и Лаохэшэнь. Ко второму типу относятся кинжалы со слабоизогнутым клинком, без перекрестья и с кольцевым навершием. Кинжалы данного типа отличаются от короткоклинкового оружия первого типа тем, что имеют слабо изогнутый клинок. Такой кинжал обнаружен на памятнике Лаохэшэнь [46, с. 41]. Значение кинжалов в комплексе вооружения сяньбийцев было не велико, поскольку они обладали большим набором длинных и коротких мечей и палашей.

Ножны и пояса

К IV в. в Китае уже сложилась традиция оформления рукоятей клинков и ножен. Рукояти мечей и палашей обматывались веревкой или кожаным ремешком в несколько слоев, создавая удобный хват руки и снабжались металлическими накладками (рис. 7, 10–12). К кольцевидным навершиям подвязывались шелковые кисти и темляки (рис. 7, 1–2, 11–12). Деревянные ножны обтягивались кожей, покрывались краской и лакировались. Очень часто ножны стягивались и фиксировались металлическими скобами и наконечниками, украшались бронзовыми накладками (рис. 7, 27–28, 32, 34). В ханьский период ножны мечей, палашей и кинжалов часто снабжались вертикальной скобой, через которую пропускался ремешок, крепившийся к поясу (рис. 7, 1–2). В VI–VII вв. преобладающей формой крепления ножен к поясу стали боковые петли металлических накладок (рис. 7, 33, 35–36). В этот же период в широкий обиход входят пояса с накладками, снабженными кольцами для подвешивания ножен и садаков (рис. 6, 25). Эти накладки получили широкое распространение среди чжурчжэней XI–XIII вв. и монголов XII–XIV вв.

Защитное вооружение

III–VI вв. – важный период в развитии защитного вооружения народов Центральной Азии и Дальнего Востока. Именно в это время стали распространяться по настоящему «тяжелые панцири», выполненные из металлических пластин и снабженные длинным (до середины голени или даже до пят) подолом (набедренниками), широкими и длинными наплечниками, многочисленными дополнительными защитными деталями, усиливающими основную доспех. Археологические, иконографические и письменные источники IV–VI вв. фиксируют наличие на вооружении сяньбийцев доспехов с гомогенной и гетерогенной системой бронирования, а также «мягких» панцирей, изготовленных из органических материалов. Среди доспехов с гетерогенной системой бронирования выделяются ламеллярные, ламинарные, а также комбинированные панцири различных вариантов покроя.

Сяньбийская эпоха в истории Китая – это время стремительной эволюции боевых наголовий. Если в империи Хань большая часть воинов вместо шлемов носила мягкие кожаные и тканевые шапочки (рис. 1, 1–5, 7–15), то в сяньбийских армиях боевые наголовья стали едва ли не обязательным элементом защитного комплекса не только среди конников, но и среди пеших воинов. Важным нововведением сяньбийского времени можно считать формирование и массовое применение доспеха для боевых коней.

Смелые эксперименты сяньбийских оружейников, стремившихся создать абсолютный доспех, привели к формированию цельного защитного комплекса, стремительно распространившегося по Евразии в раннем средневековье.

Основным видом покроя гомогенных доспехов IV–VI вв. были панцири, составленные из нескольких сегментов (створок), соединенных кожаными ремнями, известные в научной литературе под названием створчатых кирас.

Створчатые кирасы из твердой толстой кожи

Створчатые гомогенные кирасы считаются традиционным китайским видом защитного вооружения. Часть нагрудника, выполненного из толстой кожи, покрытой лаком, была обнаружена в Аньяне в захоронении, датированном XII–XI вв. до н. э. [21, с. 93]. На протяжении периода Чжаньго створчатые гомогенные кирасы постепенно теряли былую популярность, уступая панцирям с гетерогенной структурой брони. В результате, иконографические материалы периода правления династий Цинь (221–206 гг. до н. э.) и Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) практически не фиксируют изображений гомогенных створчатых кирас. Стремительное распространение этого типа защитного вооружения среди китайских воинов начинается вновь только с приходом в Северный Китай племен «варваров» и, в

первую очередь, сяньбийцев. Вероятно, традиция изготовления этого типа защитного вооружения, вытесненная к III в. до н. э. из Центрального Китая, сохранилась в пограничных, степных районах, где в силу простоты изготовления и наличия сырьевой базы (шкурты копытных) распространилась среди кочевников. Последние, подчинив себе земли в бассейне р. Хуанхэ, вернули почти забытую традицию изготовления створчатых кирас из твердой кожи ее изобретателям. Причем, судя по изображениям, данный тип защитного вооружения являлся одним из самых популярных вариантов защиты корпуса на протяжении всего сяньбийского периода. Значительное количество изображений, при отсутствии находок створчатых доспехов в погребениях IV–VI вв., указывают на то, что подавляющая их часть изготавливались из органических материалов, скорее всего, из нескольких слоев толстой твердой кожи, сшитых между собой.

Ранние варианты покроя северокитайских (сяньбийских?) створчатых кирас IV в. представляют собой два куска твердой толстой кожи (нагрудник и наспинник), вырезанных в виде расширяющейся кверху трапеции, соединенных на плечах и боках воина с помощью кожаных ремешков (рис. 8, 9; 18, 1). Верхний край нагрудников мог фигурно вырезаться и снабжаться ребрами жесткости (рис. 8, 7), но чаще был прямым. Размеры створчатых кирас IV–V вв. сильно варьировались от небольших (прикрывавших только грудь и живот) до крупных, защищавших еще ключицы и гениталии панцирника (рис. 8, 6). Длинный нижний край таких панцирей мешал воину свободно сгибаться в пояснице, поэтому его делали немного выгнутым наружу (рис. 18, 2).

Пытаясь повысить эластичность двухстворчатой кирасы, сяньбийские оружейники не позднее V в. стали разрезать ее на более мелкие части. Так створчатый панцирь стали делать не из двух, а из трех (двухчастный нагрудник и наспинник) или четырех (двухчастный нагрудник, двухчастный наспинник) сегментов (рис. 8, 5, 8; 10, 6; 17, 2; 18, 4). Створки такого нагрудника соединялись с помощью веревок в верхней и нижней части панциря. Для повышения защитных свойств доспеха его элементы стали снабжать круглыми или овальными металлическими зеркалами и накладками. Вертикальный разрез двухстворчатой кирасы не был единственным возможным вариантом повышения гибкости панциря. Иногда двухстворчатая кираса разрезалась не вдоль, а поперек. В этом случае верхняя ее часть закрывала не весь корпус, а только грудь и верхнюю часть спины. Такие короткие кирасы-нагрудники обычно изготавливались из 3–4 кусков толстой твердой лакированной кожи, которые соединялись между собой с помощью ремешков на плечах воина. Незащищенный в этом случае живот прикрывал широкий панцирный пояс (модифицированный вариант нижней части кирасы), усиленный металлическими накладками (рис. 13, 10; 18, 5).

Разделение кирасы на нагрудник и пояс делали доспех более эластичным и позволяли воину свободно сгибаться и поворачиваться в седле.

Несмотря на эксперименты с многостворчатыми кирасами, тобасские оружейники продолжали модифицировать ее двухчастный вариант. В конце правления династии Тоба Вэй (Юань Вэй) сложился унифицированный вариант двухстворчатой кирасы, который весь VI в. сосуществовал с многостворчатыми аналогами. Судя по многочисленности его изображений, он изготовлялся в массовом порядке и поступал на вооружение военных чиновников и пехотинцев. Сегменты такой кирасы доходили до пояса и представляли собой перевернутые трапеции с широким верхним и узким нижним краем. Сложная форма доспеха, вероятно, указывает на то, что он изготавливался из более мягкой кожи, чем его предшественники. Нагрудник кирасы делался выпуклым, плавно облегающим грудь и ключицы воина. Наспинник, напротив, был вогнутым в верхней части и более высоким, чем нагрудник. Такая форма панциря, условно повторяющая форму человеческого тела, позволяла надежно прикрыть грудь, ключицы и спину воина и при этом не мешала свободно двигать руками, наносить колющие и рубящие удары. Створки панциря, почти всегда снабженные кантом, стягивались на боках с помощью веревок и фиксировались на плечах кожаными ремешками с пряжками (рис. 8, 2–4, 11; 9, 1–7; 10, 1–5; 17, 7; 18, 3).

Поверхность кирас обычно окрашивалась в красный цвет и лакировалась. Отдельные категории чиновников носили кирасы, выкрашенные в белый цвет с красным кантом по периметру. Конные панцирники наносили на панцири изображения чудовищ и хищных зверей (рис. 8, 11).

Все виды кирас из твердой толстой кожи, сохранились в качестве популярного вида защитного вооружения в период правления династий Суй (рис. 24, 1–5, 8–11) и Тан. Причем, в танский период створчатые кирасы сяньбийских военных чиновников получили дополнительные функции. Их облегченный декоративно оформленный вариант стал важным атрибутом в одежде императорских придворных и вельмож. В это же время полные (боевые) варианты створчатых доспехов продолжали носить полководцы, гвардейцы и воины элитных подразделений танской императорской армии [48, S. 86–88]. Двухстворчатые кирасы, напоминающие сяньбийские панцири конца V–VI вв., применялись тяжеловооруженными сунскими кавалеристами XI–XII вв., а возможно, и юаньскими и минскими латниками XIV–XV вв. [52, с. 306], (рис. 8–76).

Доспехи с ламеллярной системой бронирования

Панцири с ламеллярной системой бронирования являются самым популярным видом гетерогенной брони в сяньбийскую эпоху. Мелкие пластины ламеллярного панциря, изготовленные из металла или твердой лакированной кожи, соединялись между собой с помощью веревок или

ремешков и собирались в отдельные полосы, которые в свою очередь скреплялись между собой. Ламеллярный доспех был надежен, достаточно эластичен и при этом прост в изготовлении. Панцири с ламеллярной системой бронирования широко применялись в Ханьском и Цзиньском Китае. Сяньбийцы стали использовать панцири с данным видом бронирования не позднее II в. н. э.

На основании археологических материалов Горного и Лесостепного Алтая В. В. Горбунов выделил особую «сяньбийскую традицию» в изготовлении пластин с ламеллярной системой бронирования. По его мнению, она представляет собой сочетание «китайских» и «хуннских» традиций, а ее характерными особенностями являются обязательное наличие срединных отверстий (одинарного или парного), обеспечивающих «подвижное соединение» пластин между собой, а также характерное расположение остальных отверстий по поверхности пластины:

1. пластины с боковыми, срединными (верхними и центральными) и окантовочными (нижними) отверстиями;

2. пластины с боковыми и срединными (верхними и центральными) отверстиями;

3. пластины с боковыми, срединными (верхними и центральными) и окантовочными (верхними и нижними) отверстиями [15, с. 12–13].

Судя по археологическим находкам ламеллярных пластин с территории Манчжурии и Северного Китая, во II–III вв. наибольшей популярностью у сяньбийских оружейников пользовались мелкие чешуеобразные пластинки ханьского типа (рис. 11, 7–11). Позднее в широкий обиход вошли пластины вытянутой прямоугольной формы (рис. 13, 41–74) с закругленным верхним краем, получившие в китайской историографии название «цзя чжа», т. е. «пластины-таблички», хотя их чешуеобразные аналоги продолжали употребляться на протяжении всего описываемого периода (рис. 13, 71; 15, 2).

Наряду с обычными пластинами, иконографические материалы VI в. фиксируют изображения ламеллярных пластин с вырезным краем (рис. 15, 8), которые получили широкое распространение в последующую «тюркскую эпоху» [21, с. 172].

Судя по изображениям, ряды пластин в ламеллярном панцире могли располагаться как классическим способом (нижние перекрывают верхние), так и наподобие черепицы (рис. 13, 10–11; 14, 1–2, 5, 15; 15, 2; 17, 3,5). Судя по изображениям, численно преобладал классический вариант (рис. 13, 1,6,9; 14, 3, 9,11,13; 15, 1,3–14; 17, 1–2,4).

Покрой северокитайских (сяньбийских) панцирей IV–VI вв. отличался значительным разнообразием. В качестве самостоятельных панцирных элементов ламеллярного доспеха можно выделить ламеллярные «пончо», многочастные нагрудники, кирасы, катафракты, «халаты».

Ламеллярное пончо

Оригинальным типом защитного вооружения конных сяньбийских латников IV–V вв. можно считать ламеллярный панцирь, скроенный в виде «пончо». Панцирь представлял собой ромб или овал, растянутый по вертикали, с отверстием для головы по центру. Нагрудник и наспинник имели подтреугольную или полукруглую форму и соединялись между собой с помощью широких ламеллярных наплечных ремней (рис. 18, б). Панцирь прикрывал грудь воина, спину до лопаток и плечи, оставляя при этом открытыми живот и нижнюю часть спины. Вероятно, поэтому ламеллярные пончо самостоятельно носились достаточно редко. Гораздо чаще они употреблялись в комплекте с ламеллярными кирасами и панцирями из мягких органических материалов (рис. 12, 1–3). Поздние варианты доспехов уже не нуждались в подобных усилителях и в V–VI вв. пончо эволюционировал в ламеллярное ожерелье, сохранившись в таком виде на протяжении всего средневековья.

На наш взгляд, появление ламеллярного «пончо» является результатом развития пончообразных нагрудников цзиньского времени (рис. 2, 7–9, 11, 14, 16–18). Последние изготавливались преимущественно из органических материалов: толстой материи подбитой ватой, мягкой кожи или войлока. Сяньбийские оружейники, сохранив форму этого панцирного элемента, изменили структуру бронирования и увеличили площадь покрытия, превратив тем самым усилитель основного доспеха в самостоятельный панцирь.

Ламеллярный многочастный нагрудник

Изображения коротких 3–4-частных нагрудников с осевым разрезом отсутствуют в материалах ханьской и цзиньской иконографии I–III вв. н. э. Вероятно, их появление и распространение на территории Китая следует связывать с сяньбийским периодом.

Судя по изображениям, ламеллярный нагрудник состоял из 3 (двойной нагрудник и наспинник) или 4 (двойной нагрудник, двойной наспинник) лопастей прямоугольной или квадратной формы, обшитых по периметру кожаной полосой и соединенных на плечах ламеллярными ремнями, а по оси – ремешками или веревками (рис. 18, 7). Сяньбийские нагрудники V–VI вв. могли иметь фигурно вырезанный нижний край (рис. 13, 11). Для повышения защитных свойств нагрудников их снабжали металлическими зеркалами овальной или круглой формы. Носился короткий многочастный нагрудник самостоятельно в комплекте с широким поясом из толстой кожи, прикрывавшим живот воина. Несколько реже нагрудник одевался поверх ламеллярной кирасы или катафракт. Часто необходимым дополнением к нагруднику являлись ламеллярные наплечники [8, с. 171, табл. 2, 1–2, 4–6], которые в сяньбийский период традиционно делались двойными и тройными (рис. 13, 11).

Многочастным ламеллярным нагрудникам, распространившимся в сяньбийскую эпоху на территории Северного Китая, было суждено большое будущее. В развитом средневековье подобные нагрудники стали неотъемлемой частью полного ламеллярного доспеха тяжеловооруженных сунских кавалеристов XI–XII вв. Причем, в этот период они уже не носились самостоятельно, а употреблялись в комплекте с наплечниками, ламеллярной катафрактной или кирасой с длинными набедренниками [8, с. 97, 171; табл. 2, 1–2, 4–6].

Ламеллярные кирасы

Ламеллярные панцири, скроенные в виде двухстворчатой кирасы, состоящей из нагрудника и наспинника, соединенных на плечах с помощью ламеллярных лямок или кожанных ремней и зафиксированных на боку шнурами или веревками, были распространены среди китайских воинов в ханьскую эпоху (рис. 1, 1,3, 10–13; 11, 2). Ханьские кирасы имели подол, прикрывавший гениталии и крестец воина, и иногда снабжались наплечниками прямоугольной формы, доходившими до середины предплечья. Прямым наследником этого варианта покроя ламеллярного доспеха стали китайские кирасы II–III вв., использовавшиеся воинами эпохи Троецарствия и империи Цзинь (рис. 2, 5,6). Судя по находкам в сяньбийском могильнике Лаохэшэнь (уезд Юйшу, провинция Цзилинь), сяньбийские воины II–III вв. н. э. использовали облегченные варианты ламеллярных кирас ханьского или цзиньского типа без наплечников и подола, составленные из маленьких пластинок чешуеобразной формы. Некоторые экземпляры подобных панцирей имели покроем «жилет» со сплошным осевым (а не боковым) разрезом (рис. 2, 17). Панцирь, обнаруженный в могильнике Лаохэшэнь, по реконструкции китайских авторов состоит из 550 пластин (сохранилось 315). Большая часть пластин имеет одинаковое расположение отверстий (12 отверстий, сгруппированных в 6 вертикальных пар – по две вдоль боковых сторон, по одной – сверху и внизу), но различаются по размерам, это: «...свидетельство использования доспеха в боевых условиях, с последующей заменой поврежденных деталей» [37, с. 49]. Размеры пластин: 6,5–7 см на 4 см. Пластинки из могилы № 56 несколько мельче: 4,2 на 3,2 и 3,2 и 3,2 см. Пластины панциря из Лаохэшэнь практически в точности повторяют аналогичные пластины из ханьских погребений этого и более раннего периода, что дает основание рассматривать его как локальный вариант ханьского доспеха. Опираясь на это предположение, представляется возможным реконструировать лаохэшэньский панцирь либо в виде двухстворчатой кирасы с боковым разрезом (рис. 11, 13), либо ламеллярного «жилета» со сплошным осевым разрезом (рис. 11, 15). Такие ламеллярные «жилеты» воины сяньбийских государств Северного Китая применяли вплоть до VI в. (рис. 14, 16).

После создания сяньбийских государств на территории Северного Китая ламеллярная кираса стала самым популярным видом покроя доспехов с гетерогенной структурой бронирования. Ее носили как конные, так и пешие воины.

Часто верхний ряд пластин ламеллярной кирасы нашивался на толстую полосу кожи или войлока, к которой крепились наплечные ремни (рис. 13, 6, 9; 18, 8). В IV–V вв. в комплекте с кирасой применялась оригинальная защита шеи и затылка, представлявшая собой выступ прямоугольной или полукруглой формы на спиннике кирасы (рис. 13, 1а; 14, 14; 18, 9). Судя по изображениям, кирасы такого типа, носили воины, не использовавшие панцирных воротников и бармиц.

В эпоху поздней Тоба Вэй и, особенно в период Бэй Чжоу и Бэй Ци, кираса становится преобладающим типом покроя доспехов с ламеллярной системой бронирования. Створчатые кирасы в сяньбийскую эпоху достаточно часто носят самостоятельно без дополнительных защитных деталей (в первую очередь наплечников и набедренников), что указывает на относительную неразвитость конного клинкового боя в этот период (рис. 13, 6, 9). Однако с начала VI в. они все шире входят в обиход. Именно в этот период ламеллярная кираса приобретает свой законченный классический вид, который сохранится на территории Центральной Азии и Дальнего Востока вплоть до позднего средневековья [1, с. 83].

Ламеллярная юбка

Самостоятельным элементом доспеха была расширяющаяся книзу ламеллярная юбка на матерчатой подкладке с разрезом на крестце или на боку (рис. 18, 11). Если она входила в комплект защитного вооружения конного воина, то длина подола никогда не опускалась ниже колен, т. к. в противном случае всадник просто не смог бы сесть в седло. Ламеллярная юбка носилась как в комплекте с ламеллярной кирасой и нагрудником, так и вместе с защитой корпуса с другой системой бронирования (створчатой кирасой, кожаным многочастным нагрудником и т. д.) (рис. 9, 6; 13, 4, 10–11; 17, 1–5).

Ламеллярная катафракта

По мнению В. В. Горбунова, катафракта была изобретена не ранее IV и не позднее V вв. н. э. [15, с. 58–59]. Доспех, скроенный в виде катафракты, является результатом развития ламеллярной кирасы. Вместо того, чтобы увеличивать длину сплошного подола (как это делали ханьские оружейники), сяньбийские мастера разрезали его переднюю часть на лопасти, благодаря чему стало возможным опустить нижний край панцирного подола до колена или середины голени, не делая при этом пребывание всадника в седле дискомфортным. Образовавшиеся набедренники катафракты явля-

лись непосредственным продолжением нагрудника и составляли с ним единое целое. Нагрудная часть панциря соединялась с наспинной с помощью специальных наплечных и боковых ремней (рис. 13, 8; 15, 7; 18, 10; 25, 1м). Последняя не имела задней лопасти (накрестника) и этим отличалась от другого типа покроя ламеллярного доспеха – ламеллярного халата.

Ламеллярный халат

Панцирный «халат» кроился из одного куска брони. Он имел длинный подол, как правило, разрезанный на 2 или 3 лопасти. В отличие от кирасы и катафракты, ламеллярный халат имел не боковой, а сплошной осевой разрез, стянутый кожаными ремнями. Иногда «халат» мог иметь наплечники или настоящие короткие рукава, составленные из ламеллярных пластин (рис. 13, 2–3, 5; 14, 4а, 10–11).

Ламеллярные панцири покроя «кираса», «катафракта» и «халат» могли дополняться широкими ламеллярными наплечниками, длина которых обычно достигала локтя. Судя по изображениям, наплечники могли навешиваться в несколько рядов, причем верхний ряд нависал над нижним.

Важной деталью длиннополых кирас, катафракта и халатов в IV–V вв. были высокие стоячие воротники, составленные из 1–3 рядов пластин (рис. 13, 7–8; 14, 3, 4а, 5, 15). Пластины воротников имели характерные перьеобразные очертания, часто с округлым верхним краем. Они сильно сужались книзу и имели резкий изгиб (почти перпендикулярный к плоскости основной части пластины) в месте соединения с панцирной основой корпусного доспеха или толстой органической подкладкой (рис. 13, 4б–4д). Самым популярным видом воротников были экземпляры со сплошным передним разрезом. Самой длинной пластиной этого типа воротников были затылочные пластины, от которых остальные расходились «веером», постепенно укорачиваясь в длину. Судя по изображениям, существовали и экземпляры с боковым, затылочным разрезом или вовсе без него. Такие воротники обычно изготавливались из пластин одинакового размера.

Панцири с ламинарной системой бронирования

Ламинарные панцири в сянббийский период достаточно редко фиксируются изобразительными источниками. В. В. Горбунов предположил, что именно сянббцы были изобретателями этого типа панцирного бронирования [15, с. 60]. Сложность изучения этого типа защитного вооружения, состоит в том, что художники и скульпторы IV–VI вв. достаточно часто показывали ламеллярный панцирь схематичными горизонтальными полосами (подчеркивая его гибкость по горизонтали), что иногда затрудняет выяснение подлинной структуры бронирования доспеха [15, с. 169]. Вычленив из этих изображений собственно ламинарные предметы защитного вооружения подчас бывает достаточно сложно. Судя по данным иконографии, ла-

минарные панцирные сегменты по покрою повторяли свои ламеллярные аналоги. Так с некоторой осторожностью можно предполагать бытование среди сяньбийских и китайских воинов III–VI вв. ламинарных панцирных юбок (рис. 3, 54), нагрудников-пончо (рис. 12, 2, 4), наплечников (рис. 13, 3), набедренников, бармиц (рис. 19, 38). Собственно полные ламинарные панцири известны лишь по одному изображению с территории Северного Китая (рис. 14, 14). На ряде изображений фиксируется комбинированная система бронирования, в которой поверх ламинарных полос нашиты ряд ламеллярных пластинок (рис. 13, 7; 18, 14). Подобная структура брони использовалась монгольскими оружейниками XIII–XIV вв.

Мягкие доспехи из органических материалов

Одним из популярных видов защитного вооружения сяньбийских воинов в исследуемый период были панцири из органических материалов (толстой ткани проложенной ватой, войлока или мягкой кожи). Основной вид покроя таких «мягких» доспехов сложился еще в эпоху Троецарствия и империи Цзинь. Он повторял покрой повседневной китайской верхней одежды и представлял собой толстую, иногда простеганную ватную куртку с рукавами до локтя или середины предплечья и коротким (до середины бедра или до колена) подолом (рис. 2, 7–8, 14–16, 18). На изображениях китайских и степных воинов II–III вв. показан разрез с косым запахом (левая пола поверх правой). Очень часто в комплекте с курткой носили толстые воротники, застегивавшиеся на груди (рис. 2, 7–9, 11, 14, 16, 18) и, несколько реже, широкие набедренники до пят (рис. 2, 11, 15). Толстые стеганые воротники цзиньские воины III в. унаследовали от доспеха эпохи Хань (рис. 1, 2, 6, 10, 14). Последние иногда принимают за отвороты халатов или нашейные платки и шарфы. Однако от них стеганые панцирные воротники отличаются как своими размерами, так и способом ношения (поверх панцирей и халатов). В случае, если воротник плотно затягивался спереди, он закрывал всю шею воина, в противном случае он прикрывал верхнюю часть груди, играя роль нагрудника. Воротники-пончо цзиньского (а точнее ханьского) типа сохранились и в начале сяньбийского периода. Их носили легковооруженные воины, вооруженные луками и стрелами (рис. 16, 2a). Позднее они вышли из употребления, вытесненные более совершенными элементами панцирной защиты.

В сяньбийский период покрой панциря в виде куртки с рукавами и подолом был сохранен (рис. 10, 9–10; 16, 7). Однако осевой разрез исчез. Вероятно, его заменили боковые разрезы, в противном случае панцирь мог одеваться через голову. Если цзиньские мягкие панцири кроились в подражание повседневной одежде, то в сяньбийский период в их покрое появляются черты воинской специализации. Так с V в. рукава все чаще заменяются на наплечники. Они выкраиваются из рукавов куртки (рис. 10, 11;

17, 3), или крепятся к предплечью отдельно (рис. 10, 8; 16, 1). Для усиления защитных свойств наплечников их носили по несколько комплектов сразу. Встречаются изображения двойных, тройных и даже четверных наплечников, причем нижние ряды делались длиннее верхних (рис. 16, 11; 17, 3). Это позволяло прикрыть руку многослойной мягкой броней до локтя или даже ниже, не стесняя при этом, движений воина. Верхняя часть куртки снабжается высоким воротником, составляющим с ней единое целое. В связи с тем, что большая часть шлемов в этот период снабжается объемной многочастной бармицей, воротники из органических материалов приобретают несколько неожиданную, «перевернутую» форму. Теперь они изготавливаются высокими сплошными спереди и узкими сзади. В комплекте со шлемами с небольшими назатыльниками и бармицами (или вообще без них) продолжают использоваться мягкие доспехи с воротниками старой конструкции (рис. 10, 8).

Наряду с панцирями, скроенными в виде куртки, применялись доспехи и иных видов покроя. Так в период Тоба сяньбийские воины носили длинные мягкие панцири, скроенные в виде длиннополых шуб со сплошным осевым разрезом и рукавами до запястья. Такой панцирь защищал своего хозяина не только от стрел врага, но и от снега, дождя и ветра (рис. 16, б). В эпоху Бэй Чжоу мягкие панцири, в подражание доспехам из толстой твердой кожи и пластин, стали выкраивать в виде кирас, соединенных на плечах и боках с помощью специальных ремешков (рис. 25; 1к, 1н, 2). На то что перед нами именно мягкий доспех, а не его твердые аналоги, указывает подол панциря, который мнется под бедрами всадника (рис. 25, 1к).

Попытки повысить защитные свойства доспехов из органических материалов с помощью внедрения дополнительных защитных сегментов привели к появлению трех и четырехчастных нагрудников прямоугольной или овальной формы с застежками спереди по оси и иногда сзади по хребту (рис. 16, 3, 4). Этому изобретению было уготовано большое будущее в эпоху развитого средневековья [8, с. 98]. Другим способом усиления мягких панцирей стало широкое использование металлических пластин дисковидной или сердцевидной формы, которые нашивались на органическую основу доспеха. Некоторые панцири снабжались целым десятком подобных зеркал, равномерно распределенных по поверхности куртки (рис. 16, 7). Однако уже в конце V в. дисковидные пластины сильно увеличились в размерах и стали попарно размещаться в верхней части груди воина. Заложенная сяньбийскими и китайскими оружейниками традиция снабжать панцири дисковидными зеркалами сохранилась в Поднебесной вплоть до нового времени [8, с. 149–150].

Комбинированный доспех

Вэйский период в истории сяньбийских государств Северного Китая характеризуется активным поиском наиболее эффективных форм защиты корпуса воина. Эксперименты тобасских оружейников привели к созданию оригинального комбинированного доспеха, в котором были совмещены различные системы бронирования. В отличие от комбинированных панцирей ханьского времени, части сяньбийского доспеха, как правило, не соединялись непосредственно между собой, а одевались по отдельности (рис. 17). Наиболее полный вариант тобасского комбинированного доспеха состоял из створчатой кирасы, широкого пояса с накладками, панцирной юбки, наплечников, набедренников и панцирной куртки (рис. 17, 3). Обычно створчатая кираса выполнялась из двух, реже из четырех, сегментов толстой твердой кожи, соединенных на груди, боках и плечах воина специальными ремешками (рис. 17, 3д). Нагрудная часть кирасы усиливалась парой зеркал круглой или овальной формы. Высота кирасы сильно варьировалась. Численно преобладали достаточно короткие кирасы, прикрывавшие верхнюю часть корпуса воина. Живот и талию, в этом случае, защищал отдельно надевавшийся широкий кожаный пояс, иногда усиливавшийся металлическими накладками. Такая защита корпуса позволяла воину свободно сгибаться в поясице, не испытывая при этом заметного дискомфорта. Стеганные лопастевидные набедренники крепились на пояс с помощью специальных ремней (рис. 17, 3е). Поверх набедренников одевалась расширяющаяся книзу ламеллярная юбка на матерчатой подкладке с разрезом по оси или на боку (рис. 17, 3ж). Для защиты плеч и рук использовались двойные, тройные и четверные лопастевидные наплечники, соединявшиеся между собой и фиксировавшиеся ремнями на предплечье воина. Наплечники спускались до локтя или даже ниже (рис. 17, 3з). Поверх створчатой кирасы одевалась подбитая ватой, приталенная куртка со сплошным осевым разрезом и наплечниками (рис. 17, 3в). В нагрудной части куртки делались декоративные овальные вырезы, открывавшие кирасу с металлическими зеркалами (рис. 17, 3). Высокий сплошной воротник из толстой кожи (рис. 17, 3б) и шлем с бармицей (рис. 17, 3а) дополняли защитное вооружение воина, облаченного в комбинированный доспех. В подобном доспехе корпус воина и ноги до середины голени прикрывали два ряда брони (створчатая кираса и мягкая ватная куртка, ламеллярная юбка и стеганные набедренники соответственно). Плечи и предплечья латника и вовсе имели тройную защиту (двойные наплечники, одевавшиеся отдельно, и наплечники ватной куртки). Такой многослойный панцирь был очень надежен, тяжел и, вероятно, не очень удобен. Поэтому воины часто носили облегченный вариант комбинированного доспеха — лишенный ватной куртки (рис. 17, 1, 2, 4), несколько реже набедренников.

наплечников и воротников. При этом практически обязательным элементом доспеха являлась ламеллярная юбка и створчатая кираса.

Судя по изображениям, наряду с комбинированными доспехами, состоящими из четырех и более панцирных элементов с различной системой бронирования, существовали и более простые варианты комбинированных панцирных комплексов. Так терракотовый воин из погребения в деревне Бэйчэнь уезда Мэнцзинь в комплекте с ламеллярной кирасой и ламеллярными наплечниками носит длинные набедренники с ламинарной системой бронирования [54, с. 29, рис. 4].

Интересно, что в комбинированный доспех, как правило, одеты статуэтки пеших (или спешенных) воинов, вооруженных клинковым или древковым оружием и длинными узкими щитами с умбонами (рис. 16, 11; 17). Такой комплекс вооружения могли иметь тяжеловооруженные воины, сражавшиеся в первых рядах пехотных подразделений, или пешие телохранители. Второй вариант представляется нам более предпочтительным, т. к. изображения панцирников в комбинированных доспехах относительно не многочисленны и сконцентрированы в захоронениях знатных вельмож и полководцев.

Комбинированный доспех сяньбийского типа пережил сяньбийские династии Северного Китая на несколько столетий. Комбинированные доспехи, состоящие из коротких створчатых нагрудников и кирас с зеркалами, ламеллярных юбок (рис. 24, 1), стеганых курток сохранились в Суйскую эпоху (581–618 гг.) и в период правления династии Тан (618–907 гг.). Идея усиления основного доспеха многочастными нагрудниками другой системы бронирования была усвоена китайскими оружейниками. В результате, в конце VI–VII вв. почти все виды ламеллярных китайских панцирей (в особенности ламеллярные халаты и катафракты) получили дополнительную защиту в виде нагрудников из толстой твердой кожи (рис. 24, 2, 5, 10).

Дополнительные защитные детали

Широкие панцирные пояса, усиленные металлическими накладками, были характерным видом защитного вооружения кочевников евразийских степей в эпоху, непосредственно предшествующую интересующему нас периоду. Однако развитие защитной паноплии привело к постепенному вытеснению панцирных поясов из военного обихода. Сяньбийскими воинами IV–VI вв. широкие панцирные пояса из толстой кожи или плотной материи (цельные или из нескольких полос), обшитые металлическими накладками, обычно использовались не как самостоятельный вид защитного вооружения, а в комплекте с короткими вариантами створчатых кирас, прикрывавших лишь грудь и верхнюю часть спины воина. Ширина поясов сильно варьировалась. Самые широкие экземпляры закрывали весь

живот воина и даже нижнюю часть груди (рис. 8, 11; 13, 10–11; 17, 2, 4; 18, 5). Пояса могли застегиваться с помощью пряжек (рис. 13, 10) или стягиваться на талии ремешками (рис. 13, 11).

Дальнейшее развитие защитного вооружения привело к повсеместному отказу от использования панцирных поясов. Уже в Суйскую эпоху этот элемент защитного вооружения воспринимался как экзотика. Однако традиция снабжать обычные пояса металлическими накладками не только сохранилась, но и стремительно распространилась по Евразии уже не как элемент защиты, а как знак, указывающий на социальное положение его владельца.

По мнению М. В. Горелика, в течении III–VI вв. наручи, «защищавшие руку от запястья до локтя, получили вполне широкое распространение» в Азии [22, с. 167]. Действительно, в этот период ламеллярные наручи фиксируются на археологических и иконографических материалах Японии и Восточного Туркестана, а их полосчатые аналоги в Южной Сибири, Корее и той же Японии (22, с. 167). Однако на территории Китая даже изображения наручей в описываемый период практически отсутствуют. Только на одной фреске, датированной началом 80-х гг. VI в., обозначены наручи, составленные из ламеллярных пластинок (рис. 15, 1; 18, 17), и это при том, что западные, северные и восточные соседи сяньбийцев и китайцев использовали их достаточно активно. Учитывая этот факт, все же стоит признать, что пока еще рано отказывать жителям Поднебесной IV – первой половины VI вв. в использовании этого важного предмета защитного вооружения. Возможно, что к наручам могут быть отнесены некоторые ламеллярные пластины из погребений сяньбийского времени. Дальнейшие раскопки на территории Северного Китая могут пролить свет на данную проблему.

Судя по изображениям, специальная защита для ног в сяньбийский период была не особенно популярна. Вероятно, ее с большим успехом заменяли ламеллярные и стеганные набедренники. Однако попытки усилить защиту нижних конечностей периодически все же фиксируются. Так штаны терракотового воина из Западной Вэй от колена до середины голени покрыты чешуеобразными пластинками (рис. 15, 8). Однако такая система прикрытия ноги не идет ни в какое сравнение с изящными и надежными металлическими поножами («бутурлуками»), распространившимися в Китае и Восточном Туркестане в Танскую эпоху [48, с. 86–87; 23, с. 415. табл. 53, 17–31]

Шлемы

В Ханьскую эпоху изображения шлемов относительно не многочисленны. С появлением в регионе сяньбийских завоевателей шлемы с бар-

мицами и многочисленными усилителями быстро и надолго входят в обиход жителей Поднебесной.

Панцирные «венцы»

Специфическим видом боевых наголовий кочевников II–V вв. н. э. являются панцирные («бронированные») венцы. Этот вид защиты головы воинов был зафиксирован М. В. Гореликом по иконографическим материалам Китая и Кушанской державы [22, с. 161], что также подтверждается археологическими находками с территории КНР [53, с. 33]. Основу шлема этого типа составлял «венец», широкий спереди и сужающийся к краям на затылке. Шлем набирался из чешуеобразных ламеллярных пластинок (рис. 19, 1–3) или из длинных металлических полос, соединенных между собой кожаными ремешками (рис. 19, 4–5; 22, 31). Панцирный венец мог быть цельным или завязываться с помощью специальных лент сзади. По мнению М. В. Горелика, в первом случае он мог дополняться бармицей, во втором – наушами [22, с. 161].

М. В. Горелик предлагает считать поздним вариантом панцирных «венцов» головные уборы воинов из Майцзышаня (рис. 14, 16). Однако форма этих головных уборов ближе не к «венцам», а к сяньбийским низким цилиндрическим шапочкам, которые носят многие терракотовые воины из погребений конца V–VI вв. (рис. 17, 2, 4–5). Не ясно, выполняли ли сами шапочки защитную функцию. Однако к их нижнему краю (как и в случае с всадником из Майцзышаня), подвешены двойные и одинарные, войлочные и ламеллярные бармицы и полусферические металлические (?) науши. Это позволяет сделать два предположения. Либо подобные головные уборы делались из твердой толстой кожи и выполняли функции боевого наголовья, либо перед нами один из вариантов сяньбийских подшлемников, на которые одевали сфероконические или полусферические железные шлемы без бармиц.

Шлемы из узких пластин с ремennым соединением

Наиболее ранние образцы этого типа боевых наголовий происходят из сяньбийского могильника Лаохэшэнь (Южная Маньчжурия), датированного II–III вв. н. э. Три практически одинаковых шлема обнаружены в захоронениях № 56, 64 и 97. Все они состоят из длинных, сужающихся сверху пластин, которые были соединены между собой с помощью шнуров или кожаных ремешков, пропущенных через специальные отверстия в пластинах. Центральная лицевая пластина, располагавшаяся над переносицей, имела специальный острый выступ, благодаря которому передний край шлемов получал характерные надбровные вырезы. Венчало шлем железное полусферическое навершие. К нижней кромке пластин в два ряда подшивалась ламеллярная бармица открытого типа, составленная из пла-

стин чешуеобразной формы. По данным китайских археологов, шлем имел мягкую органическую подкладку [46, с. 41]. Судя по более поздним изображениям шлемов подобного типа, нижняя кромка шлемов и бармица по периметру снабжалась специальной окантовкой из кожи или ткани (рис. 11, 12, 14; 19, 6–7; 20, 1–2).

Очень похожие шлемы с тульей, составленной из узких пластин и ламеллярной или органической бармицей, использовали хуннские(?) воины, проживавшие на территории Северного Китая (рис. 19, 11–12). Судя по изображениям, шлемы этого типа часто не имели наверху, а вместо них шлем венчала деревянная «пробка» или плюмаж из конского волоса или звериной шкурки.

Шлемы подобного рода в последующие века получили широчайшее распространение не только среди воинов сяньбийских государств Северного Китая, но и ряда дальневосточных стран. Причем на протяжении веков конструкция шлемов из узких пластин оставалась практически неизменной. Так и на когуресских фресках IV в. [22, с. 154, рис. 4, 6, 8], и на изображениях сяньбийских всадников из Шэньси IV в. (рис. 19, 13–14), мы видим те же наголовья с тульями, собранными из узких пластин, полусферическими наверхиями, надбровными «вырезами» и ламеллярными бармицами открытого типа. Причем, если на территории Когуре такие шлемы получают характерное декоративное оформление (металлические или кожаные крылышки на висках, волосяные плюмажи в «чашах-втулках»), то в государствах сяньбийского Китая форма шлема не меняется вплоть до конца V в. В конце V – начале VI в. намечается определенное разнообразие в конструктивных особенностях и оформлении шлемов данного типа. Так некоторые наголовья, как и позднейшие чжурчжэньские шлемы, делаются без полусферического наверхия, а в отверстия вставляются плюмажи из конского волоса (рис. 19, 15). На западной границе сяньбийских империй шлемы конных латников, в подражание кочевым соседям, приобретают небольшие конические наверхия с плюмажами из длинных перьев (рис. 19, 17–18). Их нижняя кромка делается прямой и лишь иногда имеет классический выступ надо лбом. С середины VI в. на землях бывшей империи Вэй сфероконические шлемы составляются из узких пластин с характерным вырезным краем и стягиваются наверху наверхием, а внизу ламеллярным обручем (рис. 19, 16). В первой половине VI в., следуя общей тенденции в развитии сяньбийско-китайских боевых наголовий, появляются шлемы с низкой сфероконической и полусферической тульей. Первые снабжаются ламеллярными обручами и ступенчатыми наверхиями, вторые – кольцевидными или полусферическими наверхиями. Все также популярны надбровные вырезы и ламеллярные бармицы открытого и закрытого (застегивающиеся на горле) типов (рис. 19, 19–20).

В завершающий период существования сяньбийских государств, в начале правления династии Суй, наблюдаются попытки соединить систему бронирования шлемов из длинных узких пластин с ременным соединением, с популярным в это время покроем ламеллярных наголовий в виде «башлыка» с длинным широким назатыльником. В это время шлемы из узких пластин, сохраняя низкую полусферическую или сфероконическую тулью, получают назатыльник, состоящий из изогнутых пластин тульи шлема (рис. 19, 21).

Данные по шлемам сяньбийских Муюнов пока отсутствуют. Но, учитывая наличие практически идентичных шлемов на пограничных с ними территориях (Когуре, государства Северного Китая), а также тот факт, что ядром самой империи Янь выступала Южная Маньчжурия (на территории которой, собственно, и были обнаружены первые экземпляры шлемов подобного типа), можно предположить, что и муюнские воины использовали боевые наголовья похожей конструкции.

Широчайшее распространение шлемы подобной конструкции получили в раннем средневековье. Особенно восприимчивы к этому типу шлемов оказались западные и северо-восточные соседи китайцев. По мнению В. В. Горбунова, распространение шлемов из узких пластин с ременным соединением среди жителей Горного и Лесостепного Алтая следует связывать с сяньбийским влиянием [17, с. 70–71]. На протяжении периода средневековья шлемы из узких пластин с ременным соединением широко использовали не только тюркские и монгольские кочевники, но и их дальневосточные противники – чжурчжэни и маньчжуры [8, с. 108–111, 154, с. 173, табл. 4, 1–3, 21–22, с. 197, табл. 16, 4].

Ламеллярные шлемы

Популярность ламеллярного способа бронирования корпусной защиты не могла не натолкнуть сяньбийских оружейников на идею создания ламеллярной защиты и для головы воина, тем более, что в Китае традиция изготовления ламеллярных шлемов не прерывалась с III в. до н. э. [22, с. 166] (рис. 1, б). Первые изображения сяньбийских шлемов этого типа эпохи Тоба Вэй настолько ожидаемы и просты, настолько и практичны. На первый взгляд, они кажутся немного бесформенными и напоминают бармицу, в которую попытались завернуть голову латника. Приближающийся к полусфере купол таких шлемов снабжен слабо выделенными наушами и назатыльником (рис. 19, 22). На изображении шлем не плотно облегает голову (лицевая часть даже нависает надо лбом) и, вероятно, имеет толстую органическую подкладку. Характерно, что шлем надет на фигуру спешенного всадника. На это указывают кавалерийские сапоги, напоминающие позднейшие монгольские «гутулы», характерно раздвинутые ноги фигурки и классический доспех всадника – ламеллярная катафракта

без наплечников с высоким стоячим панцирным (ламеллярным?) воротником (рис. 13, 8).

Несколько позднее, во второй половине V в., фиксируются ламеллярные шлемы полусферической или даже близкой к сфероконической формы. Этот силуэт наголовьям придают не специальные навершия, а металлические налобные и назатылочные пластины, вплетавшиеся или накладывавшиеся на панцирную основу наголовья и служившие для повышения жесткости тульи. Как и ранее, ламеллярные наголовья имеют более или менее сильно выделенные уши и назатыльники (рис. 19, 23).

Следующий этап развития ламеллярных шлемов можно отнести к VI в. В этот период складывается три основных формы ламеллярных боевых наголовий, которые останутся популярными в последующие три века.

Первый вариант ламеллярного шлема в этот период – полусферическое наголовье с надбровными вырезами и цельной или трехчастной бармицей (пара наушей и назатыльник). В боевом положении назатыльник опускался, а уши завязывались под подбородком, оставляя открытым только лицо (рис. 19, 27). В моменты отсутствия непосредственной опасности уши, а иногда и вся бармица (разрезанная или цельная), могла отгибаться и подниматься вверх. Все эти параметры полусферических ламеллярных шлемов, впрочем, как и обычай украшать шлемы подобного рода короткими кистеобразными султанчиками из конского волоса, практически без изменений сохранились на территории Китая вплоть до X в.

Вторым вариантом покроя ламеллярных наголовий стали низкие полусферические шлемы с короткими кожаными или войлочными бармицами и металлическим гребнем-усилителем (рис. 19, 26). Этот тип шлемов распространился в раннем средневековье по всему региону. Его изображения, датированные IX в., встречаются даже на территории Тибета [23, с. 420, табл. 54, рис. 13].

Третьим популярным типом ламеллярных шлемов в конце периода сяньбийских династий и до падения династии Тан стали ламеллярные «башлыки». Они представляли собой боевое наголовье с высокой яйцевидной тульей и широким назатыльником. Такой шлем почти всегда снабжался надбровными вырезами и кистеобразным султанчиком из конского волоса (рис. 19, 25). Появившийся в конце сяньбийской эпохи, этот тип шлема стал преобладающим видом боевых наголовий всадников уже в эпоху империи Тан [23, с. 420, табл. 54, рис. 35, 37], правители которой с пиететом относились к военным традициям табгачей, потомки которых составляли надежную опору императорского трона.

Подлинные остатки ламеллярных шлемов IV–VI вв. с территории Северного Китая нам не известны. Однако находки наголовий с ламеллярной системой бронирования тульи с территорий, непосредственно не входивших в состав империи Тоба, но развивавших свою оружейную панаполию в

русле сянбийских традиций, позволяют нам уточнить некоторые важные конструктивные особенности ламеллярных шлемов этого периода. Так на территории Лесостепного Алтая в памятнике Троицкий Елбан-1 были обнаружены пластины от ламеллярного шлема, которые были датированы В. В. Горбуновым ранним этапом одинцовской культуры, т. е., второй половиной IV – V вв. н. э. ([17, с. 168, рис. 59–25]. Шлем был реконструирован исследователем в виде наголовья с высокой конической тульей, увенчанной коническим же навершием, с ламеллярной бармицей открытого типа [17, с. 155]. По мнению В. В. Горбунова, тулью шлема формировали три ряда ламеллярных пластин. Нижний ряд состоял из пластин изогнутой формы с четырьмя парами отверстий (по две в нижней и верхней частях пластины), средний и верхний – из прямоугольных, чуть сужающихся кверху пластинок с 4–2 парами отверстий соответственно [17, с. 155, рис. 42, 2, 3, 4]. Такую реконструкцию боевого наголовья можно назвать оптимальной. Отметим лишь, что отсутствие в погребении навершия могло быть и не случайным. Ламеллярные шлемы вытянутой сфероконической цилиндрической формы вообще очень часто могли не иметь специальных металлических наверший (рис. 20, 3). Так не имеет его западноханьский ламеллярный шлем (рис. 11, 2), ламеллярное наголовье воинов мохэ [8, с. 173, рис. 16]. А у чжурчжэней и даже ранних маньчжур навершия отсутствовали даже у шлемов из узких пластин с ремненным соединением [8, с. 108–111, 154, с. 173, табл. 4, 1–3, 21–22, с. 197, табл. 16, 4]; похожая ситуация прослеживается и по сянбийским изображениям изучаемого периода. Кроме того, ламеллярная бармица шлема, как мы увидели выше, часто разрезалась на три части (науши и назатыльник), а к внутренней стороне ламеллярных шлемов всегда подшивалась толстая органическая подкладка, усиливавшая далеко не идеальные амортизирующие свойства ламеллярных наголовий.

Каркасные и клепаные шлемы

Одним из самых популярных типов боевых наголовий сянбийской конницы и китайской пехоты V–VI вв. были так называемые «каркасные» шлемы. Свое название они получили благодаря наличию в их конструкции основы (каркаса) из металла или твердой кожи. Каркас обычно состоял из обруча, навершия и полос, соединяющих обруч и навершие или (если навершие отсутствовало) лицевую, боковые и назатыльную части обруча. Промежутки между полосами каркаса (т. е., основную часть тульи) составляли крупные сегменты металла или твердой кожи. Вслед за европейскими оружиеведами М. В. Горелик выделяет две основные разновидности каркасных шлемов: «бандхельм» (роль формирующего объема тульи элемента и одновременно навершия выполняет только одна широкая полоса, приклепанная (пришитая) к налобной и затылочной частям обруча) и «шпан-

гельхельм» (характеризуется наличием двух или четырех замкнутых наверху наверху объемобразующих полос каркаса) [22, с. 165]. Оба варианта конструкции каркасных шлемов прослеживаются по изобразительным источникам IV–VI вв. с территории Северного Китая.

Наряду с каркасными шлемами в данном разделе мы рассмотрим и наголовья, составленные из крупных пластин, предположительно скрепленных металлическими заклепками. Совмещенное рассмотрение клепаных и каркасных шлемов безусловно вынужденная мера, вызванная невысоким уровнем сохранности ряда важных изобразительных источников, не позволяющих точно определить конструктивную особенность наголовья.

Известные материалы позволяют выделить три основные формы каркасных шлемов в описываемый исторический период: наголовья цилиндрической, полусферической и яйцевидной формы.

Цилиндрические каркасные шлемы, вероятно, восходят к цилиндрическим наголовьям ханьского времени (рис. 11, 2). Однако если последние связывались из нескольких рядов ламеллярных пластин, формировавших тулью и на уши шлема, то их аналоги IV–V вв. имели более сложную конструкцию. Судя по изображениям, собственно каркас состоял из металлических(?) полос, изогнутых в верхней части почти под прямым углом (рис. 13, 7; 19, 29), благодаря чему шлем имел силуэт перевернутого, несколько сужающегося в верхней части, ведра. Пространство между полосами каркаса закрывалось вставками из горизонтально расположенных узких пластинок, которые соединялись непосредственно между собой или нашивались на органическую основу. Для усиления этой, вероятно, достаточно хрупкой конструкции, шлем дополнялся широким прямоугольным налобником. К тулье подвешивалась бармица открытого типа (рис. 20, 4).

Позднее конструкция этого типа боевого наголовья значительно упростилась. Теперь каркас шлема образовывал металлический обруч, к которому приклепывалась металлическая полоса, закреплявшаяся надо лбом и на затылке. Пустоты прикрывались двумя большими пластинами, вероятно, из толстой лакированной кожи, благодаря чему шлем получал более изящный силуэт, чем его предшественник. Для усиления шлема поверх нижнего (цельного) обруча пускали второй, составленный из ламеллярных пластин. Плюмажа такое наголовье не имело (отсутствовало навершие с втулкой для султана), зато большие пространства лакированной кожи между металлическим каркасом давали художникам простор для фантазии. Боковые тульи таких шлемов покрывались завитками, изображениями волн и облаков, что в комплекте с цветной тканевой бармицей делало наголовье исключительно нарядным (рис. 19, 31, 34; 20, 5). Однако функциональные параметры были гораздо важнее и цилиндрические наголовья достаточно быстро были вытеснены их яйцевидными и низкими полусферическими аналогами.

Вплоть до конца сяньбийской эпохи (т. е., до второй половины VI в.) яйцевидные и низкие полусферические каркасные шлемы сосуществовали. Конструкция их была идентичной, отличие крылось лишь в высоте и объеме тульи. Полусферические шлемы были компактны, просты в изготовлении и достаточно надежны (рис. 19, 33, 35–39). Яйцевидные наголовья, благодаря высоте и большому объему, успешнее амортизировали удар (рис. 19, 32, 40). Каркас низких полусферических шлемов чаще формировался из обруча и одной полосы, начинавшейся надо лбом и заканчивавшейся на затылке, в то время как в яйцевидных наголовьях преобладали экземпляры с двумя полосами перекрещивавшимися на макушке. По изображениям сложно определить материал, из которого изготавливались тулья шлемов. Складывается впечатление, что в большинстве случаев для этого применялась толстая кожа. И яйцевидные, и низкие полусферические шлемы имели надбровные вырезы, а также бармицы (как правило, из органических материалов) и наушы.

На базе низкого полусферического шлема всадников в эпоху Тоба Вэй, сложился самый популярный пехотный шлем эпохи раннего средневековья. От кавалерийского он отличался простотой конструкции и отсутствием большинства декоративных элементов (в первую очередь, надбровных вырезов и накладок). Благодаря многочисленным изображениям, представляется возможным провести его детальную реконструкцию. Шлем представлял собой классический «бандхельм» и состоял из обруча и одной полосы каркаса (которая иногда выполнялась в виде невысокого выпуклого гребня), закрепленной надо лбом и на затылке (рис. 20, б). Материалом для изготовления наголовий (крупных пластин тульи, а иногда и самого каркаса), скорее всего, выступала лакированная кожа. К нижней кромке шлема подвешивалась органическая бармица открытого типа. Для повышения ее защитных свойств воины навешивали бармицу в несколько рядов. Судя по изображениям, обычно нижняя бармица крепилась к внутренней стенке тульи, выполняя еще и функции подкладки, в то время как верхняя подвешивалась к обручу с внешней стороны с помощью веревок и ремешков, пропущенных в отверстия обруча. Практически всегда такие бармицы состояли из войлока или ткани, поэтому поверх их часто вешали металлические наушы сферической, полусферической или многоугольной формы.

Характерной чертой пехотных шлемов стали полотняные чалмы, которые копейщики и меченосцы накручивали поверх обруча шлема так, что концы платка завязывались в узел непосредственно над лицом воина (рис. 17, 3, 5; 19, 33, 36, 39; 20, 7) Ширина чалмы сильно варьировалась в зависимости от погодных условий и вкусов хозяина. Для защиты от солнца шлем мог целиком покрываться куском материи (рис. 8, 5, 8; 20, 9), в других случаях она превращалась в тонкий жгут, закрученный вокруг головы.

Наряду с каркасными, сяньбийскими воинами использовались и клепа-ные шлемы из пластин-сегментов (рис. 19, 35, 38). Большая часть их изображений относится к эпохе династии Тоба Вэй и отличается низкой сферо-конической или полусферической тульей, составленной из 4–8 пластин, стянутых обручем и низким полусферическим или кольцеобразным на-вершием. Наголовья снабжены надбровными вырезами, ламеллярными, ламинарными и мягкими органическими бармицами. Вероятно, именно шлем данного типа был обнаружен российскими археологами в Мендур-Соккон-1 (Горный Алтай). По мнению исследовавшего шлем В. В. Горбу-нова «Он мог быть привнесен на Алтай племенами ашина, знакомыми с последними сяньбийскими военными новинками» [17, с. 72]. Тулья шлема состояла из склепанных между собой полос металла. Вероятно, шлем имел надбровные вырезы, ламеллярный назатыльник и бармицу из мягких орга-нических материалов (рис. 20, 8).

В период династии Бэй Ци (550–577 гг.) на фресках из гробницы пол-ководца Лоу Жуя нами зафиксировано одно из самых ранних изображений сферо-конических клепаемых шлемов, ставших в последствии самым попу-лярным видом боевого наголовья Центральной Азии эпохи средневековья. Тулья шлема на изображении из гробницы Лоу Жуя склепана из четырех металлических (?) пластин, стыки которых прикрыты резными накладками с ребрами жесткости. Шлем снабжен надбровными вырезами, узким обру-чем и полусферическим навершием с фестончатым краем. В навершие вставлена втулка для плюмажа из волосяной кисти. Наголовье снабжено бармицей открытого типа, состоящей из кожаных полос, на которые наши-ты ряды ламеллярных пластинок (рис. 19, 41). Набор признаков шлема из гробницы VI в. оказался настолько устойчивым, что сохранился вплоть до развитого средневековья [23, с. 420, табл. 54, 28], а традиция оформления накладок с резным краем и ребром жесткости, прикрывавших стыки пла-стин тульи, дожила до конца позднего средневековья.

Шлемы с цельной тульей

Шлемы этого типа фиксируются пока только по иконографическим ма-териалам, что не позволяет достоверно установить материал, из которого они изготавливались. Вероятно, среди сяньбийских воинов употреблялись как цельнокованные наголовья, так и шлемы, выполненные из толстой ла-кированной кожи.

Наиболее ранние изображения шлемов с цельной тульей относятся к началу изучаемого периода. Это высокие конические и сферо-конические наголовья, увенчанные султанчиками из конского волоса. Сами изображе-ния достаточно схематичны, поэтому не стоит исключать вариант, что ре-альный оригинал таких шлемов составлялся из отдельных пластин, как и большинство боевых наголовий этого периода (рис. 19, 42–43), а сверху

покрывался кожаным или тканевым чехлом. Такой способ предохранения шлемов от сырости фиксируется у народов Дальнего Востока на протяжении всего средневековья. [8, с. 109–110, с. 173, табл. 4, 17, с. 177, табл. 6, 6].

Изображения низких полусферических шлемов с цельной тульей и бармицей относятся к эпохе правления династии Тоба Вэй. Однако, судя по числу изображений, наибольшее распространение такие наголовья получили среди панцирных воинов империи Бэй Ци (рис. 19, 47–51). Анализируя китайские изображения VI в. можно предположить, что при изготовлении цисских цельных шлемов соблюдались некоторые унифицированные стандарты. Так почти все шлемы воинов Северной Ци имели полусферические навершия (иногда с отверстиями для плюмажа), надбровные вырезы и мягкие войлочные бармицы закрытого типа. Последние очень часто усиливались круглыми или овальными вырезными наушами (рис. 19, 47–49). Изредка функцию защиты шеи выполняла задняя кромка шлема, которую в этом случае специально удлиняли (рис. 19, 50).

Этот тип шлемов сохранился в качестве популярного вида боевых наголовий на протяжении всего периода правления династии Суй и в начальный период существования империи Тан (рис. 24, 1).

«Мягкие» шлемы из органических материалов

Шлемы из простеганной ватой ткани, войлока или толстой многослойной материи на протяжении всей эпохи средневековья оставались одной из самых популярных форм защиты головы среди бедных воинов, не имеющих возможности приобрести себе металлическое наголовье. Однако в сяньбийскую эпоху такими шлемами не пренебрегали и состоятельные латники носили их в комплекте с кирасами из твердой кожи и ламеллярными железными (?) панцирями, что, вероятно, должно говорить об эффективности использования таких шлемов в ходе боевых действий IV–VI вв. Функции защитных наголовий из органических материалов не менялись на протяжении столетий, поэтому покрой тобасских шлемов этого типа живо напоминает русские «шапки бумажные» и их монгольский аналог «бууряд монголдай» позднего средневековья. «Мягкие» шлемы всегда имели очень широкий толстый назатыльник (иногда трехчастный, с парой наушей) и, часто, высокую тулью, амортизирующую удар противника (рис. 19, 52–58). В небоевом положении или в жаркую погоду науши трехчастного назатыльника отгибались вверх (рис. 19, 37). Для повышения защитных свойств наголовий из органических материалов их снабжали по периметру толстым войлочным или тканевым валиком, а поверх назатыльника справа и слева навешивали второй дополнительный ряд органической бармицы (рис. 19, 57), а иногда и двойные кожаные или металлические науши. Следуя общим тенденциям покроя шлемов в эпоху поздней Тоба (Юань) Вэй, Бэй Чжоу и Бэй Ци, органические шлемы стали кроиться в виде башлыков

с высокой тульей и широким назатыльником, что с одной стороны отвечало военной моде, а с другой соединяло в себе все лучшие качества шлемов из мягкой органики. Чтобы еще более повысить защитные свойства мягких «башлыков», в VI в. их стали снабжать вертикальной (вероятно, металлической) налобной полосой, защищавшей не только лоб, но и переносицу воина (рис. 19, 58). Если башлыки использовались в основном конными воинами, то пехотинцы продолжали носить полусферические войлочные(?) наголовья, которые, как и другие типы пехотных шлемов, подвязывались белой или цветной чалмой с затянутым надо лбом узлом (рис 19, 59).

Верхняя часть лицевого выреза шлема часто была прямой, однако, начиная с V в. н. э., она, в подражание металлическим шлемам, начинает снабжаться надбровными дугами. Вероятно, также от твердых наголовий была унаследована традиция украшать шлемы всадников короткими кистеобразными плюмажами из конского волоса (рис. 19, 57, 58). Судя по изображениям, волосяные султаны вставлялись в специальные (металлические?) наверхшия, пришитые к верхушке тульи «мягких» шлемов.

Щиты

В западно-ханьскую эпоху щиты были популярным предметом вооружения среди легковооруженных пехотинцев с древковым и, особенно, клинковым оружием. Несколько реже их употребляли воины, носившие панцири облегченного типа. Ханьские щиты изготовлялись из плоских досок, которые обтягивались кожей, расписывались красками и покрывались лаком [23, с. 426]. В сечении они могли быть плоскими или выпуклыми. Щиты этого типа иногда снабжались металлическими умбонами с остриями или без них [8, с. 427]. Достаточно часто щит имел ярко выраженное осевое ребро, благодаря чему он приобретал характерную двухскатную форму (рис. 1, 2). Вертикальная ручка располагалась на тыльной стороне щита вдоль оси посередине. Большинство ханьских щитов имели вид прямоугольника (иногда почти квадрата). Среди рядового состава преобладали экземпляры небольших размеров (60–80 см в высоту). Как правило, такие щиты имели ровный нижний и вырезной верхний край. Несколько реже встречались щиты с обрезанными или закругленными краями (рис. 1, 5). На статуэтках хорошо заметно, что таким щитом можно было прикрыть только корпус воина от груди до пояса. Им было удобно пользоваться и отражать удары в ходе динамичного рукопашного боя. При плотном построении такие щиты видимо были не особенно эффективны, т. к. оставляли открытыми бедра и голени воина. Поэтому в первых рядах пеших ханьских отрядов стояли воины, использовавшие достаточно крупные щиты высотой более метра. Вероятно, за высокими щитами могли укрываться и знаменитые ханьские арбалетчики.

В эпоху Восточной Хань, Троецарствия и империи Цзинь пешие китайские воины (как легковооруженные, так и панцирники) продолжали использовать небольшие прямоугольные щиты, выполненные из деревянных досок или сшитой в несколько слоев толстой кожи. Большая часть щитов в этот период снабжается дополнительными металлическими усилителями: продольной осевой полосой, крупными и мелкими умбончиками и фигурными накладками (рис. 21, 1–4). Плоскость щита у китайцев иногда сужается в верхней части (рис. 21, 4), а у «варваров» (южных хуннов?), напротив, снабжается небольшими вырезами, благодаря чему щит приобретает 8-образную форму (рис. 21, 5). В этот период у хуннов можно предполагать наличие щитов из узких жердочек на кожаной основе [23, с. 426], а у их китайских противников – щитов из гибкой лозы (рис. 21, 7–10). Судя по китайским изображениям, щиты в этот период употреблялись хуннскими(?) всадниками и китайскими пехотинцами, в основном, в комплекте с клинковым оружием (рис. 2, 1а, 1б, 2). Китайские кавалеристы щитов практически не применяли. Причиной этого, вероятно, была не только плохая подготовка, но и обычай наносить удары древковым оружием, удерживая его двумя руками, и сражаться в рукопашной схватке, используя клинковое и древковое оружие в обеих руках.

Завоевавшие Северный Китай сяньбийцы привнесли в регион традицию использования очень крупных щитов, прикрывающих человека с головы до пят. О ранних щитах северян мы можем судить по изображениям на тепсейских планках. Пешие (или спешенные) таштыкские воины использовали щиты в рост человека. Плоскость таких щитов расширялась в верхней и нижней части, а сам щит имел изгиб по горизонтали и осевое ребро. Скорее всего, такие щиты изготавливались из досок, а сверху обшивались мехом (рис. 21, 11) или кожей. В последнем случае поверхность щитов покрывалась замысловатым орнаментом (рис. 21, 6, 12, 19).

Под китайским влиянием сяньбийские щиты поменяли горизонтальный изгиб на вертикальный и несколько уменьшились в размерах. На протяжении всего периода сяньбийского господства в Северном Китае самым популярным видом щитов были изделия прямоугольной формы. Часто они имели округлый (рис. 21, 17–18, 20), или, напротив, заостренный верхний край (рис. 21, 14, 22–26). Несколько реже в виде угла вырезался нижний край щита (рис. 21, 15, 24–25, 29). Щиты дворцовых гвардейцев имели фигурные вырезы по всему периметру (рис. 21, 16). Щиты часто незначительно сужаются к верхнему (рис. 21, 15, 29) или к нижнему краю (рис. 21, 26), иногда к обоим краям одновременно (рис. 21, 27–28).

Деление щитов сяньбийского периода на большие и малые весьма условно. Даже малые тобасские щиты IV–VI вв. в полтора-два раза больше своих китайских аналогов II–III вв. н. э. Судя по изображениям, малые щиты, как и их более ранние китайские аналоги, изготавливались из деревян-

ных досок, покрытых сверху кожей. С IV в. щиты часто снабжаются осевой металлической накладкой и защитной окантовкой по периметру (рис. 21, 2–5, 14, 16–18, 21–23, 26–27, 29–30). Со второй половины V в. в широкое употребление входит обычай снабжать плоскость щита металлическими умбонами, сначала гладкими, а затем выполненными в виде личины мифического чудовища или реального хищника (обычно из семейства кошачьих) (рис. 21, 21, 26–30). Вместе с основным центральным умбоном щиты снабжаются более мелкими умбончиками (рис. 21, 27) и фигурно вырезанными накладками, часто выполненными в виде «танцующих человечков» (рис. 21, 21, 29).

Отличительной чертой больших щитов сяньбийской эпохи является их многофункциональность. Даже самые большие (почти в рост человека) щиты легко переносились с места на место подмышкой (рис. 25, 1e). Вертикальная прикрепленная по оси щита ручка предполагала кистевой хват. В ходе боя щит удерживали одной вытянутой рукой, отражая удары противника древковым и клинковым оружием (рис. 25, 1a, 1в, 1d, 1ж). В случае необходимости большие щиты выполняли станковую функцию. К тыльной стороне прислонялась специальная шест-подставка, благодаря которому щит удерживался в вертикальном положении, предохраняя своего владельца от дистанционного оружия противника (рис. 25, 1г). Подчеркнутая средневековыми художниками легкость больших щитов говорит о том, что они относились к разряду каркасных. Такие щиты имели твердый (обычно деревянный) каркас, составлявший ось, раму и иногда «ребра» щита, в то время как его основную поверхность формировали связанные между собой прутья или натянутая на раму кожа. На рисунках из Дуньхуана щиты китайских пехотинцев имеют широкие концевые накладки. Последние обычно выполнены тем же цветом, что и клинки мечей, наконечники копий, шлемы и панцири воинов. Это дает основание утверждать, что и большие щиты могли усиливаться металлическими накладками.

Самым популярными цветами щитов был красный и черный; на это указывают не только изображения, но и материалы письменных источников VI в. (11, с. 521). Плоскости двускатных щитов часто покрывали «елочным» орнаментом из перемежающихся красных и белых полос.

Судя по материалам иконографии, большие и малые щиты в сяньбийскую эпоху входили в комплекс вооружения пехотинцев и спешенных всадников. Поэтому в письменных источниках щиты употребляются в комплексе с клинковым оружием [11, с. 200]. Конные копейщики щиты почти не использовали, возможно, потому, что колющий удар копьем надо было наносить, удерживая древко обеими руками. Однако изображения корейских тяжеловооруженных всадников показывают нам примеры использования прямоугольных щитов конными латниками. Учитывая бли-

зость оружейных комплексов жителей Кореи и сяньби, можно предположить, что, возможно, со временем появятся материалы, подтверждающие возможность использования тобасскими воинами щитов в конном строю. Пока можно говорить лишь об единичных случаях употребления щитов конными панцирниками. Так на статуэтке кавалериста VI в. фиксируется притороченный к седлу маленький («кулачный») щит округлой формы (рис. 9, 1; 21, 31). Это единственное известное нам изображение сяньбийского конного воина со щитом не характерной для региона круглой формы. Учитывая время изготовления статуэтки, совпавшее с началом жуэньской, а затем и тюркской экспансии, можно предположить, что круглый щит конного панцирника – это результат западного (центрально- или среднеазиатского) влияния. Похожие «кулачные» щиты использовали в последующую эпоху и воины Суйской динстии (рис. 24, 7).

Щиты сяньбийской эпохи оказали сильное влияние на развитие этого вида защитного вооружения в последующие столетия. Так в период правления династии Суй китайские воины продолжали использовать щиты сяньбийского типа, причем последние сохранили не только вытянутую прямоугольную форму, осевые металлические накладки и обкладку по периметру, но и умбоны по центру щита, выполненные в виде головы чудовища или хищника (рис. 24, 2, 3, 5, 8) (несколько позднее тигра на умбоне заменила голова рогатого буйвола).

Одежда, прическа, амуниция

Сяньбийцы племенного союза Тоба были первыми завоевателями Китая, которые попытались заставить ханьцев изменить свою одежду на одежду «северных варваров». В правление императора Тоба Гуя всем подданным империи (в том числе и китайцам) вменялось носить «монгольское (хорское) платье» [11, с. 177; 13, С. 592]. Но чтобы удержать контроль в многомиллионной стране, где сяньбийцы составляли лишь незначительную часть населения, степная знать была вынуждена принять китайские традиции и начать процесс культурной ассимиляции. В 80-е гг. V в. китайскую одежду стали использовать придворные и столичные чиновники. А в 495 г. всем сяньбийцам было приказано носить одежду китайского образца [25, с. 175; 27, с. 211]. Многие табгачи не подчинились этому решению и продолжали носить короткие халаты и шапки (27, с. 214); имперское правительство было вынуждено пойти на уступки.

К числу собственно сяньбийской одежды китайские авторы относят «дохи, длинные сбористые юбки и валяные шляпы» [10, с. 97]. Шляпы с полями были одним из самых характерных элементов одежды завоевателей, поэтому когда Тоба Гуй оповещал своих подданных о введении сяньбийской одежды, он особо подчеркнул, что в первую очередь необходимо: «...в столице и вне ее связывать волосы на голове(т. е., заплетать косу) и

носить шляпу» [11, с. 177; 13, с. 592]. Однако шляпы с полями сохранились в обиходе сяньбийской знати и после того, как при дворе была введена китайская мода [11, с. 200–201]. На статуэтке из музея г. Сиань (провинция Шэньси) изображен этот головной убор. Тулья шляпы представляет собой низкую полусферу с неширокими, опущенными вниз полями, украшенными спереди волосяной кистью. Шляпа снабжена объемной плоской втулкой и плюмажем из конского волоса (рис. 8, 7). Характерно также, что шляпа одета поверх шлема из войлока или толстой ткани и носится в комплекте с гомогенной кирасой.

Отличительной чертой сяньбийцев Тоба были длинные косы, благодаря которым этот народ получил название «поколение сяньбийских косоплетов», по китайски «со-тхзу» [12, с. 167]. Некоторое представление о том, как выглядели табгачи эпохи Тоба Вэй, дают изображения IV–VI вв. В этот период волосы надо лбом немного подбривались, а сзади, напротив, отпускались и заплетались в длинные косы. Подобная прическа очень напоминает прическу тюркского времени. Возможно, что тюрки переняли ее у сяньбийцев. Характерной чертой сяньбийской прически также были 1–3 маленьких косицы или хвоста на темени (рис. 19, 66–67, 69–70). В середине V в. многие табгачи (включая и императора Тоба Сюня) в знак уважения к буддизму брили голову [27, с. 198]. Некоторые подданные империи (возможно потомки тангутов-дисцев) носили широкие окладистые бороды и усы (рис. 17, 2; 19, 61–62).

В холодное время года сяньбийские всадники носили шапки с низкой, иногда простеганной, тульей, снабженной меховой опушкой (рис. 3, 56; 16, 7). На некоторых изображениях такие шапки дополнены специальными наушниками и назатыльниками, что сближает их с позднейшими монгольскими «бууряд монголдай» и «калбак берт» (рис. 15, 15–18).

В жаркое время сяньбийские и китайские воины носили миниатюрные плоские шапочки, завязывавшиеся под подбородком. Отличительной чертой этих головных уборов были пары длинных перьев, укрепленные на височных сторонах шапок (рис. 19, 60–63).

Плодом китайского влияния были головные уборы из шелка с высоким стоячим назатыльником (рис. 9, 2, 4, 7–9; 10, 5; 14, 5, 11, 15), которые носили военные чиновники и воины охраны V–VI вв. Модификации этих шапочек пережили сяньбийские династии и оставались популярны на протяжении всего средневековья [8, с. 169, табл. 1, 8, с. 103, с. 171, табл. 2, 9].

Сяньбийские воины поддевали под панцири халаты из плотной толстой материи с косым запахом, длинными узкими рукавами и подолом до колен или до середины голени. Иногда еще один халат или плащ носили поверх панцирей, предохраняя их поверхность от нагревания на солнце или от сырости (рис. 16, 9–10). В теплое время наддоспешные халаты, как и позднейшие шинели, сворачивались в трубку и носились через плечо (рис. 9, 1).

В отличие от простых воинов, чиновники и знать с V в. носили длинные просторные китайские халаты с очень длинными и широкими рукавами. Чтобы последние не мешали в ходе боя, их завязывали узлом (рис. 16, 9–10). Поверх халатов зимой и осенью носили шубы с меховым воротником. Судя по изображениям, такие шубы очень часто использовались в виде плаща: воротник застегивался под подбородком, а рукава свободно висели за спиной.

В начальный период существования сяньбийских государств в Северном Китае в употреблении среди конных и пеших воинов были широкие штаны до колен или до шиколоток, заправленные в кавалерийские сапоги, напоминающие позднейшие монгольские гутулы (рис. 13, 8), или башмаки из кожи, иногда носившиеся вместе с матерчатыми обмотками (рис. 5, 26). С V в. н. э. в обиход пехотинцев, а затем и кавалеристов, входят широкие расклешенные шаровары белого или серого цвета. Они подвязывались под коленом, формируя характерный силуэт китайских воинов V–VI вв. (рис. 13, 1, 6, 9; 16, 1–3, 5, 8, 11; 17).

Основным цветом одежды воинов и знати был красный. Так наследнику жужаньского престола тобаский император в 521 г. вместе с оружием и припасами преподнес «...шелками вышитый кафтан с шляпою, стеганный красный полукафтан, двадцать темнокрасных кафтанов с шляпами, тысяча кусков шелковых тканей, шелковые стеганые штаны с узкими отверстиями, темнокрасные штаны с широкими отверстиями» [11, с. 200–201]. Красные халаты и «кафтаны» носят западно-вэйские воины на фресках из Дуньхуана, датированных 538–539 гг. и терракотовые латники из сяньбийских погребений V–VI вв. Наряду с красными, применялись халаты черного, коричневого и зеленого цвета.

Конский доспех

Появление и стремительное распространение полного конского доспеха является важнейшим элементом эволюции дальневосточного оружейного комплекса в сяньбийский период.

По мнению китайских ученых, полный конский доспех сформировался в Китае еще в период Троецарствия (220–280 гг.). Однако все известные археологические и иконографические материалы противоречат этому предположению. Первые раннесредневековые конские доспехи воинов Центрального Китая цзиньского времени (265–316 гг.) известны по скульптурным изображениям из погребения в Чанша (302 г.) Их конструкция очень проста, а защитные свойства, вероятно, не особенно высоки. Конский доспех цзиньских латников представляет собой широкий стеганный (или ламеллярный) нагрудник, прикрывающий лошадь спереди от груди до колен. Сверху к лопасти нагрудника пришта широкая матерчатая или кожаная полоса с декоративными круглыми или ромбовидными

отверстиями, к которой крепятся ремни, соединяющие нагрудник с седлом (рис. 2, 9, 11, 12). Иногда эти ремни показаны прикрепленными к боковинам нешироким панцирным сегментом, подвешенным к бокам лошади под седлом. Боковины имеют ту же структуру бронирования, что и нагрудники (рис. 2, 11–12).

Несмотря на упрощенную конструкцию панцирной попоны воинов из Чанша, это один из первых зафиксированных изобразительными материалами случаев, когда кони целого отряда китайской кавалерии оказались снабжены специальной системы защиты. Мастера сяньбийских государств Северного Китая и оружейники Когуре, позаимствовав у китайцев саму идею конского доспеха, в корне изменили его структуру и постройку. Ставка была сделана на создание абсолютного «непроницаемого» доспеха, даже в ущерб маневренности и подвижности коней, снабженных такой системой защиты.

Наиболее ранние изображения полных конских доспехов относятся к IV в. н. э. и происходят с территории Северного, Северо-Восточного Китая и Северной Кореи. Когуресские и сяньбийские панцирные попоны практически идентичны и, вероятно, развивались в русле единой оружейной традиции. Пока не представляется возможным выявить первоисточник этой традиции, ясно лишь, что на территорию Японии и Южной Кореи этот панцирный комплекс распространился не позднее конца IV в., а в Центральной Азии он известен с V в. [22, с. 168, с. 155, рис. 5, 15, рис. 11, 4–5, 8].

Конский доспех тяжеловооруженного конного воина сяньбийской эпохи получил в китайской научной литературе специальное название «Цзюйчжуан» («Цзюйчжуанкуй»). Наиболее дробный его вариант состоял из 7 частей: панцирного наголовья «мяньлянь» (рис. 23, 4а), нашейника «цзицин» (дословно «куриная шея») (рис. 23, 4б), нагрудника «дансюн» (рис. 23, 4в), панцирных боковин «цзя» (рис. 23, 4г), накрутника «хоу» (рис. 23, 4д), с втулкой для плюмажа из перьев или конского волоса «цзи» (рис. 23, 4е) и седла с высокими луками «ань» (рис. 23, 4ж). Рассмотрим постройку и структуру бронирования конского панцирного вооружения подробнее.

Основным видом защиты головы лошади в сяньбийскую эпоху была маска «мяньлянь», выполненная из железа или твердой толстой кожи. Маска прикрывала большую часть головы лошади и часто снабжалась специальными сегментами для защиты ноздрей, ушей и щек боевого коня. Представляется возможным выделить два основных типа конских масок IV–VI вв.: цельная и многочастная.

Цельная маска состояла из одного-двух неподвижно закрепленных по оси кусков брони, в которых проделывались отверстия для глаз. Края маски пытались вырезать и изогнуть так, чтобы они защищали ноздри и уши лошади. Судя по изображениям, наиболее часто такие маски изготовля-

лись из твердой толстой кожи и усиливались металлическим накладками. Благодаря своей гомогенной основе, нащечники цельных «мяньлянь» из металла или твердой кожи иногда могли не смыкаться с налобником в передней части маски (рис. 10, 7), что позволило М. В. Горелику вынести их в отдельную разновидность конских панцирных наголовий [22, с. 168]. Гораздо реже цельные маски могли делаться из толстой плотной материи, подбитой ватой, или войлока. В этом случае маска и нашейник, а иногда еще и нагрудник, могли составлять единое целое и вырезаться из одного куска органической основы [22, с. 169].

Многочастная «мяньлянь» состояла из трех и более элементов, имеющих подвижное сочленение между собой. Обычно многочастные маски состояли из налобника (к которому часто спереди приклепывался сегмент для защиты ноздрей, а на затылке «веер» из длинных пластин, служивших для защиты ушей лошади) и пары нащечников. Часто многочастные маски «ковали натуралистически воспроизводя формы лошадиной головы» [22, с. 169]. На это указывают не только изображения «мяньлянь» с территории Северного Китая, но и находки подлинных наголовий этого типа из сяньбийского погребения в Шиертай [55, с. 23–25], кургана Отани IV–V вв. в Японии и гробницы Пекжондон этого же периода из Кореи. Маски и нащечники, как правило, выполнялись из относительно крупных пластин металла и твердой кожи, соединенных между собой с помощью скоб, заклепок, кожаных ремней и металлических колец-пряжек, однако использовались и комбинированные наголовья, у которых налобник изготавливался из цельной пластины, а нащечники имели ламеллярную структуру. С начала VI в. популярными стали маски, целиком собранные из мелких ламеллярных пластинок, соединенных кожаными ремешками и нашитых на мягкую органическую основу (рис. 23, 10; 25, 1к, 1л, 1н, 1п).

Маски снабжались плюмажами из перьев и кистями из конского волоса, вставленными в высокие налобные втулки или в специальные крепежные отверстия на тыльной стороне пластинчатых «вееров» «мяньлянь».

Иногда на изображениях встречаются упрощенные варианты конских масок, лишенных нащечников и состоящих из одних широких налобников. На наш взгляд, эта форма покроя «мяньлянь» является предвестником общего облегчения конского доспеха, произошедшего в следующую эпоху [22, с. 177].

М. В. Горелик отнес к числу защитного конского вооружения узкие конские металлические (в ряде случаев из золоченой бронзы и серебра) налобники, украшенные гравировкой и хрупкими украшениями в виде листиков на шпеньках (рис. 23, 5–7) обнаруженные на территории Маньчжурии, Северного Китая и Кореи. Однако М. В. Горелик отметил, что все признаки «... свидетельствуют о том, что налобники «... служили украшением в не меньшей, если не большей степени, чем защитой» [22, с. 167].

К такому же выводу пришли и К. И. Рец и Юй Су-Хуа, которые подвергли сомнению использование этих налобников в качестве предмета защитного вооружения в связи с наличием массивных скоб на внутренней стороне пластин, не мешавших использовать налобники в качестве украшения, но снижающих их потенциальные защитные функции [37, с. 43].

Покрой панцирных попон в этот период отличался значительным разнообразием. Мастера-оружейники активно экспериментировали как над формой покроя корпусного конского доспеха, так и над его конструкцией. К сожалению, полные конские панцирные попоны Северного Китая IV–VI вв. известны только по изображениям, а последние далеко не всегда позволяют определить особенности его покроя. Очень часто доспех показан цельным без всяких разрезов. По мнению М. В. Горелика, в большинстве случаев это художественная условность, т. к. цельные панцирные попоны («комбинезоны») могли существовать, только будучи изготовленными из мягких органических материалов, да и то имея разрезы вдоль хребта, или на шее и груди [22, с. 169], в то время как на изображениях цельными показаны и ламеллярные доспехи, выполненные из пластин металла или твердой кожи. Более информативные изображения позволяют выделить нашейник «цзицин», нагрудник «дансюн», панцирные боковин «цзя» и накрупник «хоу». Однако далеко не всегда все панцирные сегменты изготавливались отдельно. Очень часто из одного куска брони состояли нагрудник «дансюн» и панцирные боковин «цзя», или нашейник «цзицин» и нагрудник «дансюн». В отдельных случаях в одном панцирном элементе совмещались и нашейник, и нагрудник, и боковины. Накрупник «хоу», напротив, иногда делался из двух частей, причем верхняя не только защищала спину, но и прикрывала выпущенный из под нижнего накрупника хвост. На подавляющем большинстве изображений тяжеловооруженных сяньбийских воинов IV–VI вв. их лошади снабжены полным комплектом доспехов «цзюйчжуан». В это же время панцирные попоны кочевников Центральной Азии и Южной Сибири (воспринявших северо-китайскую традицию защиты боевого коня), напротив, представляют собой облегченный вариант сяньбийского панцирного комплекса. Так, наиболее популярным элементом конской защиты в Горном Алтае IV–VI вв. были нашейники «цзицин», носившиеся самостоятельно, без дополнительных панцирных сегментов [17, с. 82]. Впоследствии облегченные варианты полных панцирных попон использовали авары [22, с. 171] и енисейские кыргызы [3, с. 101, рис. 1, 8, 9].

В отличие от покроя, структура панцирной попоны не отличалась особым разнообразием. Обычно «цзицин», «дансюн», «цзя» и «хоу» изготавливались из металлических или кожаных пластинок, соединенных между собой ламеллярным способом. Не уступали им по популярности и панцири, изготовленные из органических материалов. В числе последних можно

выделить простеганные крест-накрест и подбитые ватой панцири из толстой плотной материи, часто покрываемые сверху однотонной или расшитой узорами тканью (рис. 8, 10–11.). По данным М. В. Горелика, сяньбийские и китайские воины V–VI вв. использовали также конские доспехи с ламинарной системой бронирования [22, с. 169], что находит свое подтверждение на изобразительных материалах из «Гробницы с фресками» эпохи Тоба Вэй в деревне Бэйчэнь уезда Мэнцзинь [54, с. 29, рис. 4, с. 32].

Оформление конского панциря в сяньбийский период отличалось известным своеобразием. Так, ламеллярные или стеганные панцирные попоны конных латников из провинции Шэньси, датированные эпохой Бэй Чжоу (557–581 гг.), покрыты тщательно прорисованными художником шкурами леопардов и тигров (рис. 15, 9–10). Причем сегментами шкур прикрыты и маски «мяньлянь». Характерным украшением сяньбийских, китайских и корейских нагрудников «хоу» с IV в. стали специальные втулки для плюмажей «цзи», в которые вставлялись султаны из птичьих перьев. Чтобы нагивные ремни нашейника «цзицзин» не натирали холку лошади, под них подкладывалась толстая полоса ткани, войлока или мягкой кожи, часто ярко раскрашенная. С IV в. ламеллярные и стеганные конские панцирные попоны стали снабжать специальными окантовками из кожи или цветной материи.

Значение развития конского доспеха в сяньбийскую эпоху трудно переоценить. Именно в этот период на территории Китая и Кореи были созданы все основные варианты покроя средневековых конских доспехов Центральной Азии и Дальнего Востока. По мнению В. В. Горбунова, все виды конских панцирных попон Алтая IV–VI вв. восходят к полному сяньбийскому (тобасскому) доспеху для защиты лошадей, привнесенному в регион жужанями [17, с. 82–84, 88–89]. Суйский, танский, сунский, киданьский, чжурчжэньский и монгольский конские панцирные комплексы, каждый в свое время, продолжили эволюцию сяньбийского «цзюйчжуана», при этом их конструктивные отличия от ламеллярных и стеганных тобасских прототипов IV–VI вв. были не особенно велики [8, с. 175, табл. 5]. Среди оформительских элементов в последующие века, напротив, сохранились лишь те, использование которых имело утилитарное значение (например, подкладка под нагивные ремни), в то время как втулки «цзи» и обычай покрывать конский доспех шкурами животных стали стремительно выходить из обихода уже вскоре после гибели сяньбийских династий Северного Китая.

Комплекс вооружения и тактика воинов сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н. э. (рис. 22)

Военное искусство сяньбийских племен стремительно эволюционировало на протяжении описываемого нами периода. Представляется возмож-

ным выделить три основных этапа в развитии военного дела сяньби, каждый из которых отличается известным своеобразием как в области вооружения, так и тактики ведения боя.

Раннесяньбийский этап (II – первая половина IV в.)

В начале этого этапа сяньбийцы вышли на международную арену в качестве самостоятельной политической силы. Завершается этап созданием на территории Северного Китая первых крупных сяньбийских государств. Ключевыми событиями в сяньбийской истории в этот период стало создание степной державы Таншихуая (156–181 г.), государства Муюнов (307 г.) в Южной Маньчжурии и Северо-Восточном Китае (с 352 г. – южносяньбийской империи Янь), государства Тогон на плоскогорье Цайдам на берегах оз. Кукунор (310 г.), а также переселение тобасцев (табгачей) в Северный Китай и создание княжества Дай.

Основной ударной силой сяньбийских племен в этот период была конница, сведенная в отряды по десять, сто и тысячу человек. Основную массу конных воинов составляли легковооруженные лучники с мощными сложносоставными луками и стрелами, хранившимися в горитах, соединяющих функции налуча и колчана (рис. 22, 21). В отличие от других кочевников Центральной Азии, сяньбийцы уже в этот период широко использовали оружие ближнего боя: длинные узкие мечи с шайбовидными навершиями и ладьевидными перекрестьями, однолезвийные палаши и копья с длинными узкими, иногда гранеными, или, напротив, с широкими и плоскими (листовидными) наконечниками (рис. 22, 1, 5–7, 10–11, 22–24). Легковооруженные всадники носили шляпы с полями, украшенными волосяными кистями (в теплое время года) и низкие шапки с плоским верхом и меховой опушкой (в зимний период). В широком обиходе были длиннополые отороченные мехом шубы, халаты с косым запахом, сбористые юбки, широкие штаны и кожаные сапоги с короткими широкими голенищами.

В течение короткого времени сяньбийцам удалось разгромить своих прежних повелителей – хуннов и подчинить себе почти все их владения в восточной части Центральной Азии. На наш взгляд, причина столь стремительной экспансии сяньбийцев кроется не только в усилении единства сяньбийских племен и в их «природной свирепости», но и в изменениях, которые произошли в вооружении и тактике сяньби в период создания централизованного государства Таншихуая. Благодаря регулярным столкновениям с армиями ханьского Китая и живому интересу степной знати к китайской культуре [11, с. 88; 27, с. 29], сяньбийцы смогли по достоинству оценить защитное вооружение своих противников. Не удивительно поэтому, что при изготовлении собственного панцирного вооружения они в качестве образца для подражания использовали панцири и шлемы своих южных соседей. Пока преждевременно говорить о появлении у сяньбийцев

в этот период тяжеловооруженной конницы, т. е. воинов-панцирников, сидящих на покрытых броней конях. Традиция изготовления полного конского панцирного вооружения в этот период отсутствовала, а сами сяньби не обладали сколько-нибудь крупными производственными базами и, что особенно важно, военно-культурными традициями по изготовлению защитного вооружения. Однако находки из Лаохэшэнь позволяют нам сделать предположение о наличии у сяньби в этот период хоть не особенно многочисленных, но при этом достаточно боеспособных отрядов панцирной (средневооруженной) конницы. Воины сидели на конях, покрытых седлами т. н. «мягкого типа», их головы прикрывали шлемы, а корпус – панцири, изготовленные по китайским образцам. Шлемы яйцевидной или сфероконической формы составлялись из узких железных пластин, соединенных между собой кожаными ремешками и зафиксированных полусферическим навершием (рис. 22, 3, 8). К нижней кромке наголовий подвешивалась узкая бармица из двух рядов коротких ламеллярных пластин чешуеобразной формы. Из таких же пластин изготавливались и ламеллярные кирасы (с боковым разрезом) и жилеты (с осевым разрезом) (рис. 22, 4, 9). В отличие от ханьских образцов, сяньбийские панцири имели более простую конструкцию, не предусматривающую сколько-нибудь длинного подола и наплечников. Возможно, такие панцири одевались поверх толстых курток из органических материалов, широко распространенных в Китае II–IV вв. Не исключено, что сяньбийские всадники, как и южные хунны, использовали щиты прямоугольной формы, сплетенные из прутьев или сбитые из деревянных планок. Главным оружием средневооруженных всадников были длинные граненые копья и обоюдоострые мечи. Благодаря наличию конных панцирных отрядов, сражавшихся в плотном строю, сяньбийцы получили известные преимущества в войнах с легковооруженными хуннами и пешими армиями китайских династий, что позволило им начать внешнеполитическую экспансию и вытеснить своих противников сначала из центрально-азиатских степей, а затем перенести военные действия в застенный Китай. Хотя во II–III вв. н. э. металлическое панцирное вооружение и получило распространение среди сяньбийских правителей, их приближенных и всадников отборных отрядов, но в силу своей дороговизны оно было малоупотребительно среди основной массы степного воинства. На это указывает анализ наконечников стрел из сяньбийских погребений этого периода, среди которых практически отсутствуют специализированные бронебойные изделия. Поэтому тактика сяньбийских армий первой половины IV в. во многом оставалась тактикой легковооруженной конницы. Сяньбийскими полководцами в этот период широко применялись классические методы маневренного степного боя: отходы, засады, нападения с тыла, стремительные перекочевки в степь и т. д.

Тобасский этап (вторая половина IV – первая половина V в.)

В начале этого периода сяньбийским государствам Северного Китая пришлось выдержать целую серию войн с хуннами, когуресцами, тангутами, южными китайцами, жужанями, в результате которых весь Северный Китай, Маньчжурия и Восточный Туркестан оказались объединены племенным союзом Тоба, создавшим империю Тоба Вэй.

Вторая треть IV – первая половина V вв. стали временем стремительно-го утяжеления доспеха конных воинов, поиском абсолютной защиты для воина и его боевого коня. Главным нововведением в области военного дела сяньби в этот период можно считать появление (в первой половине IV в.) на Дальнем Востоке копейной тяжеловооруженной конницы как массового и самостоятельного рода войск. Появление конского доспеха было обусловлено целым рядом факторов: внедрением в сяньбийской коннице жестких седел с высокими луками и стремянами, совмещением степного конского парка с производственными возможностями китайских ремесленных центров, особенностями театра боевых действий и, наконец, целенаправленной социально-экономической политикой тобасских правителей. Сяньбийский конский доспех изначально создавался как вооружение тяжелой кавалерии. В отличие от китайцев, не имевших собственной качественной легкой конницы и поэтому вынужденных искать баланс между защищенностью и подвижностью всадников, Муюны и табгачи могли позволить себе создать узкоспециализированные войска, призванные прорывать строй неприятельской армии. Традиционная для сяньбийских кочевников тактика применения конных легковооруженных лучников и средневооруженной копейной конницы была значительно усовершенствована благодаря появлению тяжеловооруженной кавалерии, действовавшей в плотном строю и практически неуязвимой ни для плохо обученной китайской пехоты, ни для легкой и средней конницы степняков. При этом всадники тяжеловооруженной конницы не завязывали сражения и не преследовали противника; судя по отсутствию луков и колчанов на изображениях, они вплоть до середины V в. практически не вели дистанционный бой. Их функция была важна настолько, насколько и узка. Приблизившись к противнику, связанному боем с легкой и средней кавалерией на короткую дистанцию, они наносили мощный фронтальный удар, рассекая его боевые порядки, действуя длинными таранными копьями, мечами и палашами. Выдержать такой удар накоротке не могла ни конница, ни плохо обученная противодействию конному таранному удару пехота. Поэтому сяньбийские армии долго не знали поражений.

Известные материалы позволяют выделить два этапа в процессе развития тяжеловооруженной конницы на Дальнем Востоке и степях Центральной Азии. Первый этап характеризуется процессом появления тяжеловооруженной конницы как самостоятельного рода войск (IV–V вв.). Второй

этап представляет собой процесс становления тяжеловооруженной конницы как основного ударного вида вооруженных сил (конец V – начало VI вв.). На втором этапе функции тяжеловооруженной конницы были расширены. Теперь она могла вести не только ближний, но и дистанционный бой, не только атаковать, но и прикрывать отступление других армейских подразделений.

Конский доспех тяжеловооруженного конного воина сяньбийской эпохи получил в китайской научной литературе специальное название «Цзюйчжуан» («Цзюйчжуанкуй»). Наиболее дробный его вариант состоял из 7 частей: панцирного наголовья «мяньлянь», нашейника «цзицин» (дословно «куриная шея»), нагрудника «дансюн», панцирных боковин «цзя» и накрупника «хоу» с втулкой для плюмажа из перьев или конского волоса «цзи» и седла с высокими луками «ань». Элементы панцирной попоны могли изготавливаться из металлических или кожаных пластин, соединенных ламеллярным способом, цельных сегментов из мягких органических материалов (подбитой ватой материи, войлока, мягкой кожи) или длинных, сошнурованных между собой, ламинарных полос. Конские маски выполнялись из одного куска твердой толстой кожи или металлических пластин, повторявших форму лошадиной головы.

На первом этапе сяньбийские воины использовали оригинальные виды покроя корпусных доспехов: ламеллярные «пончо» (рис. 22, 17), практически забытые в Китае створчатые кирасы из толстой кожи (рис. 22, 15), распашные ватные панцирные «шубы».

На базе ламеллярной створчатой кирасы, характерной для предыдущего периода, сложились новые варианты покроя дальневосточных доспехов – ламеллярные катафракты, состоящие из наспинника и нагрудника с длинными узкими набедренниками (рис. 22, 32), ламеллярного «халата» с осевым разрезом, длинным широким подолом, рукавами и наплечниками, с высоким панцирным воротником (рис. 22, 34). Да и сами кирасы сильно изменились. Теперь их изготавливали из пластин преимущественно вытянутой прямоугольной формы, с округлым верхним краем (рис. 22, 51). Снизу подвешивали широкую ламеллярную юбку (рис. 22, 49) или парные набедренники (рис. 22, 26), руки от плеча до локтя прикрывали широкими лопастевидными наплечниками. Поверх кирасы или мягкого панциря из органических материалов носили одевавшиеся через голову ламеллярные пончо. Вместе с сяньбийцами в Китай возвращаются створчатые кирасы из толстой, сшитой в несколько слоев кожи, соединенные на плечах и боках кожаными ремешками. Широко распространяются «мягкие» доспехи из органических материалов, скроенные в виде кафтанов и усиленные металлическими накладками и зеркалами.

На протяжении всего периода самым популярным видом боевых наголовий сяньбийских воинов оставались сфероконические шлемы из узких

пластин, соединенных ремешками и заклепками, снабженные надбровными вырезами и ламеллярными бармицами. Наголовья венчались полусферическими навершиями, иногда с втулками для плюмажей из конского волоса (рис. 22, 19). Широко употреблялись и заимствованные у хуннов (рис. 22, 20) панцирные венцы, составленные из длинных пластин, соединенных между собой кожаными шнурами (рис. 22, 31). Судя по археологическим находкам, такие панцирные венцы могли иметь широкую ламеллярную бармицу. В V в. количество разновидностей шлемов существенно увеличивается. Возобновляется китайская традиция изготовления шлемов с полусферической и сфероконической формой тульи, составленной из ламеллярных пластин. Появляются каркасные шлемы с полусферической или цилиндрической тульей, набранной из крупных кожаных сегментов или мелких металлических (?) пластинок (рис. 22, 36, 43). Популярным видом боевых наголовий среди конных панцирников становятся «мягкие» шлемы из органических материалов, скроенные в виде полусферы с очень широким и толстым назатыльником или многочастной бармицей (рис. 22, 14).

В этот период наряду с подразделениями сяньбийской конницы в состав армии включаются отряды пешего китайского ополчения, в результате чего численность армий сяньбийских правителей (в первую очередь династий Муюн и Тоба) вырастает до нескольких сот тысяч человек, причем военачальники Муюнов с конца IV в. широко используют речной флот, укомплектованный китайскими и корейскими матросами. На вооружении китайских ополченцев состоят топоры (рис. 22, 13), кистени, булавы, двузубцы «цзи», копья на длинных древках, большие (иногда в рост человека) щиты (рис. 22, 29), короткие и толстые железные и бронзовые мечи и палаши (рис. 22, 39). На смену ханским арбалетам приходит степной сложносоставной лук. Китайские солдаты выстраивались на полях сражений крупными отрядами, располагая перед фронтом передвижные деревянные укрепления. Однако сила китайской пехоты заключалась не в боевой выучке, а в многочисленности. Лишенные надежного защитного вооружения, пешие ополченцы (недавние крестьяне) не могли в одиночку противостоять латной и легкой коннице противника. Именно в этот период кавалерия становится главным видом вооруженных сил северокитайских государств.

На поле боя кавалерия выстраивается в отряды по несколько рядов в каждом. Плотное построение «отборной конницы» сяньбийских Муюнов середины IV в. нашло своеобразное отражение в китайской раннесредневековой историографии. Так, по данным китайских историков, сяньбийские панцирники соединяли седла между собой с помощью железной цепи [27, с. 101–102]. Среди терракотовых статуэток из Шэньси вместе с конными панцирниками обнаружены легковооруженные конные воины с длинными, расширяющимися к раструбу, трубами. Вероятно, трубачи со-

проводили тяжеловооруженных всадников и в ходе атаки, что было характерно для тяжеловооруженной конницы разных регионов Евразии в эпоху поздней древности и средневековья. Подгоняемая завыванием боевых труб тяжеловооруженная сяньбийская конница опрокидывала кавалерию противника и «взламывала» его пехотные построения.

Вместе с тяжеловооруженной конницей на поле боя действовали отряды средневооруженных и массы легковооруженных всадников, набранных среди сяньбийцев и воинов покоренных кочевых народов. В их задачи входили обход построения врага с тыла и флангов, ведение дистанционного боя, борьба с легковооруженной пехотой и конницей противника. Воины средней конницы были одеты в «мягкие» панцири из органических материалов, ламеллярные кирасы и катафракты. Некоторые из них использовали металлические и кожаные шлемы с бармицами открытого типа. Основное оружие состояло из мечей, палашей, копий, луков и стрел. Последние в этот период уже хранились не в универсальных горитах, а в налучах и колчанах (рис. 22, 33).

Иногда исход боя решал поединок полководцев. Так в 344 г. перед началом сражения войск сяньбийских Муюнов и армии Юйвэни в поединке сошлись сяньбийский принц Муюн Хань и корейский богатырь, возглавлявший юйвэньско-когуресскую армию. Муюн Хань убил своего противника, получив тяжелое ранение, после чего: «...юйвэньцы были разбиты, их столица сдалась, и держава перестала существовать, а народ пополнил войска победителя» [27, с. 92]. Учитывая вооружение когуресских и сяньбийских знатных воинов этого времени [22], можно предположить, что поединок представлял собой конное столкновение тяжеловооруженных всадников с длиннодревковым оружием.

Письменные источники V в. фиксируют последовательность ведения боя в этот период – лучной бой, а затем рукопашная схватка: «...Они стояли друг против друга более сорока дней. Сяо Чень-чжи окружен был в несколько десятков рядов; луки со стрелами (после сближения – Л. Б.) сделались неудобными и (воины – Л. Б.) стали сражаться коротким оружием» [10, с. 103].

Позднесяньбийский период (конец V – первая половина VI в.)

В политическом отношении это время максимального взлета, а затем и стремительного крушения империи Тоба (Юань) Вэй, ее распад на Восточную и Западную Вэй, превратившихся в сяньбийско-китайские царства Бэй Чжоу и Бэй Ци. Это время стремительной ассимиляции и окитаивания сяньбийского и вообще степного населения, проживающего на территории Северного Китая, что выразилось в смене названия династии (с Тоба на Юань) и отказе от национальной прически, одежды и традиционных религиозных представлений.

В конце V – первой половине VI вв. н. э. в результате синтеза сяньбийских, китайских и, вероятно, центральноазиатских оружейных традиций сложился единый оружейный комплекс, который, с некоторой долей условности можно назвать позднесяньбийским. Подвергаясь небольшим перманентным изменениям, этот оружейный комплекс на протяжении всей эпохи раннего средневековья доминировал в Северном и Южном Китае, Корее, Восточном Туркестане, Центральной Азии и Южной Сибири и был занесен в Европу аvaraми. Тобасский комплекс защитного и (в меньшей степени) наступательного вооружения лег в основу оружейного комплекса дальневосточного региона в развитом средневековье.

Основной ударной силой северокитайских армий конца V – первой половины VI вв. продолжала оставаться тяжелая конница, действовавшая в тесном контакте с массами легкоконных лучников и пехотинцев, вооруженных древковым и клинковым оружием. Рост значения тяжеловооруженной кавалерии и опыт затяжного противостояния с племенами Центральной Азии, возглавляемыми жужанями, привел тобасских полководцев к идее расширить функциональное назначение этого рода войск. С этого периода конные латники стали снабжаться луками и стрелами, что позволяло им вести дистанционный бой с противником, почти не рискуя получить ранения. Луки со спущенной тетивой хранились в чулкообразных налучах, а стрелы – в специальных берестяных, расширяющихся книзу, колчанах (рис. 22, 47). Однако основным оружием тяжеловооруженных конных воинов этого периода продолжают оставаться длинные копья с листовидными или узкими гранеными наконечниками (рис. 22, 69). Древки копий украшались разноцветными флажками с длинными разноцветными «языками» и бунчуками из крашеного конского волоса или мелко нарезанных шелковых лент. Основным видом клинкового оружия, наряду с обоюдоострыми мечами, в этот период становятся длинные однолезвийными палаши. Эксперименты сяньбийских оружейников привели к созданию сильноизогнутого клинкового оружия (т. е. сабли), которое, впрочем, в этот период, не получило широкого распространения (рис. 22, 28).

Преобладающим видом корпусного защитного вооружения являлись ламеллярные, реже ламинарные панцири, скроенные в виде двухстворчатых кирас с наплечниками и набедренниками, катафракт с коротким (до колена) подолом и длиннополых ламеллярных «халатов» с рукавами. Широкое распространение получили створчатые (двух- и многочастные) кирасы из толстой твердой кожи, снабженные боковыми и наплечными ремнями (рис. 22, 52). В этот период теряют популярность и стремительно выходят из употребления характерные для предыдущего этапа стоячие пластинчатые воротники, а ламеллярные «пончо» уменьшаются в размерах и превращаются в «ожерелья», усиливающие основной доспех (рис. 22, 41, 54). Среди средневооруженных воинов популярностью пользуются недо-

рогие, но надежные панцири из мягких органических материалов (простеганной ватой материи, войлока, мягкой кожи и т. д.), скроенные в виде кафтанов с рукавами и подолом и усиленные металлическими накладками и зеркалами.

В конце правления династии Тоба Вэй и в период Северных Династий (первая половина VI в.) иконографические материалы фиксируют факт достаточно успешной унификации оружейного комплекса. Так военные чиновники с этого времени носят однообразные двухстворчатые кожаные кирасы, соединенные на боках и плечах специальными ремешками. Поверхность кирас выкрашивается в белый цвет и снабжается по периметру ярко-красной окантовкой. В полевых условиях вместе с кирасой носится черная шелковая шапочка с вертикально стоящим назатыльником, в ходе боя, шапочка заменяется на низкий железный шлем. Основным оружием знати является длинный обоюдоострый меч с маленькой дисковидной гардой или без нее (рис. 22, 48).

Только во второй половине VI в. в зафиксировано употребление ламеллярных наручей, что свидетельствует о повышении значимости конного клинкового боя.

В описываемый период из широкого обихода выходят панцирные венцы и шлемы с конической тульей. Преобладающим видом боевых наголовий тяжеловооруженных всадников в этот период являлись шлемы трех основных типов:

1) низкие полусферические шлемы с цельной, клепаной, каркасной или ламеллярной тульей с надбровными вырезами, полусферическим навершием, ламеллярной, ламинарной, мягкой органической бармицей открытого, реже закрытого типа (рис. 22, 57, 61, 63, 71);

2) шлемы сфероконической формы из узких пластин с ремennым или клепаным соединением и ламеллярной или органической бармицей;

3) высокие яйцеобразные ламеллярные «башлыки» (рис. 22, 59) с надбровными вырезами и широким назатыльником (иногда разрезанным на три части: собственно назатыльник и пару наушей).

Низкие полусферические шлемы и ламеллярные башлыки обычно снабжались коротким султаном из крашеного конского волоса, а сфероконические наголовья – плюмажем из длинных перьев.

Сфероконические шлемы из узких пластин с ремennым соединением преобладали на западных границах империи Тоба Вэй (а в последствии – в Западной Вэй и Бэй Чжоу), низкие полусферические наголовья, напротив, были распространены на востоке империи (а затем, соответственно, в Восточной Вэй и Бэй Ци).

Наряду с основными типами встречались и шлемы иных конструкций, причем, некоторым из них было суждено поистине великое будущее. К середине VI в. относятся первые изображения и самые ранние находки

сфероконических клепаных шлемов с надбровными вырезами, полусферическим навершием со втулкой для плюмажа и ламеллярной бармицей открытого типа. Стыки пластин некоторых шлемов этого типа прикрывали резные пластинки с ребрами жесткости. В течении VII–VIII вв. этот вид боевых наголовий стал самым популярным типом защиты головы конных воинов Восточного Туркестана, Центральной Азии и Южной Сибири. Именно на его базе развились шлемы кочевников развитого средневековья, а обычай прикрывать стыки пластин тульи шлема резными накладками с ребрами жесткости сохранился до этнографического времени (рис. 22, 68).

Наряду со шлемами из металла и твердой кожи, конные панцирники применяли наголовья из мягких органических материалов. Большая часть наголовий этого типа имела высокую, часто простеганную тулью, смягчавшую удар по черепу, валик по периметру шлема и широкую часто двойную органическую бармицу (рис. 22, 70). Характерно, что «мягкие» шлемы, скроенные в виде башлыка (усиленного металлической накладкой-налобником) или высокой стеганой шапки с опушкой-валиком (рис. 22, 58), часто носили в комплекте с панцирем из твердых материалов с ламеллярной или гомогенной системой бронирования. Это говорит о высоких боевых характеристиках мягких шлемов из органических материалов.

Полный конский доспех «Цзюйчжуанкуй» прикрывал боевого коня от ноздрей до основания хвоста. Часто встречались усиленные варианты мягких конских доспехов из органических материалов, в которых панцирное покрытие на крупе и груди коня навешивалось в два ряда. Поверх маски и панцирной попоны иногда натягивали тигровые и леопардовые шкуры. Широкое распространение получили втулки «цзи» для султана из птичьих перьев, крепившиеся на конском накрупнике.

Основная масса конных лучников, набиравшихся среди сяньбийцев и кочевников Центральной Азии, не использовала панцирей. Лишь некоторые из них (возможно командиры подразделений и телохранители) носили отдельные элементы защитного вооружения (ламинарные юбки, войлочные пончо, кожаные нагрудники) и целые панцири (створчатые и ламеллярные кирасы). Воины носили халаты с осевым разрезом или косым запахом с рукавами до кисти и коротким подолом до колен или середины бедра. В ходе охоты или боя рукава закатывались до локтя, а иногда и вообще затыкались за пояс, оставляя правую руку или весь корпус всадника обнаженным. На голове в холодное время года сяньбийцы носили шапки с полукруглым или плоским верхом и широкой меховой опушкой. В летние месяцы воины или вообще обходились без головных уборов или использовали маленькие матерчатые шапочки, украшенные на висках парой длинных перьев.

Пешие (а точнее спешенные) телохранители сяньбийских правителей и полководцев были прекрасно вооружены. Они носили многослойные ком-

бинированные доспехи, состоявшие из створчатой кожаной кирасы, усиленной металлическими зеркалами (рис. 22, 46), ламеллярной юбки, стеганых войлочных набедренников, подбитой ватой куртки, двойных и тройных наплечников. Голову пеших панцирников прикрывали низкие каркасные шлемы полусферической формы с двойной бармицей и металлическими наушами (рис. 22, 63). Длинный платок закручивался в жгут и обматывался вокруг головы наподобие чалмы. В жаркую солнечную погоду им покрывали всю тулью, предохраняя шлем от перенагревания. Пешие латники широко использовали щиты вытянутой прямоугольной формы (рис. 22, 44), иногда снабженные ребром жесткости и полусферическим металлическим умбоном, выполненным в виде головы демона или тигра. В ближнем бою такие воины использовали длинные копья, двузубцы «цзи» (рис. 22, 64, 66–67), длинные обоюдоострые мечи и палаши.

Основная масса мобилизованных на войну пехотинцев китайского происхождения вообще не имела защитного вооружения. Пехотинцы носили короткие халаты с косым запахом и расклешенные штаны, подвязанные под коленом. Некоторые использовали плоские кожаные или матерчатые головные уборы и головные платки. Остальные ходили с непокрытой головой. Лишь немногие из мобилизованных на войну крестьян были вооружены копьями, двузубцами «цзи», луками, арбалетами и короткими мечами. Гораздо чаще встречались самодельные копья, кистени, топоры и дубины. Часто китайские ополченцы не имели вообще никакого оружия, кроме длинных заостренных и обоженных на огне палок. Чтобы хоть как-то защитить пеших воинов от стрел противника, ополченцам в первых рядах выдавали большие (почти в рост человека) щиты из кожи, натянутой на деревянный каркас. Уровень подготовки пеших ополченцев, как и дисциплина, были очень низкими. Большая часть из них не была обучена сражаться с тяжеловооруженной конницей и использовалась полководцами в качестве классического пушечного мяса.

Ярким примером тактики тяжеловооруженных конных и легковооруженных пеших подразделений эпохи поздней Вэй и ее наследников являются изображения из Дуньхуана, датированные 538–539 гг. На фреске из пещеры № 285 пешие китайские воины, вооруженные большими щитами, двузубцами «цзи», мечами, луками и стрелами, противостоят тяжеловооруженным всадникам, сидящим на покрытых железной ламеллярной (на рисунке зеленого цвета, как шлемы и панцири) и органической (белого цвета) броней. Благодаря тому, что рисунок компилирует различные этапы сражения, становится возможным реконструировать тактику ведения боя как пехотинцев, так и противостоящих им всадников (рис. 25).

Перед атакой конные панцирники выстраивались в длинные плотные цепи (колонны?), удерживая копья с развевающимися на ветру разноцветными флагами в вертикальном положении. Стремена на изображении не

показаны, но на их наличие указывает характерная «рыцарская» посадка всадников с распрямыми и вытянутыми вперед ногами. Приблизившись к противнику шагом, конные латники за несколько десятков метров до вражеского строя пускали коней в галоп и вламывались в построения противника. Удары по пехотинцам всадники наносили сверху вниз, удерживая копьё двумя руками, так что одна из ладоней имела обратный хват. Практика нанесения удара копьем двумя руками преобладала не только на территории Северного Китая, но и у народов, унаследовавших сяньбийские военные традиции. Также атаковали врага тяжеловооруженные всадники Когуре IV–V вв. (40, рис. V, 1, 4) и воины Горного Алтая IV–VI вв. (17, с. 147, рис. 34, 16, 76, 8; с. 148, рис. 35, 16, 4, 9). Таранный удар копьем, зажатым подмышкой и наносимый одной рукой (так называемым «рыцарским способом»), получил широкое распространение только в тюркское время (17, с. 148, рис. 35, 3а, 3в, 5б), хотя способ нанесения колющего удара копьем двумя руками сохранился и в последующие периоды (3, с. 101, рис. 1, 9).

В результате удара тяжеловооруженной конницы строй пехотинцев рассыпался. Воины кружили вокруг бронированных всадников, пытаясь достать их короткими мечами и двузубцами «цзи», в то время как лучники вели прицельную стрельбу с близкого расстояния. Удары копьем легковооруженные пехотинцы принимали на большой щит, который удерживали одной рукой. Возможно, им и удалось бы оказать достойное сопротивление конным копейщиком, но последних в бою сопровождают оруженосцы (?) и щитносцы, которые не дают обойти своих хозяев с фланга.

Рассматривая изображения из Дуньхуана, складывается впечатление, что пешим воинам, лишенным панцирей и шлемов, трудно противостоять своим конным противникам. Явная несогласованность действий, неумение держать строй и устаревшее вооружение приводят пехотинцев к закономерному поражению (в правом углу картины художник показал толпы пеших пленных воинов, связанных веревками). Если художник изобразил стандартный бой тяжеловооруженной тобасской конницы и китайской пехоты (а судя по одежде и оружию воинов на фресках, это действительно так), то становятся понятны причины регулярных побед сяньбийцев над жителями Китайской равнины.

Многие элементы оружейной паноплии, характерные для сяньбийского периода в истории Северного Китая, исчезли (или были заменены) вскоре после крушения сяньбийских династий. Еще до начала эпохи развитого средневековья исчезли ламеллярные нагрудники-пончо, ламеллярные юбки, панцирные венцы. Зато другие предметы оружейного комплекса сяньбийского времени составили основу военной традиции средневековой Центральной Азии и Дальнего Востока. С территории северокитайских

государств середины VI в. происходят наиболее ранние из известных изображения и реальные находки сфероконических шлемов с навершиями, надбровными вырезами, ламеллярными бармицами, ставшие самым популярным видом боевых центральноазиатских наголовий вплоть до монгольского времени. Модернизированные варианты двузубцев «цзи» продолжали оставаться самым популярным вариантом комбинированного длиннодревкового оружия в Суйское и Танское время. Анализ материалов с территории Дальнего Востока и Центральной Азии показал, что именно сяньбийцы в течение трех столетий (IV–VI вв.) были законодателями военной моды на территории данного региона. Панцирные комплексы Суйского Китая и Тюркского каганата развивались в рамках, заложенных сяньбийскими мастерами. Так суйский доспех VI–VII вв. (рис. 24) унаследовал от сяньбийской защитной паноплии полный комбинированный панцирь, створчатые кирасы из толстой твердой кожи, многочастные наплечники, пластинчатые панцирные воротники, низкие полусферические каркасные и ламеллярные шлемы, двухчастные бармицы, узкие пехотные щиты прямоугольной формы, круглые «кулачные» щиты всадников и пехотинцев, покрой ламеллярных и ламинарных конских панцирей. Алтайские тюрки посредством жужаней и сяньбийцев Ашина переняли у тобасцев ламеллярные длиннополые катафракты с наплечниками, халаты, полусферические клепаные шлемы, облегченный вариант конского доспеха.

В VI–VII вв. жужани (известные в Восточной и Центральной Европе под именем аваров) и древние тюрки выступили ретрансляторами сяньбийского оружейного комплекса и тактики на территории Южной Сибири, Передней и Малой Азии, Восточной и Центральной Европы. Вплоть до эпохи развитого средневековья оружейные комплексы народов, населявших эти регионы, во многом продолжали развивать традиции, заложенные сяньбийскими оружейниками IV–VI вв.

Рис. 1. Изображения китайских воинов эпохи династии Хань (266 г. до н. э. – 220 г. н. э.) – рис. 1–3, 5–13 и Западная Цзинь (265–316 гг.) – рис. 4

- 1–3, 10–14 – Погребение Янцзявань, пр. Шэньси
 4 – Северный Китай, конец III – начало IV вв. (вид спереди и сбоку)
 5 – С ханьской гравюры конца I – начала II вв. н. э.
 6 – Пр. Хэнань, I–III вв. н. э.; 7–9 – Гробница полководца Чжана, I–II вв. н. э.
 15 – С восточно-ханьского барельефа I–II вв. н. э.

Рис. 2. Изображения китайских воинов и «северных варваров» периода Троецарствия (220–280 гг.), Западной Цзинь (265–316 гг.) и «16 варварских династий» (IV в.)

13, 13. Гробница в Инань, пр. Шаньдун, конц III – начало IV вв.; 4, 10 – С западно-цзиньской миниатюры «Выезд знати на воинские учения», Северный Китай, вторая половина III – начало IV вв. 5 – Район Нанкина, династия Западная Цзинь, вторая половина III – начало IV вв.; 6. Южный Китай, династия Западная Цзинь, вторая половина III – начало IV вв.; 7–8 – «Северные варвары» (?), Чанша, пр. Хунань, конц III – начало IV вв.; 9, 11–12, 14, 16–18 – Чанша, пр. Хунань, 302 г.; 15 – Район Нанкина, пр. Цзянсу, IV в.; 17. Пр. Хэнань, II–III вв.

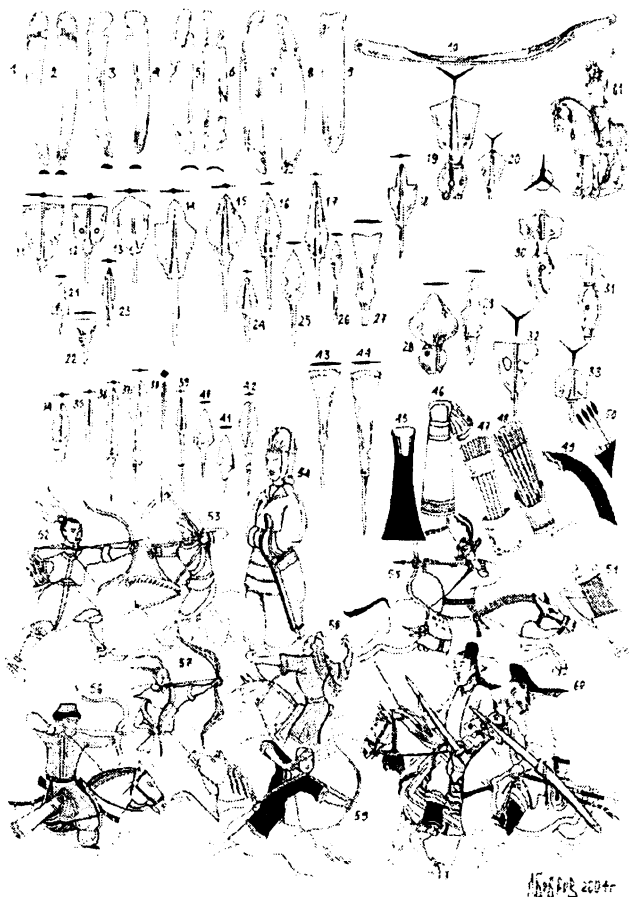
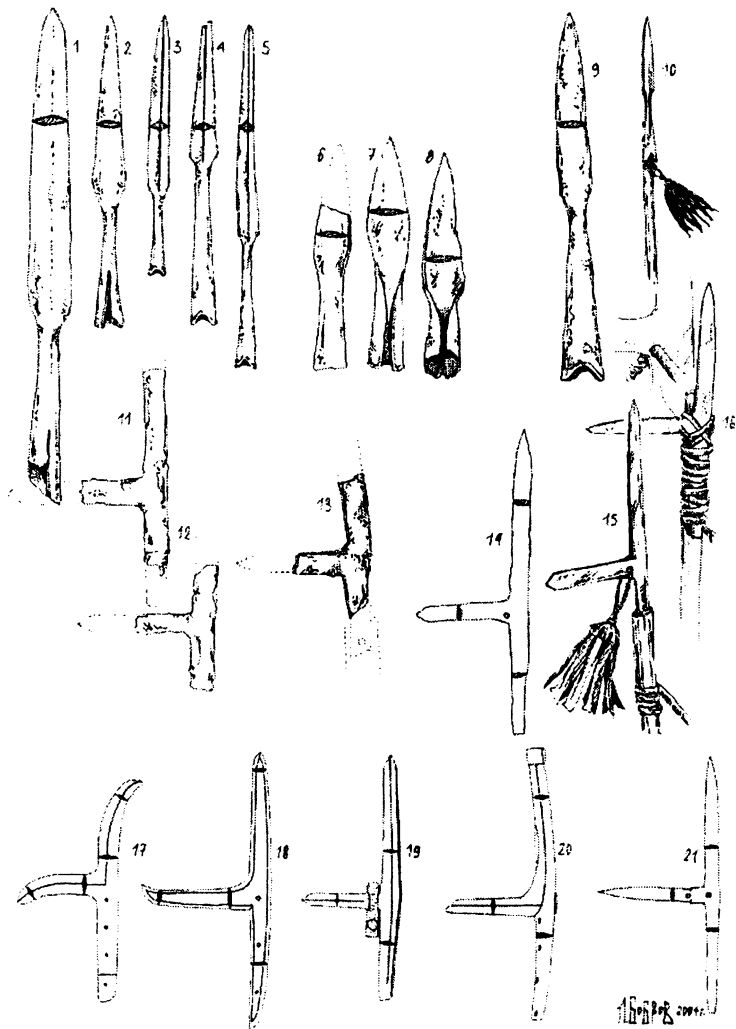

Рис. 3. Накладки на лук, наконечники, колчаны, налучи и изображения лучников I–VI вв. 1–10 – костяные накладки на лук из сяньбийских погребений Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии II–III вв. н. э. 11–20, 24–29 – металлические наконечники стрел из сяньбийских погребений Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии II–III вв. н. э. 21–23, 30–44 – Металлические наконечники стрел из погребений Северного Китая III–V вв. 45, 49, 50 – пещера 285, Дуньхуан, 538–539 гг.; 46 – изображение колчана с «императорского трона Бэй Чжоу», пр. Шэньси, вторая половина VI в. 47, 48 – Северный Китай, V в. (Тоба Вэй). 51. Северный Китай, вторая половина V в. (Тоба Вэй). 52 – Пещера 285, Дуньхуан, 538–539 гг. (Западная Вэй). 53 – Юньганский комплекс, пр. Шаньси, вторая половина V в. (Тоба Вэй). 54 – Пр. Шэньси, V в. (музей г. Сиань, КНР). 55 – Изображение «северного варвара», пр. Хэнань, I–III вв. 56 – «Императорский трон Бэй Чжоу», пр. Шэньси, вторая половина VI в. 57 – «История 500 будд», Дуньхуан, первая половина VI в. (Западная Вэй). 58–59 – Пещера 249, Дуньхуан, первая половина VI в. (Западная Вэй). 60 – гробница полководца Лоу Жуня, вторая половина VI в. (Бэй Ци). 61 – Северный Китай, V в.

Рис. 4. Копья и наконечники «шзи» с территории Северного и Центрального Китая эпохи древности и раннего средневековья

1-8 – железные наконечники копий из сяньбийских погребений Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии II-III вв. н. э.; 9 – наконечник копья из погребения с территории Северного Китая, вторая половина III – первая половина IV вв.; 10 – реконструкция копья из погребения с территории Северного Китая, вторая половина III – первая половина IV вв.; 11-14 – наконечники двузубцев «шзи», пр. Цзянсу, III-IV вв.; 15, 16 – варианты реконструкции двузубца «шзи» на древке; 17-21 – наконечники «шзи» эпохи Цинь и Хань

Издательство 2004

Рис. 5. Изображения древкового, древкового комбинированного и ударного оружия, символов власти военачальников и императоров: копья (1, 2, 6, 15-16, 18-19, 26, 32, 37-42), двузубцы «ши» (3-5, 7-14, 20, 27-30, 33-36, 43-48), трезубцы (31), топоры (22-25), бунчуки (17, 21), зонты (50-51, 54-55), «значки» (49, 52, 56-57), опахала (53) 1-2, 3-14 - Изображения

копий и двузубцев «цзи» с гравюр и барельефов ханьского времени, Северный и Центральный Китай. 15-17 - С западно-цзиньской миниатюры «Выезд знати на воинские учения», Северный Китай, вторая половина III - начало IV вв. 18-19, 21-25 - Гробница в Инань, пр. Шаньдун, конец III - начало IV вв. 20. Пр. Шэньси, IV в. 26 - «Императорский трон Бэй Чжоу», пр. Шэньси, вторая половина VI в. 27-28 - Рисунок на ткани, дер. Жешуй, уезд Дулань, пр. Цинхай, V - начало VI вв. (Тоба Вэй). 29 - Северный Китай, VI в. (Тоба Вэй). 30 - Юньганский комплекс, пр. Шаньси, вторая половина V в. (Тоба Вэй). 31 - Пр. Шэньси, V в. (Тоба Вэй). 32 - Пр. Шаньси, конец V в. (Тоба Вэй). 33-35 - Пр. Шэньси, V - начало VI вв. 36 - Южный Китай, IV - начало V вв. (Восточная Цзинь). 39-40, 44 - Пещера 285, Дуньхуан 538-539 гг. (Западная Вэй). 41-43, 46-48 - Северный Китай, VI в. 45 - Дуньхуан, первая половина VI в. 55, 56 - Пр. Шэньси, первая треть VI в. (Тоба Вэй). 49, 50-51 - Северный Китай, V-VI вв. 53-54, 57 - Пр. Хэнань, конец VI - VII вв.

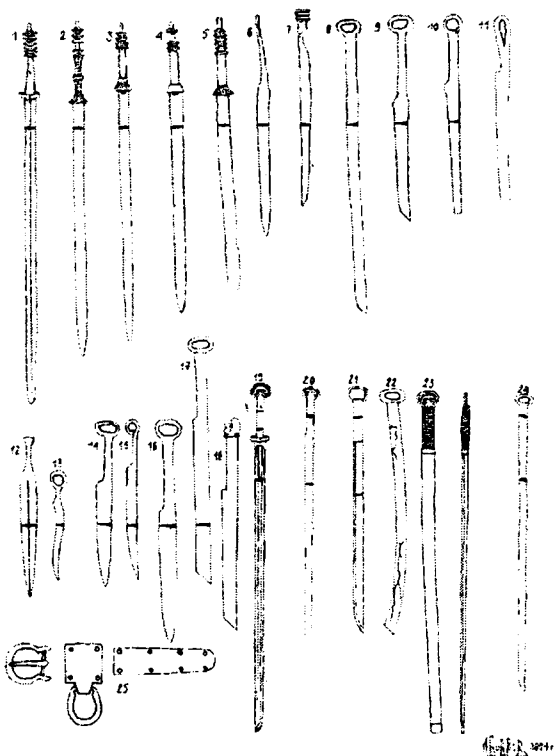
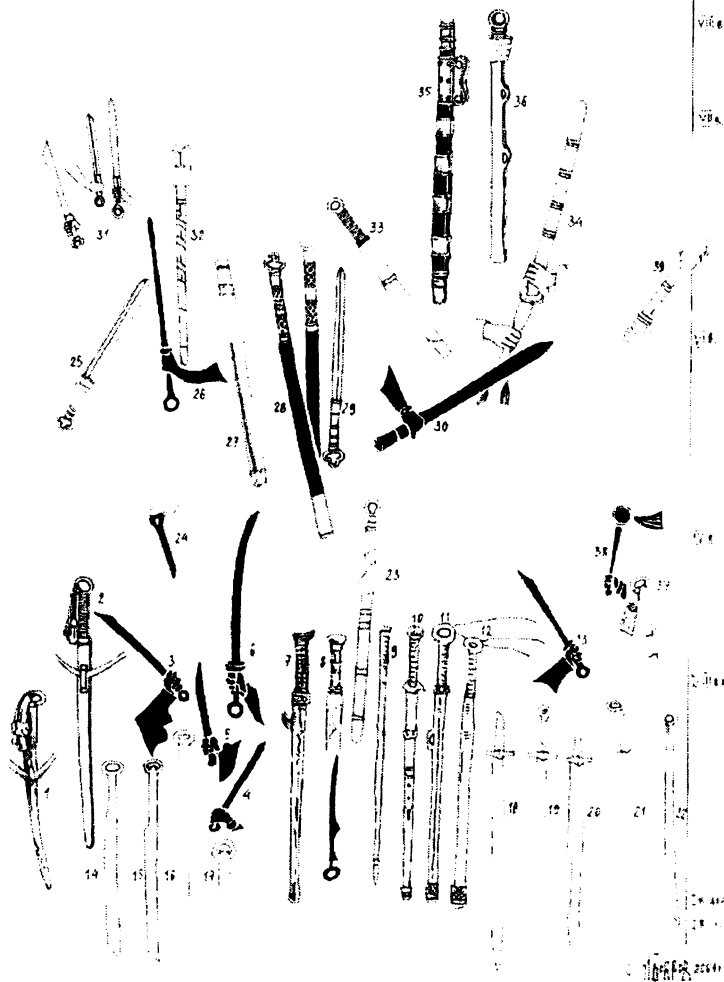

Рис. 6. Клинковое оружие II-V вв.: мечи (1-5, 23), палаши (6-11, 17-21, 24), сабли (2), кинжалы (12, 14-16), ножи (13). Пряжки и накладки на пояс с кольцом для подвешивания клинкового оружия (25)

10, 12-15 - Клинки из сяньбийских погребений Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии II-III вв. н. э.; 11 - Дуньхуан, вторая половина III - начало IV вв.; 16. Пр. Шэньси, V в.; 17-18 - Пр. Хэси, конец IV - начало V вв. (Северная Лян); 19-21, 23-24 - Из северо-китайских погребений III-IV вв.; 22 - Пр. Ганьсу, конец IV - начало VI вв. (Тоба Вэй); 25 - Пр. Шаньси, конец IV - начало VI вв. (Тоба Вэй).

Рис. 7. Клинковое оружие из погребений (14–17, 18–22) и по материалам китайской иконографии III в. до н. э. – VII в. н. э.

1, 2 – Погребение Лэшаня, пр. Сычуань, I–III вв. н. э. 3–13 – Изображения клинкового оружия по миниаторам эпохи династии Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.). 14–17 – Пр. Ганьсу, I–III вв. н. э. 18–22 – Пр. Шэньси, I–III вв. н. э. 23 – Чанша, пр. Хунань, 302 г. 24 – Гробница Хо Чэнсы, пр. Юньнань, 376–396 гг. 25–30 – Северный Китай, VI в. (Тоба Вэй). 31 – Пещера 285, Дуньхуань, 538–539 гг. 32–33 – Южный Китай, VI в. 34 – Гробница Ли Сяня и его жены, 557–581 гг. 35–36 – Северный Китай, конец VI – начало VII вв. (династия Суй). 37 – Северный Китай, конец III – начало IV вв. 38 – Гробница в Инань, пр. Шаньдун, конец III – начало IV вв.

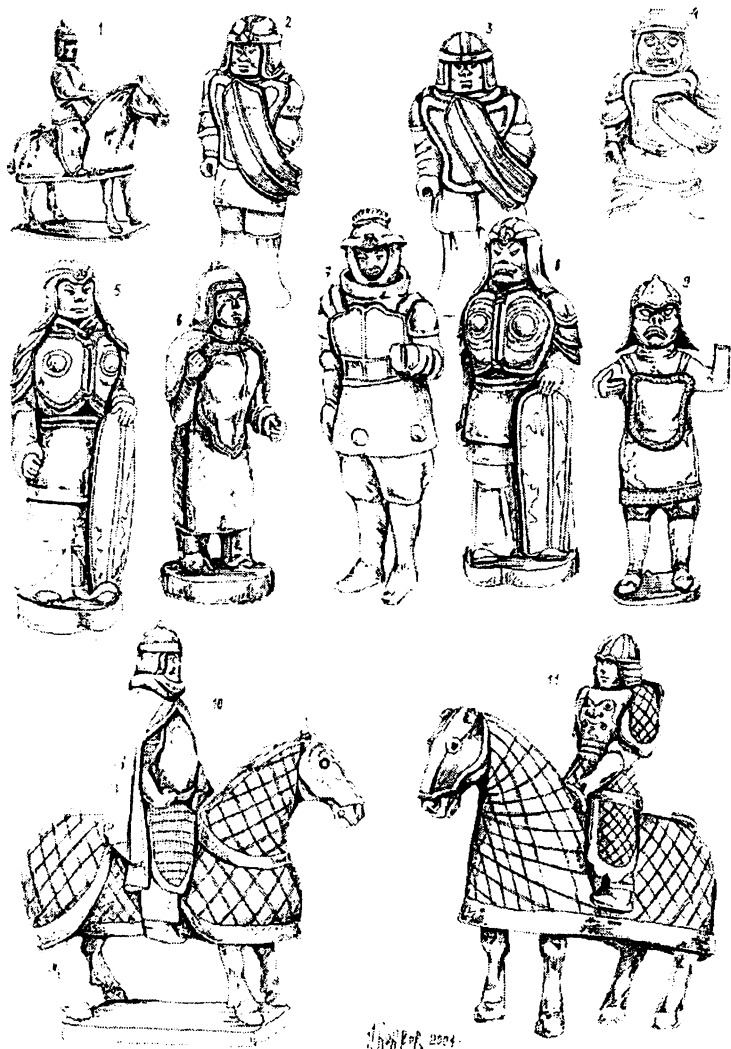

Рис. 8. Изображения воинов в гомогенных створчатых кирасах и шлемах IV–VI вв.
 1, 3, 8, 10 – Северный Китай, V – начало VI вв.; 2–4 – Пр. Шэньси, вторая половина V – первая
 половина VI вв. (музей г. Сиань, КНР); 6, 9 – Северный Китай, конец IV – V вв.; 7 – Пр. Шэньси,
 V – первая половина VI вв. (музей г. Сиань, КНР); 11 – Уезд Вансянь, пр. Сычуань, 503 г.

Рис. 9. Изображения воинов в гомогенных створчатых кирасах и комбинированных доспехах V–VI вв.

1, 5 – Погребение Фань Цзу близ Аньяна, пр. Хэнань, середина VI в. (Восточная Вэй).

2–3 – Гробница Хань И, Байгуй, уезд Цицзянь, пр. Шаньси, 550–577 гг. (Бэй Ци).

4, 6–9 – Северный Китай, конец V – первая половина VI вв.

А. П. С. П. 2024.

Рис. 10. Изображения воинов в гомогенных створчатых кирасах (рис. 1–6); «мягких» панцирях из органических материалов (7–12) и шлемах V–VI вв.

1–3 – Северный Китай, VI в.; 4 – Гробница Ли Сяня и его жены, 557–581 гг.; 5 – Северный Китай, вторая половина V – первая половина VI вв. (Тоба Вэй); 6 – Пр. Шаньси, вторая половина VI в. (Бэй Ци); 8–10, 12 – Пр. Шэньси, VI в. (музей г. Сиань, КНР); 11. Гробница Хань И, Байгуй, уезд Цисянь, пр. Шаньси, 550–577 гг. (Бэй Ци);

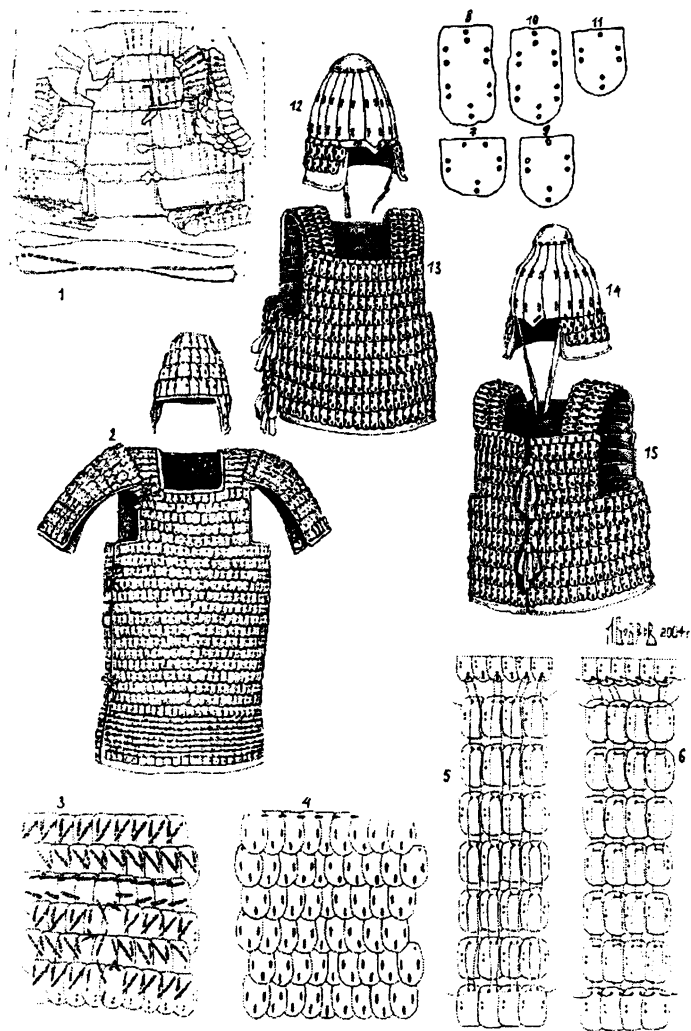
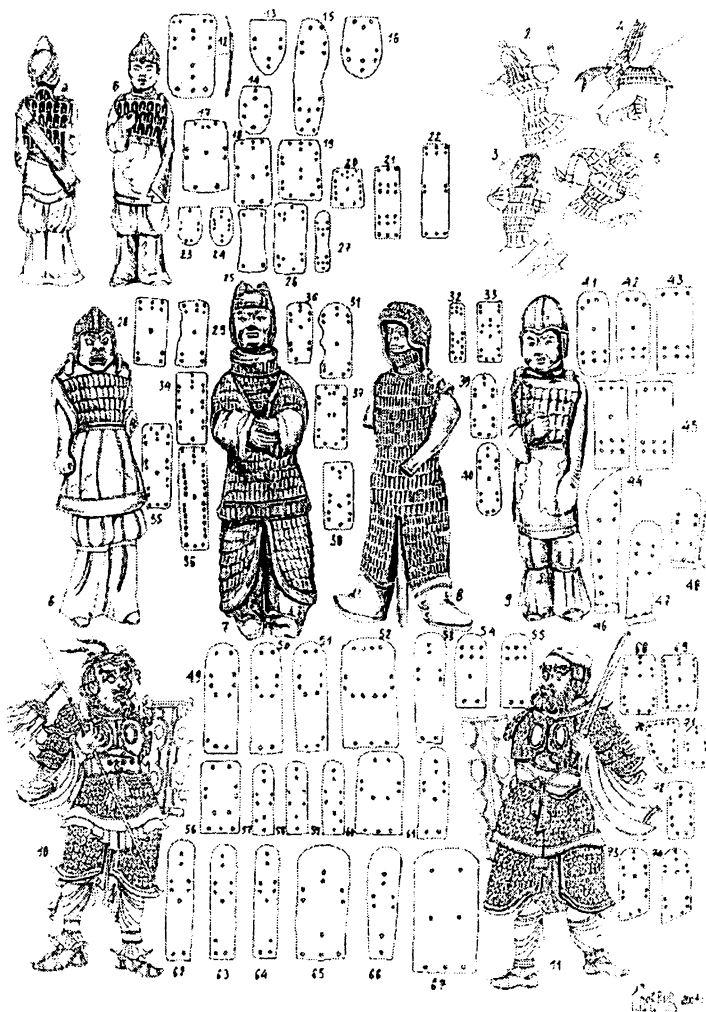

Рис. 11. Ламеллярные китайские и сяньбийские панцири III в. до н. э. – III в. н. э.

1 – Ламеллярный ханьский панцирь из городища Эршицзяцзу; 2 – Реконструкция ханьского ламеллярного доспеха периода Западная Хань (266 г. до н. э. – 9 г. н. э.); 3–6 – Варианты соединения пластин в ханьских панцирях III в. до н. э. – III в. н. э.; 12, 14 – Шлемы из сяньбийского могильника Лаохэцзнь, II–III вв. (погребения № 67, 56); 13, 15 – Варианты реконструкции ламеллярного панциря из сяньбийского могильника Лаохэцзнь, II–III вв. (погребение № 67); 7–11 – Разновидности ламеллярных пластинок от панцирей и бармиц шлемов III могильника Лаохэцзнь.

12. Терракотовые статуэтки тяжелооруженных всадников в ламеллярных доспехах из пр. Шэньси конца IV – первой половины V вв. (династия Тоба Вэй) и реконструкция комплекса вооружения тобасских воинов этого периода пр. Шэньси, IV–V вв.; 4–5 – Реконструкция комплекса вооружения конных табгачских воинов конца IV – первой половины V вв.

Рис. 13. Изображения воинов в ламеллярных панцирях из Северного Китая и Южной Сибири IV–VI вв. и пластины ламеллярных доспехов с территорий, населенных народами, воспринявших военные традиции сяньби (без масштаба)

1 – Северный Китай, IV–V вв.; 2–5 – Склеп 1, могильник Тепсей III, Минусинская котловина, конец III – начало VI вв. (рис. 4 с планки №3); 6, 8, 9 – Северный Китай, V в.; 7 – Погребение 1, Цаоханьпо, пр. Шэньси, конец IV в.; 10, 11 – Северный Китай, начало VI в. (Тоба Вэй); 12 – Погребение Фэн Суфо, Сигуаньинцзы, уезд Бэйпяо, пр. Ляонин, первая половина V в.; 13 – Лаохэшэнь, уезд Юйшу, пр. Цзилинь (Южная Маньчжурия), II–III вв.; 15–16 – Курган БТ 59–5, Бай-Тал, Тува, III–V вв.; 17–40. Горный Алтай, IV – начало VI вв.; 41–74. Северный Китай, IV–VI вв.

Рис. 14. Изображения воинов в ламеллярных панцирях с территории Северного (рис. 1-3, 6, 8-14, 16), Южного (рис. 5, 15) Китая и Кореи (рис. 4) IV-VI вв.

1, 2 - Сяойгуан, пр. Ганьсу, III-IV вв.; 3 - Пр. Шэньси, конец V в.; 4 - Тунгоу, Когуре, конец IV - начало V вв.; 5, 15 - Даньян, VI в.; 6 - Шэньси, IV-V вв.; 7 - Гробница Хо Чэнсы, пр. Юньнань, 376-396 гг.; 8, 12-13 - Пр. Шэньси, вторая половина V - начало VI вв. (музей г. Сиань, КНР); 9, 14 - Северный Китай, конец IV-V вв.; 10-11 - Юньганский комплекс, пр. Шаньси, вторая половина V в. (Тоба Вэй); 16 - Пещера 127 скального монастыря Майцзышань, V-VI вв.

Рис. 15. Изображения воинов в ламеллярных панцирях с территории Северного Китая VI в.

1, 2, 6 – Гробница Ли Хэ, Шуан Шэнцунь, уезд Саньюань, пр. Шэньси, 80-е гг. VI в.; 3, 13 – Гробница Ли Сяня и его жены, Дичжанвань, г. Санъян, 572 г.; 4 – Гробница Ли Сяньфу, Нинфа, вторая половина VI в. (Бэй Чжоу); 5 – Северо-Восточный Китай, вторая половина VI в. (Бэй Ци); 7 – Пешера 285, Дуньхуан 538–539 гг. (Западная Вэй); 8 – Пр. Шэньси, первая половина VI в.; 9–11 – Пр. Шэньси, вторая половина VI в. (Бэй Чжоу); 12, 19 – Хаоян, пр. Аньхой, вторая половина VI в.; 14 – Гробница полководца Лоу Жуй, 577 г. (Бэй Ци); 15–18 – Северный Китай, V – начало VI вв.;

Рис. 16. Изображения воинов в «мягких» панцирях из органических материалов и комбинированных доспехах с территории Северного Китая IV–VI вв.
 1–2, 4–5, 8 – Северный Китай, конец IV – начало VI вв.; 3 – Пр. Шэньси, V в. (музей г. Сиань, КНР); 6 – Северный Китай, IV в.; 7 – Гробница полководца Лоу Жужа, 577 г. (Бэй Ци);
 9–11 – Северный Китай, V – первая половина VI вв.

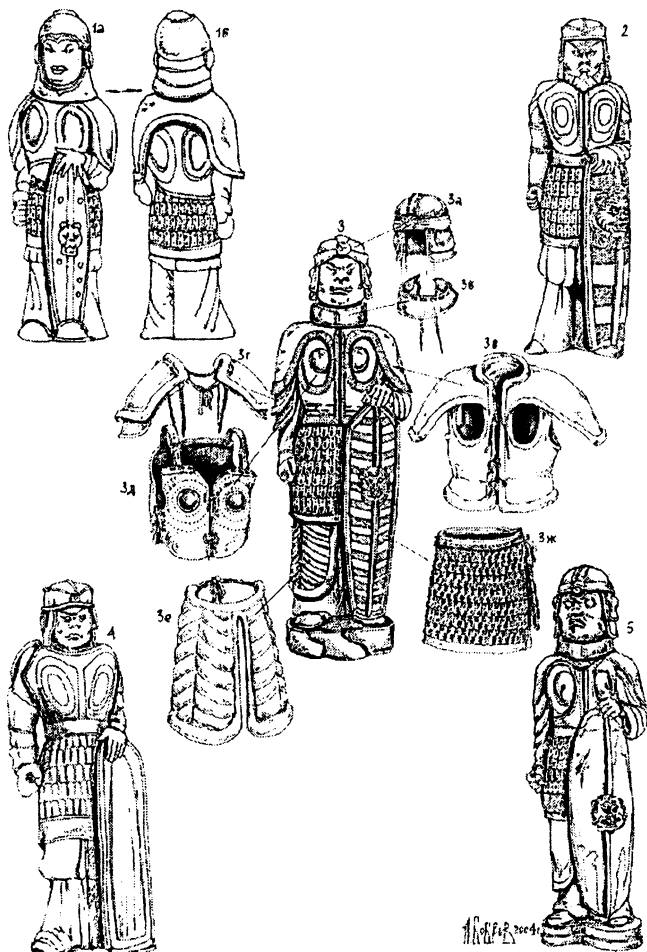

Рис. 17. Изображения воинов в комбинированных доспехах, реконструкция элементов комбинированного доспеха конца V – первой половины VI вв.

1 – Северо-Восточный Китай, вторая половина VI в. (Бэй Ци).

2 – Северо-Западный Китай, вторая половина VI в. (Бэй Чжоу). Музей г. Канзас, США.

3 – Северный Китай, первая половина VI в. (а – каркасный кожаный шлем с двойной бармицей, наушами и чалмой; б – стоячий воротник из толстой кожи; в – стеганая на вате куртка с наплечниками, сплошным осевым разрезом и нагрудными вырезами; г – двойные наплечники; д – створчатая кожаная кираса с металлическими зеркалами; е – стеганые на вате набеленники; ж – ламеллярная «юбка»); 4 – Пр. Хэнань, конец V – первая половина VI в.; 5 – Погребение Фань Цзу близ Аньяна, пр. Хэнань, середина VI в. (Восточная Вэй). Столичный музеев пр. Хэнань, КНР.

Г. И. Б. 2004 г.

Рис. 18. Реконструкция покроя корпусного защитного вооружения воинов сянь-бийских государств Северного Китая IV–VI вв.

1 – Створчатая кираса из толстой твердой кожи (IV–VI вв.); 2 – Створчатая кираса из толстой твердой кожи с длинным нижним краем (IV–V вв.); 3 – Створчатая кираса военного чиновника, покрытая лаком, снабженная красным кантом по периметру (конец V – VI вв.); 4 – Многочастная (трехчастная) кираса из твердой толстой кожи, усиленная металлическими умбонами (IV–VI вв.); 5 – Панцирный комплект, состоящий из короткой многочастной кирасы, нагрудника, усиленной умбонами, и широкого кожаного пояса с металлическими накладками (конец V – VI вв.); 6 – Ламеллярное «пончо» (конец IV – первая половина V вв.); 7 – Ламеллярный многочастный нагрудник с зеркалами (конец V – VI вв.); 8 – Ламеллярная створчатая кираса (IV–VI вв.); 9 – Ламеллярная створчатая кираса с панцирным сегментом для прикрытия шеи и затылка (вторая половина IV – начало VI вв.); 10 – Ламеллярная катафракта (V–VI вв.); 11 – Ламеллярная юбка (IV – начало VI вв.); 12 – Ламеллярное ожерелье (VI в.); 13 – Ламеллярные набедренники (IV–VI вв.); 14 – Ламеллярная кираса с длинным нижним краем (IV–V вв.); 15 – Ламеллярный «схалат» с наплечниками и пластинчатым воротником (вторая половина IV – VI вв.); 16 – Ламинарный доспех, состоящий из кирасы с панцирным сегментом для прикрытия шеи и затылка, наплечников и набедренников (V–VI вв.); 17 – Ламеллярные наручи (вторая половина VI в.); 18 – Комбинированный доспех, состоящий из пластинчатого воротника, ламеллярной кирасы, наплечников, юбки и ламинарных набедренников (V – начало VI вв.).

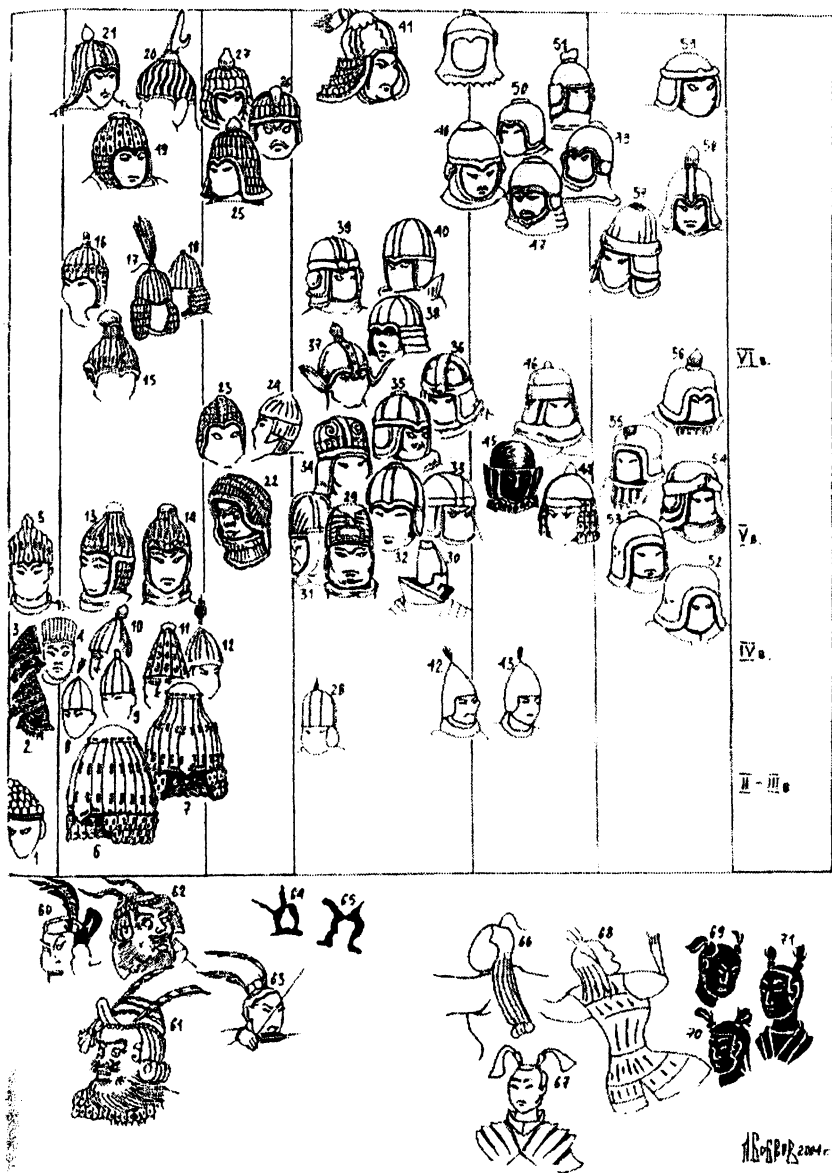

Рис. 19. Шлемы с территории Маньчжурии и сяньбийских государств Северного Китая II–VI вв., прически и головные уборы «северных варваров» II–VI вв.

1 – Пр. Хэнань, II–III вв.; 2–3 – Гробница в Инань, пр. Шаньдун, конец III – начало IV вв.; 4 – С изображения «северного варвара» на крышке кувшина эпохи Западная Цзинь, IV в.; 5 – Северный Китай, IV–V вв.; 6, 7 – Шлемы из сяньбийского могильника Лаохэшэнь (погребение № 67, 56); 8, 9 – Сяюйгуан, пр. Ганьсу, III–IV вв.; 10, 11 – «Северные варвары» (?), Чанша, пр. Хунань, конец III – начало IV вв.; 12, 42–43 – С западно-цзиньской миниатюры «Выезд знати на воинские учения», Северный Китай, вторая половина III – начало IV вв.; 13, 14 – Пр. Шэньси, IV–V вв.; 15, 16 – Северный Китай, VI в.; 17, 18 – Пещера 285, Дуньхуан 538–539 гг. (Западная Вэй); 19 – Гробница Ли Сяньфу, Нинфа, вторая половина VI в. (Бэй Чжоу); 20. Шэньси, вторая половина VI в. (Бэй Ци); 21 – Гробница Ли Хэ, Шуан Шэньцунь, уезд Саньюань, пр. Шэньси, 80-е гг. VI в.; 22, 23 – Северный Китай, V в.; 24, 68 – Склеп 1, могильник Телсей III, Минусинская котловина, конец III – начало VI вв.; 25 – Пр. Шэньси, вторая половина VI в. (Бэй Чжоу); 26 – Северный Китай, VI в.; 26 – Гробница Ли Сяня и его жены, Дичжанвань, г. Санъян, 572 г.; 27 – Цзюйгуань, пр. Ганьсу, конец III – IV вв.; 28 – Погребение 1, Цаоханьпо, пр. Шэньси, конец IV в.; 29 – Тунгоу, Когуре, конец IV – начало V вв.; 30 – Пр. Шэньси, V в. (музей г. Сиань, КНР); 31 – Северный Китай, V в.; 32 – Пр. Шэньси, V в. (музей г. Сиань, КНР); 34–37, 44 – Северный Китай, V – начало VI вв.; 38 – Уезд Вансянь, пр. Сычуань, 503 г.; 39–40 – Пр. Шэньси, VI в.; 41 – Гробница полководца Лоу Жуня, 577 г. (Бэй Ци); 45 – Пр. Шэньси, конец V в.; 46 – Северный Китай, V – начало VI вв.; 47 – Северо-Восточный Китай, вторая половина VI в. (Бэй Ци); 48, 49 – Гробница Хань И, Байгуй, уезд Цисянь, пр. Шаньси, 550–577 гг. (Бэй Ци); 50 – Северо-Восточный Китай, вторая половина VI в. (Бэй Ци); 51 – Погребение Фань Цзу близ Аньяна, пр. Хэнань, середина VI в. (Восточная Вэй); 52 – Северный Китай, IV в.; 53 – Северный Китай, конец IV – V вв.; 54 – Северный Китай, конец IV – начало VI вв.; 55, 56 – Пр. Шэньси, вторая половина V – начало VI вв. (музей г. Сиань, КНР); 57 – Погребение Фань Цзу близ Аньяна, пр. Хэнань, середина VI в. (Восточная Вэй); 58 – Пр. Шэньси, первая половина VI в.; 59 – Северный Китай, вторая половина VI в.; 60 – Изображение «северного варвара», пр. Хэнань, I III вв.; 61, 62 – Северный Китай, начало VI в. (Тоба Вэй); 63 – «История 500 будд», Дуньхуан, первая половина VI в. (Западная Вэй); 64, 65 – Изображение тяжелооруженных конных воинов с горы Хар-Хад, Гобийский Алтай, V – начало VI вв.; 66 – Пещера 249, Дуньхуан, первая половина VI в. (Западная Вэй); 67 – Пр. Хэнань, V–VI вв.; 69–71 – С тобасской гравюры «Посещение императором буддийского монастыря», Северный Китай, первая треть VI в.

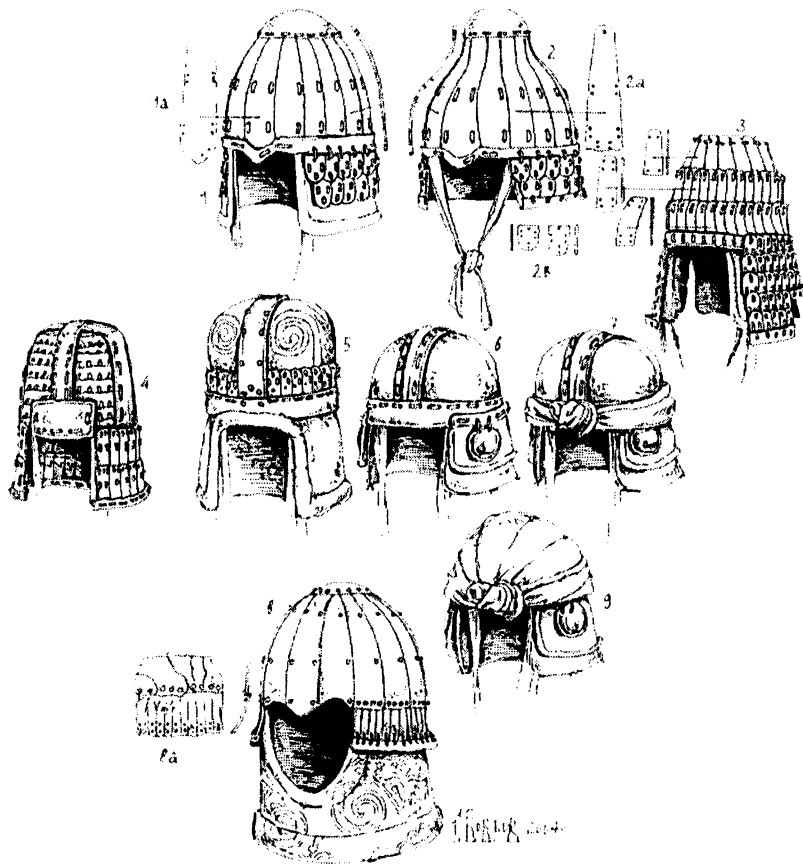
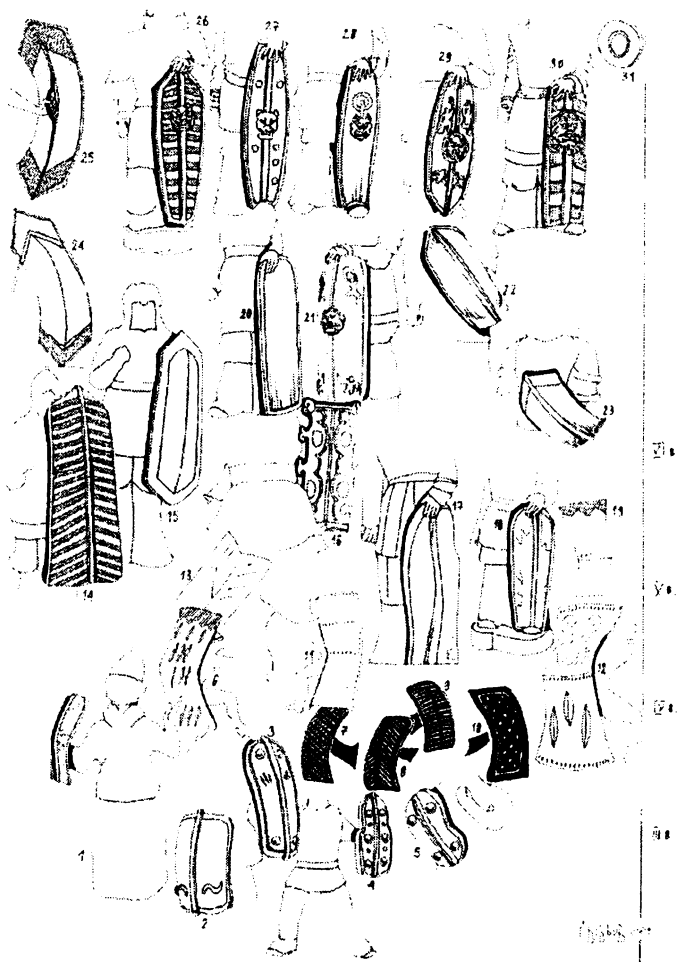

Рис. 20. Реконструкция шлемов и бармиц Северного Китая и сопредельных территорий II–VI вв.

1 – Реконструкция сяньбийского узкопластинчатого шлема с ремненным соединением и ламеллярной бармицей II–III вв. из погребения №67 могильника Лаохэшэнь; 2 – Реконструкция сяньбийского узкопластинчатого шлема с ремненным соединением и ламеллярной бармицей II–III вв. из погребения №56 могильника Лаохэшэнь; 3 – Реконструкция ламеллярного шлема с бармицей из памятника Троицкий Елбан-1, Лесостепной Алтай, V в.; 4 – Реконструкция сяньбийского каркасного шлема конца IV в. с цилиндрической тульей, ламеллярной бармицей и налобной пластиной (по иконографическим материалам из погребения 1, Цаоханьпо, пр. Шэньси); 5 – Реконструкция сяньбийского каркасного шлема V в. с цилиндрической тульей из толстой твердой кожи и бармицей из мягкого органического материала (по иконографическим материалам Северного Китая V в.); 6–7, 9 – Реконструкция вэйских пехотных каркасных шлемов второй половины V – VI вв. с двойной бармицей и металлическими наушами: 6 – с платком, завязанным жгутом (чалмой); 7 – с платком, завязанным жгутом (чалмой); 9 – платком покрыта вся поверхность тульи шлема (по иконографическим материалам второй половины V – VI вв.); 8 – Реконструкция клепаного полусферического шлема с ламеллярным назатыльником и мягкой органической бармицей из памятника Мендур-Соккон-1, Горный Алтай, VI в.

Рис. 21. Изображения шитов Северного Китая и сопредельных территорий III–VI вв.
 1, 5 – «Северные варвары» (?), Чанша, пр. Хунань, конец III – начало IV вв.; 1 – Чанша, пр. Хунань, 302 г.; 2 – Район Наикина, пр. Цзянсу, IV в.; 3 – Южный Китай (династия Западная Цзинь, вторая половина III – начало IV вв.); 6, 11–13, 19. Склеп 1, могильник Телсей III. Минусинская котловина, конец III – начало VI вв.; 7–10 – Гробница в Инань, пр. Шаньдун, конец III – начало IV вв.; 14, 15, 17–18 – Северный Китай, конец IV – начало VI вв.; 16 – Северный Китай, начало VI в. (Тоба Вэй); 20 – Пр. Хэнань, конец V – первая половина VI вв.; 21, 23 – Северный Китай, V – первая половина VI вв.; 22 – Пр. Шэньси, VI в. (музей г. Сиань, КНР); 24, 25 – Пещера 285, Дуньхуан 538–539 гг.; 26 – Северный Китай, первая половина VI в.; 27 – Северо-Восточный Китай, вторая половина VI в. (Бэй Ци); 28 – Гробница Хань И, Байгуй, уезд Цисянь, пр. Шаньси, 550–577 гг. (Бэй Ци); 29 – Пр. Шаньси, вторая половина VI в. (Бэй Ци); 30 – Северо-Западный Китай, вторая половина VI в. (Бэй Чжоу). Музей г. Канзас, США; 31 – Погребение Фань Цзу близ Аньяна, пр. Хэнань, середина VI в. (Восточная Вэй).

Рис. 22. Сяньбийский доспех IV–VI вв.

1 – Покрой китайского (циньского) конского стеганого доспеха начала IV в. (по иконографическим материалам Чанша); 2 – Покрой северокитайского (сяньбийского) ламеллярного конского доспеха второй половины IV в. (по иконографическим материалам Северного Китая); 3 – Покрой северокитайского (сяньбийского) конского стеганого доспеха V в. (по иконографическим материалам Северного Китая); 4 – Покрой сяньбийского конского доспеха «Цзюйчжуан» («цзюйчжуанкуй») второй половины IV – VI вв.: а – маска («мяньлянь»); б – нашейник («цишзин», досл. «куриная шея»); в – нагрудник («дансюн»); г – боковины («шзя»); д – накрупник («хоу»); е – втулка для плюмажа («ци»); ж – седло («ань»); 5 – Парадный сяньбийский конский налобник II–III вв. из могильника Лаохэшэнь (погребение 97); 6 – Парадный сяньбийский конский налобник II–III вв. из могильника Лаохэшэнь (погребение 44); 7 – Парадный конский налобник, Аньян, начало IV в.; 8 – Покрой северокитайского (сяньбийского) войлочного конского доспеха второй половины V – VI вв. (по иконографическим материалам Северного Китая); 9 – Северокитайский (сяньбийский) ламеллярный конский доспех середины – второй половины VI вв., покрытый леопардовыми шкурами (по иконографическим материалам Северного Китая); 10 – Дунчэн, уезд Цюсинь, пр. Хэбэй, 534–550 гг.

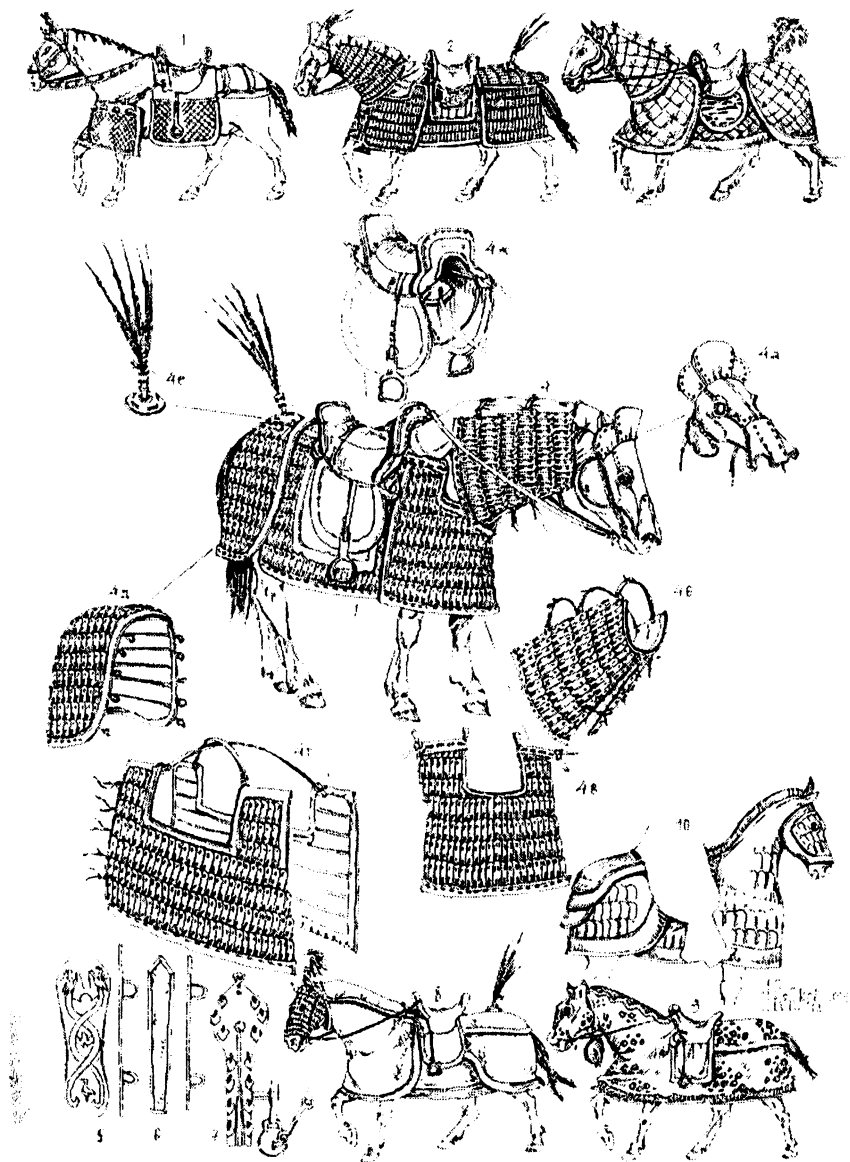

Рис. 23. Эволюция сяньбийского (северокитайского) конского доспеха во II–VI вв. н. э.

Рис. 24. Изображения воинов империи Суй (581–618 гг.)

Рис. 25. Изображение сцены битвы из Пещеры 285, Дуньхуан 538–539 гг.
(фрагмент)

1 – Изображение сцены битвы из Пещеры 285, Дуньхуан 538–539 гг. (фрагмент);
2 – Реконструкция

Рис. 26. Реконструкция битвы середины V в. с участие тяжеловооруженной тобасской конницы

Рис. 27. Отряд Эрчжу Жуна перед атакой (528 г.), правый фланг

Рис. 27а. Отряд Эрчжу Жуна перед атакой (528 г.), левый фланг

Примечания

1. *Бобров Л. А.* Защитное вооружение кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего средневековья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Материалы РАЭСК-2000. Т. 3. Новосибирск, 2000.

2. *Бобров Л. А.* Вооружение и тактика восточных и западных монголов в эпоху позднего средневековья (XVII в.) // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001.

3. *Бобров Л. А.* Защитное вооружение енисейских кыргызов IX–XVII вв. // Военное дело на Дальнем Востоке. Специальный выпуск журнала Para-Bellum. СПб., 2001.

4. *Бобров Л. А.* О путях «вестернизации» азиатского доспеха в Позднем Средневековье и в Новое время (XV–XVIII вв.) // Вестник НГУ. Т. 2. Новосибирск, 2003.

5. *Бобров Л. А.* Латники «Золотой империи» (защитное вооружение чжурчжэней XI – первой четверти XIII вв.) // Para-Bellum. СПб., 2003. №3. №4. 2004. №1.

6. *Бобров Л. А.* Ответный удар (этапы «вестернизации» доспеха Передней, Средней и Центральной Азии в эпоху Позднего Средневековья и Нового времени) // Para-Bellum. СПб., 2004. №2.

7. *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Использование панцирей, изготовленных из органических материалов, войнами государств Центральной, Средней и Восточной Азии в периоды Позднего Средневековья и Нового времени // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003.

8. *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого и позднего средневековья и нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии эпохи позднего средневековья. Новосибирск, 2003.

9. *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Особенности этнокультурного взаимодействия в военной области русских с народами Восточной Сибири // Материалы конференции: Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. М., 2004 (в печати).

10. *Бичурин Н. Я.* История Тибета и Хухунора с 2282 г. до Р. Х. до 1227 по Р. Х. СПб., 1833.

11. *Бичурин Н. Я.* Статистическое описание Китайской империи. Пекин, 1910.

12. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М., Л., 1950.

13. *Бичурин Н. Я.* Китай, его жители, нравы, обычаи: Одежда китайцев // Все о Китае. М., 2001.

14. *Воробьев М. В.* Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия с древнейших времен до IX в. включительно. Владивосток, 1994.

15. *Горбунов В. В.* Оборонительное вооружение населения лесостепного и горного Алтая в III–XIV вв. // Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000.
16. *Горбунов В. В.* Комплексы оборонительного вооружения средневековых кочевников Алтая // Мир Центральной Азии. Т. I. Улан-Удэ, 2002.
17. *Горбунов В. В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003.
18. *Горелик М. В.* Основные этапы развития военного дела кочевников Евразии в Древности и Средневековье // Историко-культурные контакты народов Алтайской языковой общности. Тезисы докладов XXIX Сессии постоянной международной алтаистической конференции. М., Ташкент, 1986.
19. *Горелик М. В.* Сакский доспех // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
20. *Горелик М. В.* Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV вв.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987.
21. *Горелик М. В.* Оружие Древнего Востока. М., 1993.
22. *Горелик М. В.* Защитное вооружение степной зоны Евразии и прилегающих к ней территорий в I тыс. н. э. // Военное дело населения юга Сибири и дальнего Востока. Новосибирск, 1993.
23. *Горелик М. В.* Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и в раннем средневековье. М., 1995.
24. *Горелик М. В.* Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М., 2002.
25. *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926.
26. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1993.
27. *Гумилев Л. Н.* Хунны в Китае. М., 1994.
28. *Гумилев Л. Н.* История народа хунну. Кн.1. М., 2002.
29. *Ковычев Е. В., Яремчук О. А.* Погребальный обряд могильника Зогол-1 // Наследие древних и средневековых культур Северной и Центральной Азии. Материалы РАЭСК. Новосибирск, 2000. Т. 3.
30. *Комиссаров С. А.* Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск, 1988.
31. *Кожанов С. Т.* Защитные доспехи эпохи Хань // Известия СО АН СССР. №14. Вып. 3. Новосибирск, 1984.
32. *Кожанов С. Т.* Некоторые вопросы организации военного дела в Китае конца I тыс. до н. э. // Китай в эпоху Древности. Новосибирск, 1990.
33. *Мэнэс Г.* О соотношении одного погребального обряда хунну и дунху в свете археологических и этнографических данных // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993.
34. *Новгородова Э. А., Горелик М. В.* Наскальные изображения воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и Античный мир. М., 1980.

35. Пинк И. Б. Организация и тактика китайских армий периода Чжоу // Военное дело на Дальнем Востоке. Специальный выпуск журнала *Paqa-Bellum*. СПб., 2001.

36. Попов И. М., Горбатов М. М. Армия Древнего Китая III в. до н. э. – III в. н. э. М., 2001.

37. Рец К. И., Юй Су-Хуа. К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия. Культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Новосибирск, 1998.

38. *Скарпари М.* Древний Китай: китайская цивилизация от неолита до эпохи Тан. М., 2003.

39. Тишкин А. А., Горбунова Т. Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья. Барнаул, 2004.

40. Худяков Ю. С. Военное дело Кореи в эпоху Раннего Средневековья. Новосибирск, 1996.

41. Худяков Ю. С. Археологические коллекции в музеях Северного Китая // Записки Восточного отделения Российского Археологического общества (ЗВОРАО). Т. 1 (26). СПб., 2002.

42. Худяков Ю. С., Бобров Л. А. Шлемы кочевников Центральной Азии в эпоху Позднего Средневековья // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 1.

43. Худяков Ю. С., Бобров Л. А. Вооружение джунгар и халха-монголов в эпоху Позднего Средневековья // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып. 1. Новосибирск, 2004.

44. Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа. Комплексы вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии №5. Горно-Алтайск, 2002.

45. *Thorp R. L.* Son of Heaven imperial Arts of China. Beijing, 1989.

46. Selected treasures of the past dynasties. The Rape gems of the new archaeological discoveries in Shaanxi province. Beijing, 2001.

47. Die wiedererwachte Terrakotta-Armee der Qin-Dynastie. Xian, 2001.

На китайском языке:

48. Большой словарь китайских культурных ценностей. Шанхай, 2002.

49. Древнекитайское оружие – коллекция рисунков. Пекин, 1990.

50. История одежды Китая. Пекин, 1999.

51. Разведка и раскопки железных панцирей и шлемов северных династий в крепости Лим Чан провинции Хэбэй // *Каогу*. 1996. №1.

52. Раскопки гробницы с фресками династии Северная Вэй в деревне Бэйчэнь, уезд Мэнцинь, г. Лоян // *Вэнь Ву*. 1995. №8.

53. Раскопки гробницы № 88M1 на кирпичном заводе в Шиэртай, Чао-ян // *Вэнь Ву*. 1997. № 11.

54. Скульптуры всадников и лошадей в доспехах времен Северных династий // *Каогу*. 1959. №2.

СЯНЬБИЙСКИЙ ДОСПЕХ*

В военной истории народов Центральной Азии, Дальнего Востока и Китая важное место занимают объединения кочевников известных под общим именем СЯНЬБИ (СЯНЬБЭЙ). Их роль в развитии военного дела стала привлекать внимание оружейников сравнительно недавно. М. В. Гореликом проанализирована серия статуэток воинов из Северного Китая датируемых IV–VI вв. и относимых к сяньби [5, с. 159]. К. И. Рец и Юй Су-Хуа воспроизведены сведения о находках доспеха в сяньбийских могильниках Иминь-II и Лаохэшэнь. Авторы дают детальное описание двух панцирей и трех шлемов из Лаохэшэнь, рассматривая варианты крепления пластин и реконструкции доспехов [6, с. 48–50]. Ю. С. Худяковым и Юй Су-Хуа охарактеризован комплекс вооружения сяньби во II–III вв. Исследователи отмечают его развитое состояние и превосходство над предшествующим хуннским комплексом вооружения в средствах ближнего боя и защиты [9, с. 37–42]. В монографии Ю.С. Худякова посвященной защитному вооружению кочевников Центральной Азии кратко повторяется характеристика боевого комплекса сяньби, обращается внимание на формирование у них отрядов тяжеловооруженной конницы и приводится графическая реконструкция сяньбийского панцирного воина II–III вв. [8, с. 65, рис. 11]. У нас имеется возможность пополнить данные о вооружении сяньби путем системного анализа их доспеха.

На территориях Южной Маньчжурии, Внутренней Монголии и Северного Китая исследовано значительное количество памятников, которые китайские археологи относят к культуре сяньби в разные периоды ее существования [3, с. 223–226, 239–241, 262–265]. Среди находок в этих памятниках нередко встречаются предметы вооружения, в том числе и защитного. Однако уровень информации о данных материалах различен, что не всегда позволяет судить о них в полной мере. Для анализа сяньбийского доспеха могут быть привлечены памятники, содержащие массовые, хорошо изданные, средства защиты, позволяющие представить их конструктивные особенности [6; 14; 15; 19; 20]. Сведения о вещественных находках доспеха дополняются изображениями воинов и боевых коней [5; 11; 16; 17; 18].

Наиболее ранним сяньбийским памятником, давшим репрезентативный материал для изучения доспеха, является могильник Лаохэшэнь открытый в Южной Маньчжурии (КНР, провинция Гирин) [14; 20]. Его находки, в меньшей или большей степени, привлекались всеми учеными, обращавшимися к вооружению сяньби [5, рис. 9, 4; 6, рис. 3, 5; 9, рис. 4, 6, 10, 14].

однако не исчерпали своих познавательных возможностей. Среди 128 сяньбийских могил исследованных на памятнике Лаохэшэнь, доспехи зафиксированы в пяти объектах. Это могила №11 – фрагмент панциря из 43 пластин [20, с. 71], могила №56 – остатки панциря, шлема и бармицы [20, с. 76, рис. 10, 10–14; 14, рис. 131; 6, рис. 4, 5, 6, 5, 3], могила №58 – пять панцирных пластин [20, с. 79, рис. 14, 8], могила №67 – остатки панциря из 330 пластин, шлема и бармицы [6, рис. 3, 4, 4, 1, 2, 5, 1], могила №97 – остатки шлема и бармицы [14, рис.128–130]. Датировки могильника Лаохэшэнь колеблются в пределах I–III вв. (наиболее, вероятен II в.), а его материалы отражают культуру сяньби раннего периода, от сокрушения державы северных хунну до начала захвата территорий Северного Китая.

Следующий по времени сяньбийский памятник, содержащий уникальные находки оборонительного вооружения – гробница № 88M1 в Шиэртай на границе Внутренней Монголии и Юго-Западной Маньчжурии (КНР, провинция Ляонин) [19]. В этом очень богатом (более трех тысяч предметов, среди которых высокохудожественные изделия из золота, серебра, позолоченной бронзы и железа) погребении обнаружен почти полный комплект доспеха тяжеловооруженного конного воина [19, с. 21–22, рис. 1]. Он включал шлем [19, рис. 6, 8], наголовье-маску коня [19, рис. 9, 10] и тысячу пластин, среди которых можно выделить бронированный воротник [19, рис. 7, 11, 7, 10], детали бармицы [19, рис. 11, 1, 2, 12, 10], панциря [19, рис. 11, 3–6, 12–11] и попоны [19, рис. 12, 1–9, 13, 1, 2]. Китайские археологи относят гробницу в Шиэртай к культуре Ранней Янь (337–370 гг.), отмечая, что в ней были похоронены представители высшей сяньбийской знати из рода Мужун (Муюн) [19, с. 32]. Следует отметить большое сходство предметов снаряжения верхового коня из Шиэртая [19, рис. 14, 27] с аналогичными изделиями в сяньбийском погребении близ Аньяна (КНР, провинция Хэнань) датированном началом IV в. [2, с. 220–221, рис. 97, 2; 5, рис. 11, 1]. Это позволяет предположить сооружение гробницы №88M1 около того же времени, возможно, в период правления Муюна Гуя (285–333 гг.) или между провозглашением державы южных сяньби (307 г.) и основанием династии Ранняя Янь (337 г.) [3, с. 228–229]. Материалы захоронения из Шиэртай в целом отражают состояние сяньбийской культуры эпохи ее расцвета (конец III – начало V вв.), когда на завоеванных территориях Северного Китая возникает целый ряд сяньбийских государств.

Еще один памятник, имеющий отношение к сяньби – это крепость Лиман, исследованная в Северо-Восточном Китае (КНР, провинция Хэбэй) [15]. Здесь был раскопан целый арсенал железных доспехов, включавший 2 шлема, 7 комплектов пластин от бармиц и 24 комплекта от панцирей, возможно, попон (опубликованы сведения о 1552 пластинах) [15, 22–35, рис. 1, 14, табл. I, II]. Многие пластины зафиксированы нагнанными в полосы, которые сложены стопками в своеобразные «гар-

мошки» [15, табл. 1, 1–4]. Вместе с двумя комплектами пластин найдены монеты, отчеканенные при династии Северная Ци в 553 г. [15, с. 25–26, рис. 3, 4–2]. Существование крепости Лим Чан китайские ученые относят к позднему этапу северных династий (439–581 гг.) [15, с. 22, 35]. В данный период крепость последовательно входила во владения сяньбийских династий Северной Вэй (386–534 гг.) и Восточной Вэй (534–550 гг.), а также их преемницы Северной Ци (550–577 гг.). Материалы из Лим Чана демонстрируют развитие доспеха в заключительный период сяньбийского культурогенеза, когда происходило интенсивное поглощение кочевнических традиций китайским социумом.

Вещественные находки оборонительного вооружения с привлечением данных изобразительных источников позволяют проанализировать основные виды сяньбийского доспеха для воинов и верховых коней: панцири, шлемы, наголовья, попоны. Самостоятельное значение имеет системный анализ защитных пластин от панцирей, попон и бармиц [4, с. 32].

Защитные пластины

Все пластины обнаруженные в сяньбийских памятниках по материалу изготовления относятся к группе железных, по структуре набора в составе доспеха к разряду ламеллярных, по направлению длинных сторон к разделу вертикальных [4, с. 33]. Система расположения крепежных отверстий и их назначение позволяют разделить пластины на отделы, их форма на типы, а количество и состав отверстий на варианты.

Отдел I. С боковыми и срединными (верхними) отверстиями. Отверстия, расположенные вдоль длинных (боковых) сторон служат для соединения пластин в полосу, а для соединения между полосами предназначены отверстия, размещенные по середине пластин у верхнего края. Подвижный способ крепления [4, с. 50].

Тип 1. Овальнопрямоугольные. Верхний край пластины закруглен, боковые стороны параллельны, а нижний край прямой. **Вариант а)** – с 6 отверстиями (рис. 1–1): четыре боковых (2 с одной и 2 с другой стороны) и два срединных. Размеры пластин 4–4,2х3,5 см. От 2 панцирей (Лаохэшэнь: № 56,58).

Отдел II. С боковыми и срединными (верхними и нижними) отверстиями. Боковые отверстия по назначению аналогичны предыдущему отделу. Для соединения между полосами предназначены отверстия по середине пластин не только у верхнего, но и у нижнего края. Жесткий способ крепления [4, С. 43].

Тип 2. Овальнопрямоугольные. **Вариант а)** – с 7 отверстиями (рис. 1 2,3; 2–4,5,11): четыре боковых (2 и 2) и три срединных (2 верхних и одно нижнее). Размеры пластин 4,4–5,8х3,2–3,6 см. От 1 панциря и 3 бармиц (Лаохэшэнь: №56,67,97). **Вариант б)** – с 12 отверстиями (рис. 1, 4): восемь

боковых (4 и 4) и четыре срединных (2 и 2). Размеры пластин 6,5–7х3,8–4 см. От 1 панциря (Лаохэшэнь: №67). **Вариант в** – с 8 отверстиями (рис. 3, 14): четыре боковых (2 и 2) и четыре срединных (2 и 2). Размеры пластин 6,8х:4 см. От 1 бармицы (Лим Чан: №7А). **Вариант г** – с 11 отверстиями (рис. 3, 17): семь боковых (3 и 4) и четыре срединных (2 и 2). Размеры пластин 7,2х5,5 см. От 1 бармицы (Лим Чан: №7А).

Тип 3. Прямоугольные. Пластина имеет форму прямоугольника. **Вариант а** – с 8 отверстиями (рис. 3, 15, 16): состав как у типа 2в. Размеры пластин 6–6,4х5,8–6,8 см. От 1 бармицы (Лим Чан: №7А).

Отдел III. С боковыми, срединными (верхними) и окантовочными (нижними) отверстиями. Отличие от предыдущего отдела заключается в том, что срединные нижние отверстия предназначены для закрепления канта. Пластины с такой системой отверстий преимущественно использовались для набора последней (нижней) полосы доспеха, но могли применяться и для скрепления между полосами жестким способом [4, с. 51].

Тип 4. Овальнопрямоугольные. **Вариант а** – с 8 отверстиями (рис. 1, 29, 31, 33, 42, 45, 59; 2, 6, 7, 12, 17, 18): четыре боковых (2 и 2), два срединных и два окантовочных. Размеры пластин 3,8–8х1,6–4,2 см. От 5 панцирей, 1 попоны и 3 бармиц (Лаохэшэнь: №67,97; Шиэрттай: №88М1; Лим Чан: №3А, 3В, 2Е, 18А, 32, 34). **Вариант б** – с 9 (10) отверстиями (рис. 2, 16; 3, 13): четыре или пять боковых (2 и 2 или 2 и 3), два срединных и три окантовочных. Размеры пластин 3,4–4,6х2,4–2,9 см. От 2 бармиц (Шиэрттай: №88М1; Лим Чан: №15). **Вариант в** – с 10 отверстиями (рис. 1, 34): четыре боковых (2 и 2), два срединных и четыре окантовочных. Размеры пластин 8,5х6 см. От 1 попоны (Лим Чан: №2Е). **Вариант г** – с 12 отверстиями (рис. 1, 32): четыре боковых (2 и 2), четыре срединных и четыре окантовочных. Размеры пластин 8,5х6 см. От 1 попоны (Лим Чан: №2Е).

Тип 5. Прямоугольные. **Вариант а** – с 9 отверстиями (рис. 3, 22): состав как у типа 4б. Размеры пластин 6,2х2,5 см. От 1 бармицы (Лим Чан: №7А).

Тип 6. Овальные. Верхний и нижний края пластины закруглены, боковые стороны параллельны или слегка выпуклы. **Вариант а** – с 8 отверстиями (рис. 3, 7): состав как у типа 4а. Размеры пластин 4,7х1,6 см. От 1 бармицы (Лим Чан: №41). **Вариант б** – с 9 отверстиями (рис. 3–9): состав как у типа 4б. Размеры пластин 4,7х1,6 см. От 1 бармицы (Лим Чан: №41).

Тип 7. Шестиугольные. Пластина имеет форму неправильного шестиугольника. **Вариант а** – с 7 отверстиями (рис. 3, 4): два боковых (на одной стороне), два срединных и три окантовочных. Размеры пластин 5,7х1,7 см. От 1 бармицы (Лим Чан: №24).

Тип 8. Овальнопрямоугольные вогнутые. Боковые стороны пластины сужены к центральной части. **Вариант а** – с 16 отверстиями (рис. 1, 9): 12 боковых (6 и 6), два срединных и два окантовочных. Размеры пластин 12,8–13х2,4–3,2 см. От 1 панциря (Шиэрттай: №88М1).

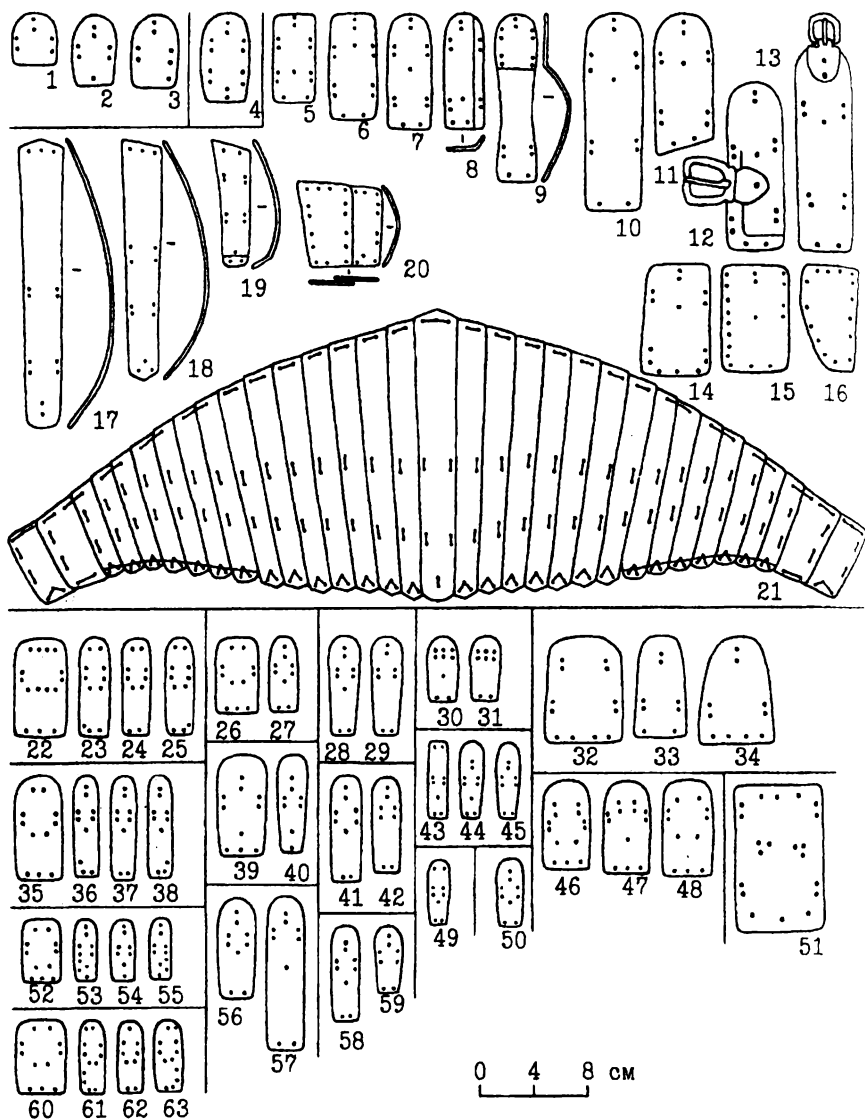
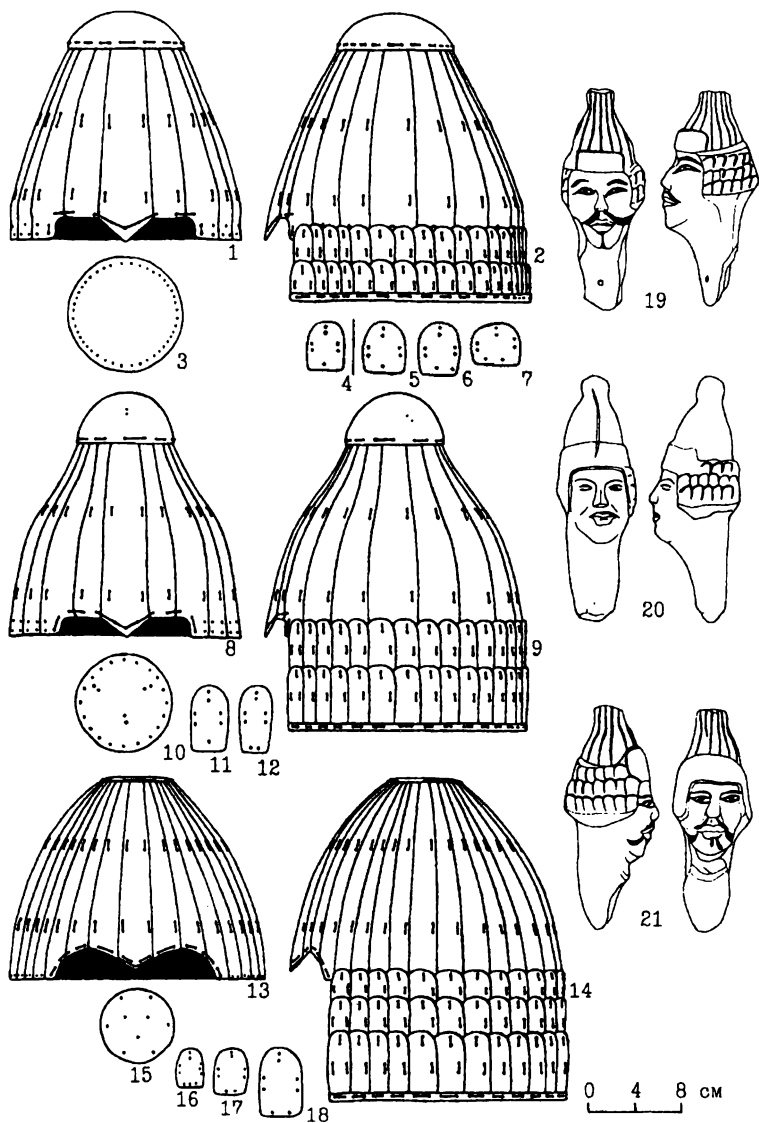

Рис. 1. Панцирные пластины из сяньбийских памятников:
 1-4 - Лаохэшэнь; 5-21 - Шиэртай; 22-63 - Лим Чан.

Рис. 2. Шлемы и бармицы из сяньбийских памятников:
 1-12 - Лаохэшэнь; 13-18 - Шизэртай; 19-21 - гробница в Сини, Нинся-Хуэйский авт. р-н
 (Северная Вэй, 386-395 гг.).

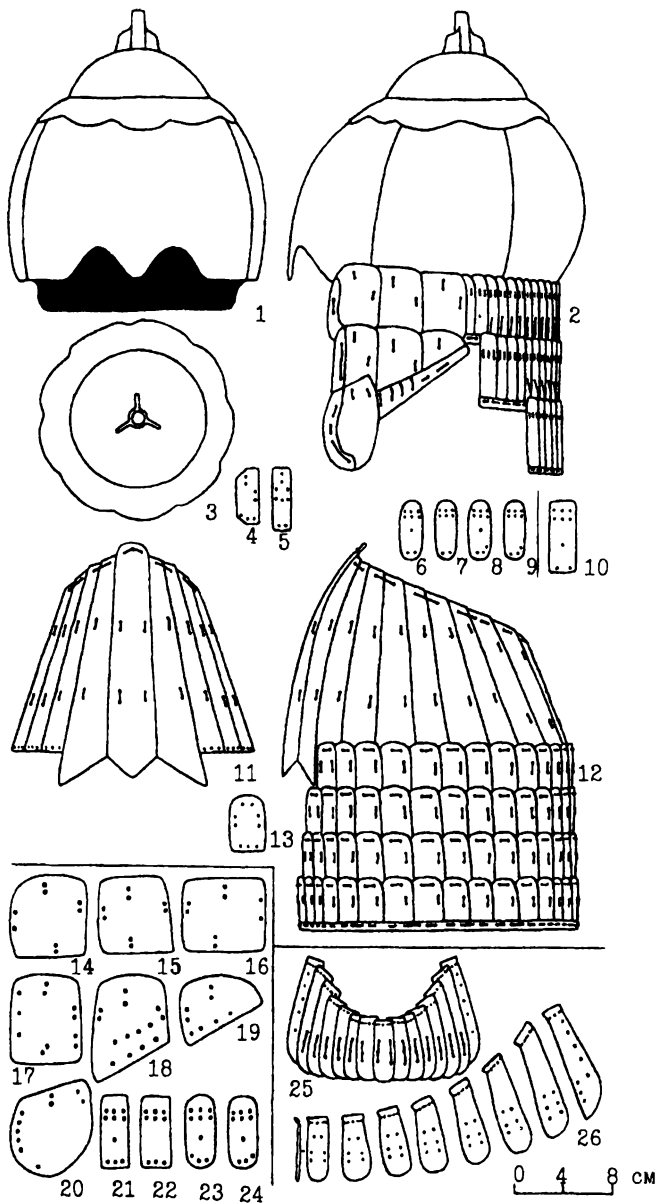

Рис. 3. Шлемы и бармицы из крепости Лим Чан

Тип 9. Овальнопрямоугольные со скошенным краем. Ровный край пластины срезан по наклонной. **Вариант а)** – с 14 отверстиями (рис. 3, 18): четыре боковых (2 и 2), два срединных и восемь окантовочных. Размеры пластин 5,6–8,4х6,4 см. **Вариант б)** – с 8 отверстиями (рис. 3, 19): два боковых, два срединных и четыре окантовочных. Размеры пластин 2,4–6х6,8 см. **Вариант в)** – с 10 отверстиями (рис. 3, 20): семь боковых (5 и 2), два срединных и одно окантовочное. Размеры пластин 6,4–7,8х6,8 см. Все пластины данного типа от 1 бармицы (Лим Чан: №7А).

Отдел IV. С боковыми, срединными (верхними и центральными) и окантовочными (нижними и иногда боковыми) отверстиями. Отличие от предыдущих отделов в расположении срединных отверстий по верхнему краю и в центре пластины. Нижние отверстия используются уже только для крепления канта. Крайние в полосе пластины могут иметь дополнительные окантовочные отверстия вдоль боковых сторон. Подвижный способ крепления [4, с. 46].

Тип 10. Овальнопрямоугольные. **Вариант а)** – с 9 (10,12) отверстиями (рис. 1, 27, 28, 30, 36, 37, 38, 41, 44, 49, 50, 56, 57, 58, 61, 62, 63): четыре боковых (2 и 2), три срединных (2 верхних и 1 центральное или наоборот) и два окантовочных. Часть крайних пластин имеет сбоку дополнительные окантовочные отверстия: одно (рис. 1, 36, 38) или три (рис. 1, 61, 62). Размеры пластин 5,3–11,8х1,4–3 см. От 11 панцирей (Лим Чан: №2F, 3А, 3В, 13, 18А, 32, 18В, 12, 38, 34, 48). **Вариант б)** – с 8 (10) отверстиями (рис. 1, 40, 53, 54, 55): четыре боковых (2 и 2), три срединных (2 и 1) и одно окантовочное. У крайних пластин по паре боковых окантовочных отверстий (рис. 1, 53, 55). Размеры пластин 5–7,8х1,8–2 см. От 2 панцирей (Лим Чан: № 16А, 2С). **Вариант в)** – с 10 отверстиями (рис. 1, 39): четыре боковых (2 и 2), три срединных (2 и 1) и три окантовочных. Размеры пластин 8х3,5–3,8 см. От 1 панциря (Лим Чан: № 16А). **Вариант г)** – с 10 (11) отверстиями (рис. 1 23, 24, 25): четыре боковых (2 и 2), четыре срединных (2 и 2) и два окантовочных. Крайние пластины имеют по одному боковому отверстию для канта (рис. 1, 23, 25). Размеры пластин 7,8х2,3 см. От 1 панциря (Лим Чан: №2А). **Вариант д)** – с 11 отверстиями (рис. 1, 26, 35, 48, 60): четыре боковых (2 и 2), четыре срединных (2 и 2) и три окантовочных. Размеры пластин 5,6–8,3х3,3–4 см. От 4 панцирей (Лим Чан: №2F, 13,47,48). **Вариант е)** – с 12 отверстиями (рис. 1, 47): четыре боковых (2 и 2), пять срединных (4 и 1) и три окантовочных. Размеры пластин 7х3,6 см. От 1 панциря (Лим Чан: №47). **Вариант ж)** – с 13 отверстиями (рис. 1, 46): четыре боковых (2 и 2), шесть срединных (4 и 2) и три окантовочных. Размеры пластин 6,8х3,6 см. От 1 панциря (Лим Чан: №47). **Вариант з)** – с 15 отверстиями (рис. 1, 22): четыре боковых (2 и 2), восемь срединных (4 и 4) и три окантовочных. Размеры пластин 7,8х3,9 см. От 1 панциря (Лим Чан: № 2А). **Вариант и)** – с 13 отверстиями (рис. 1, 7, 8, 10, 12, 13): восемь

боковых (4 и 4), три срединных (2 и 1) и два окантовочных. Размеры пластин 13–16x4,5 см. От 1 попоны (Шиэрта́й: №88М1).

Тип 11. Овальнопрямоугольные со скошенным краем. **Вариант а)** – с 13 отверстиями (рис. 1, 11): состав как у типа 10и. Размеры пластин 9–13,5x4,5 см. От 1 попоны (Шиэрта́й: №88М1).

Тип 12. Прямоугольные. **Вариант а)** – с 9 отверстиями (рис. 1, 43; 3, 5, 10): состав как у типа 10а. Размеры пластин 5,7–6x1,6–2,3 см. От 1 панциря и 2 бармиц (Лим Чан: №32, 24, 4). **Вариант б)** – с 10 отверстиями (рис. 3, 21): состав как у типа 10в. Размеры пластин 6,2x2,5 см. От 1 бармицы (Лим Чан: №7А). **Вариант в)** – с 13 отверстиями (рис. 1, 5, 6): состав как у типа 10и. Размеры пластин 6,8–8,2x3,2–3,6 см. От 1 панциря (Шиэрта́й: №88М1). **Вариант г)** – с 14 отверстиями (рис. 1, 14): восемь боковых (4 и 4), три срединных (2 и 1) и три окантовочных. Размеры пластин 8,6x5–5,3 см. От 1 попоны (Шиэрта́й: №88М1). **Вариант д)** – с 18 отверстиями (рис. 1, 15): 12 боковых (8 и 4), три срединных (2 и 1) и три окантовочных. Размеры пластин 8,2x5,2 см. От 1 попоны (Шиэрта́й: №88М1). **Вариант е)** – с 20 отверстиями (рис. 1, 51): восемь боковых (4 и 4), девять срединных (3 и 6) и три окантовочных. Размеры пластин 11x7 см. От 1 попоны (Лим Чан: №16В).

Тип 13. Овальные. **Вариант а)** – с 9 отверстиями (рис. 3–6): состав как у типа 10а. Размеры пластин 4,7x1,6 см. От 1 бармицы (Лим Чан: №41). **Вариант б)** – с 10 отверстиями (рис. 3, 8, 23, 24): состав как у типа 10в. Размеры пластин 4,7–6,2x1,6–2,5 см. От 2 бармиц (Лим Чан: №41,7А).

Отдел V. С боковыми и окантовочными (верхними и нижними) отверстиями. Боковые отверстия служат для соединения в полосу, верхние и нижние для крепления канта.

Тип 14. Овальнопятиугольные. Пластина имеет форму пятиугольника, основание которого закруглено. **Вариант а)** – с 13 отверстиями (рис. 1–17): восемь боковых (4 и 4) и пять окантовочных (2 нижних и 3 верхних). Размеры пластины 22x2,5–3,5 см. От 1 панциря (Шиэрта́й: №88М1).

Тип 15. Пятиугольные со скошенным краем. **Вариант а)** – с 14 отверстиями (рис. 1, 18): восемь боковых (4 и 4) и шесть окантовочных (3 и 3). Размеры пластин 15,5–21,5x2,3–3,2 см. От 1 панциря (Шиэрта́й: №88М1).

Тип 16. Овальнопрямоугольные со скошенным краем. **Вариант а)** – с 13 отверстиями (рис. 1, 19): восемь боковых (4 и 4) и пять окантовочных (3 и 2). Размеры пластин 7–15x2,4–3 см. От 1 панциря (Шиэрта́й: №88М1).

Тип 17. Прямоугольные со скошенным краем. **Вариант а)** – с 15 (16) отверстиями (рис. 1–16,20): восемь боковых (4 и 4) и семь или восемь окантовочных (3 и 4 или 4 и 4). Размеры пластин 6–8x2,2–4,5 см. От 1 панциря и 1 попоны (Шиэрта́й: №88М1).

Отдел VI. С боковыми и окантовочными (верхними) отверстиями. В отличие от предыдущего отдела отверстия для канта есть только по верхнему краю.

Тип 18. Овальнопрямоугольные. **Вариант а)** – с 7–9 отверстиями (рис. 3, 26): шесть или восемь боковых (3 и 3 или 3 и 5) и одно или два окантовочных. Размеры пластин 5,4–9,5х1,8–2,4 см. От 1 бармицы (Лим Чан: №18С).

В результате систематизации материала выделены: 1 группа, 1 разряд, 1 раздел, 6 отделов, 18 типов, дополненных 41 вариантом (рис. 6, 7).

Отметим также ряд признаков сяньбийских пластин, не включенных в классификацию. Толщина пластин 1,5 мм, диаметр отверстий 2–4 мм. В поперечном и продольном сечении большинство пластин слегка выгнуто или «S»-видной формы. Однако, встречаются экземпляры со специальным профилем: сильно вогнутые, «С»-видные (рис. 1, 17–20) – для набора панцирного воротника (рис. 1, 21); «Г»-образные (рис. 3, 26) – наиболее подходящие для набора бармицы ниже подбородка (рис. 3, 25); серповидные (рис. 1, 9) – судя по аналогиям [5, с. 151, рис. 1, 21], для набора панциря в районе пояса; с одним отогнутым боком (рис. 1, 8) – вероятно, для лучшей сошнуровки створок панциря.

Рассмотрим происхождение и развитие сяньбийских пластин. Защитные пластины из железа появляются в Восточной Азии с III в. до н.э., а ламеллярная структура набора элементов брони и их вертикальное направление глубоко традиционны для этого региона [4, с. 38, 41]. Пластины с системами отверстий I, II, III отделов типологически наиболее ранние. Эти системы начинают широко применяться в защитных пластинах хунну, ханьцев и племен Дальнего Востока с конца III в. до н.э., а экземпляры II отдела известны в Китае уже с V в. до н. э. В дальнейшем пластины I–III отделов используются до начала II тыс. [4, с. 43–44, 50–51]. У сяньби из экземпляров I отдела набирались панцири, из II отдела – панцири и бармицы, из III отдела – панцири, бармицы и попоны.

Пластины с системой отверстий IV отдела раньше всего фиксируются в сяньбийском памятнике Шиэртай, начала IV в. и в дальнейшем применяются сяньби во всех гетерогенных видах брони. Исходной моделью для отдела IV могли послужить некоторые образцы хуннских и ханьских пластин, которые служили для набора наиболее гибких частей бармиц и панцирей [6, рис. 3, 3 (24); 10, рис. 1, 12, 14, 17, табл. I, 1, 2]. Сяньби, видимо, окончательно доработали данную систему отверстий, придав ей классическую схему (рис. 7) и использовали ее для полного набора доспеха. Это значительно повысило гибкость брони, позволило увеличить ее площадь, облегчило хранение и транспортировку. От сяньби пластины IV отдела быстро перенимаются соседними и более отдаленными народами. С раннего средневековья эта система отверстий становится господствующей

езде, где применяется ламеллярный доспех, а в некоторых районах доживает до нового времени [4, с. 46–47].

Пластины V и VI отделов имеют узкоспециализированные системы отверстий и использовались в сяньбийском доспехе при наборе его отдельных составляющих – воротник панциря (рис. 1–21), часть бармицы (рис. 3–25). Похожие системы применялись в китайских пластинах для шнуровки панцирных воротников [6, рис. 2. 1, 4, 3–3 (1, 7)].

Среди сяньбийских пластин преобладают экземпляры овальнопрямоугольной формы (типы 1, 2, 4, 8–11, 16, 18). На востоке Азии они появляются около середины I тыс. до н.э. в составе чешуйчатого доспеха принятого сакскими племенами. С III в. до н.э. их начинают применять, сначала хунну, а затем и соседние народы, в ламеллярной броне [4, с. 42–43]. Пластины овальной формы (типы 6, 13) попадают в Восточную Азию вместе с овальнопрямоугольными, но используются гораздо реже [4, с. 44–45]. У сяньби они фиксируются в составе бармиц. Прямоугольные пластины (типы 3, 5, 12, 17) в восточно-азиатском регионе самые древние и дольше других были в употреблении [4, с. 45]. Элементы брони пятиугольной формы (типы 14, 15) имеют западно-азиатское происхождение, а в восточных областях становятся известны с конца III в. до н.э. В железном материале они более характерны для Средней Азии [4, с. 50]. Самые редкие это шестиугольные пластины (тип 7), которые похожи на экземпляры от ханьских панцирей [10, рис. 1, 4, 5]. Такие детали оформления сяньбийских пластин как вогнутые бока (тип 8) и скошенный край (типы 9, 11, 15–17) могут являться самобытными.

В развитии сяньбийских защитных пластин выделяются два этапа. На первом из них (I–III вв.) применялись пластины I–III отделов, овальнопрямоугольной формы, имеющие укороченные пропорции (длина до 7 см). Наиболее точные аналогии они находят среди экземпляров хуннской [6, рис. 1, 10, 3, 2, 3 (9, 17, 22, 23, 27–29)] и, реже, ханьской [10, рис. 1, 6, 7; 22, рис. 15, 1, 2] брони конца III в. до н.э. – I в. н.э. На первом этапе типовой набор сяньбийских пластин невелик (3 типа, 4 варианта) и уступает по разнообразию хуннскому и, тем более, ханьскому набору. Второй этап (IV–VI вв.) характеризуется быстрым увеличением типового состава сяньбийских пластин (5 отделов, 17 типов, 38 вариантов), появляется новая более совершенная система отверстий (отдел IV), а также экземпляры средних (7–12 см) и удлиненных (более 12 см) пропорций. Именно сяньбийские пластины второго этапа стали основой для развития элементов средневековой ламеллярной брони [4, с. 53].

Панцири

Судить о конструкции сяньбийских панцирей только по вещественным материалам достаточно сложно. Этому препятствует не количество нахо-

док, а редкость их реконструкции и моделирования. В целом китайские исследователи приобрели в этом направлении достаточный опыт, но пока эн больше реализуется на ханьском доспехе [10; 21; 22]. Исключением является погребение №67 могильника Лаохэшэнь, на материалах которого создана реконструкция и модель сяньбийского панциря [14, с. 132–138, рис. 125, 126]. Согласно ей данный панцирь представлял собой одночастную кирасу с пластинчатыми ляжками и разрезом по правому боку. Эта конструкция сильно напоминает западный «клаппенпанцер». Модель сяньбийского панциря из Лаохэшэнь явно сделана в подражание ханьским экземплярам, действительно имевшим такой покрой (часто дополнявшийся нарукавьями), о чем свидетельствуют как их находки [10, табл. I–1; 21, рис. 2, табл. I, 6, 7; 22, рис. 8, 9, 13, табл. I], так и изображения [12, рис. 18]. Между тем в могиле №67 зафиксированы только нагрудная и наспинная части панциря без пластинчатых лямок, что делает более вероятным другой его покрой в виде двухчастной кирасы с оплечными ремнями и завязками по бокам [6, с. 49, рис. 1, 3]. Вызывает также сомнение направление пластин лаохэшэньского панциря сверху вниз (чешуей), опять же, как у ханьских образцов. У кочевников гораздо чаще доспехи набирались то принципу снизу вверх.

Анализ сяньбийских панцирей следует проводить путем сопоставления их вещественных находок с многочисленными изображениями, дающими представление о цельной конструкции этого вида доспеха [5; 11; 16; 17; 18]. Сяньбийские панцири относятся к группе из твердых материалов (железо, толстая плотная кожа), **разряду** без мягкой основы (детали соединяются между собой), **разделу** гетерогенных (набранных из небольших деталей-пластин) и **отделу** ламеллярных (пластины соединяются при помощи ремешков) [4, с. 54–55]. По покрою, они делятся на типы, а по наличию дополнительных частей на варианты.

Тип 1. Средняя кираса. Панцирь состоит из двух частей: нагрудника и наспинника, прикрывающих корпус воина до начала бедер и соединенных оплечными ремнями и боковыми завязками. **Вариант а)** – без дополнительных деталей. Реконструируется по остаткам доспеха из погребения №67 могильника Лаохэшэнь (рис. 8–4). Весьма вероятно, что и остальные фрагменты панцирей из этого памятника принадлежат к данному типу.

Тип 2. Длинная кираса. Покрой аналогичен типу 1, но прикрывает корпус воина до середины бедер. **Вариант а)** – с бронированным стоячим воротником. Последний состоит из полосы ламеллярных пластин крепящихся к воротнику поддоспешной одежды, либо к специальной основе надеваемой отдельно от панциря и придавливающейся оплечными ремнями. Реконструируется по статуэткам пеших воинов династии Северная Вэй (рис. 5–1). **Вариант б)** – с бронированным воротником и нарукавьями. Воротник аналогичен предыдущему варианту. Нарукавья набраны из ламеллярных пластин, крепятся к оплечным ремням и закрывают руки до лок-

тей. Реконструируется по статуэткам конных воинов династии Северная Вэй (рис. 5, 2). **Вариант в** – с клапаном и нарукавьями. К наспинной части кирасы крепится небольшой клапан фигурноскобчатой формы (металл или твердая кожа). Нарукавья как у предыдущего варианта. Реконструируется по статуэткам конных воинов династии Северная Вэй (рис. 5, 3). **Вариант г** – с клапаном, нарукавьями и ножницами. Первые две детали как у предыдущего варианта. Ножницы представляют собой лопасти, набранные из ламинарных полос (металл или твердая кожа), которые крепятся на талии, под кирасой, специальным поясом и закрывают ноги до пят. Реконструируется по статуэткам конных воинов династии Северная Вэй (рис. 5, 4). Возможно, к вариантам а) и б) относится комплект панцирных пластин из гробницы №88M1 памятника Шиэртай (рис. 8, 5), а варианты в) и г) могли состоять из комплектов пластин с крепости Лим Чан (рис. 8, 6).

Тип 3. Короткая кираса. Покрой панциря аналогичен типам 1 и 2, но прикрывает корпус воина до талии. **Вариант а)** – с ожерельем и нарукавьями. Ожерелье надевалось поверх кирасы и состояло из полосы ламеллярных пластин, непосредственно к которой крепились нарукавья такой же структуры. Вся конструкция защищала нижнюю часть шеи, верхнюю часть груди и спины, плечи и руки до локтей. Реконструируется по статуэтке конного воина династии Северная Ци (рис. 5, 5). Такой панцирь мог включать в себя комплекты пластин из крепости Лим Чан (рис. 8, 7).

Изобразительные источники также свидетельствуют о бытовании у сяньби полностью ламинарных панцирей по покрою аналогичных типу 2г [5, рис. 1, 14].

Панцири-кирасы появились не позднее II тыс. до н.э. конвергентно в нескольких регионах Евразии и существовали на протяжении длительного времени [4, с. 58; 5, с. 157, 173]. У сяньби они начинают применяться, во всяком случае, в достаточно массовом порядке с конца I в. и в дальнейшем остаются основным покровом панцирей, видоизменяясь за счет своих размеров и добавления различных частей. Хорошо датируемые сяньбийские памятники позволяют проследить генезис этих панцирей последовательно. В конце I–III вв. сяньби используют наиболее простые кирасы без дополнительных деталей (тип 1а) характерные для остальных кочевников Центральной Азии, и первоначально распространявшиеся, в железном материале, через хунну. Начиная с IV в. сяньбийские панцири увеличиваются по площади бронепокрывтия и начинают снабжаться стоячими воротниками и нарукавьями (тип 2 а, б). Эти детали могли быть заимствованы в результате более близкого знакомства с китайским доспехом во время подчинения территории Северного Китая. На протяжении V – начала VI вв. к кирасам добавляются ножницы, а воротники заменяются на небольшие клапаны (тип 2 в, г). Первые возможно продукт влияния корейского доспеха [5, рис. 4, 6–9]. В середине VI в. появляются короткие всаднические кирасы с ожерельями и нарукавьями (тип 3а).

Рис. 5. Погребальные статуэтки северных династий изображающие сяньбийских воинов: —

1, 2 – гробница в Сини, Нинся-Хуэйский авт. р-н (Северная Вэй, 386–395 гг.); 3, 4 – гробница Ван Вэня, Бэйчэнь, пр. Хэнань (Северная Вэй, 532 г.); 5 – гробница Лоу Жуэя, Тайюань, пр. Шаньси (Северная Ци, 550–577 гг.); 6 – гробница Ли Сианя, Гуюань, Нинся-Хуэйский авт. р-н (Северная Чжоу, 572 г.).

Шлемы

Находки сяньбийских шлемов насчитывают представительную серию целых или легко реконструируемых экземпляров. Изобразительные источники выступают здесь в качестве вспомогательной информации. По материалу изготовления сяньбийские шлемы относятся к группе из твердых материалов (железо) и разряду без мягкой основы [4, с. 66–67]. По способу крепления деталей шлема они делятся на разделы, по структуре набора купола-тульи на отделы, по форме купола и навершия на типы, по структуре бармицы на варианты.

Раздел I. На ремennom креплении. Все части шлема соединяются между собой при помощи ремешков.

Отдел I. Узкопластинчатые. Купол шлема собирается из узких пластин-полос образующих горизонтальный ряд.

Тип 1. Конические со сферическим навершием. **Вариант а)** – с ламеллярной бармицей из двух полос (рис. 2, 1–3). Купол шлема состоит из 22 пластин. С лицевой стороны имеются прямоугольные надбровные вырезы с коротким треугольным переносом. Размеры шлемов: высота 20,2 см, диаметр тульи 20,4x22,4 см, диаметр навершия 10 см. 2 экземпляра (Лаохэшэнь: №67, 97). Похожие шлемы изображены на статуэтках воинов династии Северная Вэй (рис. 2, 20).

Тип 2. Сферокопнический с полушаровидным навершием. **Вариант а)** с ламеллярной бармицей из трех полос (рис. 2, 8–10). Купол шлема состоит из 20 специально изогнутых пластин, придающих шлему своеобразную ярусность. С лицевой стороны имеются прямоугольные надбровные вырезы с коротким треугольным переносом. Размеры шлема: высота 21,2 см, диаметр тульи 20,4x22,4 см, диаметр навершия 8,5 см. 1 экземпляр (Лаохэшэнь: № 56). Похожие шлемы изображены на статуэтках воинов династии Северная Вэй (рис. 2, 19, 21; 5, 1, 2).

Тип 3. Сферический с плоским навершием. **Вариант а)** – с ламеллярной бармицей из трех полос (рис. 2, 13–15). Купол шлема состоит из 32 пластин. С лицевой стороны имеются дуговидные надбровные вырезы с коротким треугольным переносом. Размеры шлема: высота 17,6 см, диаметр тульи 22,4x23,6 см, диаметр навершия 6,5 см. 1 экземпляр (Шиэртай: №88M1). К данному типу относятся еще два шлема из крепости в горах «Гаозр», хранящиеся в музее г. Шэньяна (КНР, провинция Ляонин) и, к сожалению изданные только в фотографиях [13]. Их купола состоят из 28 пластин, а с лицевой стороны имеются прямоугольные вырезы. Датируются эти экземпляры пределами IV–VI вв.

Тип 4. Конусовидный венец без навершия. **Вариант а)** – с ламеллярной бармицей из четырех полос (рис. 3, 11, 12). Купол шлема состоит из 21 пластины. С лицевой стороны имеются треугольные надбровные вырезы и короткое переносе такой же формы. Размеры шлема: высота 19,5–

10 см, диаметр тульи 20х23,5 см. 1 экземпляр (Лим Чан: №15). Похожий шлем изображен на статуэтке воина из Китая IV–V вв. [5, рис. 9, 3].

Раздел II. Клепаннные. Части шлема соединяются металлическими заклепками. **Отдел II. Секторные.** Купол шлема формируют широкие и крупные пластины-сектора.

Тип 5. Сферические со сферическим навершием. Вариант а) – с ламеллярной бармицей из трех полос (рис. 3, 1–3). Купол состоит из четырех секторов. С лицевой стороны имеются дуговидные надбровные вырезы и короткое закругленное переносье. Навершие оформлено по краю девятью лепестковыми вырезами. Его венчает трехлучевая втулка для плюмажа. Размеры шлемов: высота 20,3–27 см, диаметр тульи 19,5–20х22–23,3 см, диаметр навершия 14,5–16 см. 11 экземпляров (Лим Чан: №7А, 41, 4, 24, 18D, 10, 14А, 35, 42, 14В, 25). Похожие шлемы изображены на статуэтках воинов династий Северная Вэй и Северная Ци (рис. 5, 3–5).

Судя по изобразительным источникам, у сяньби бытовали и ламеллярные шлемы по форме близкие к типу 3 (рис. 5, 6).

В Восточной Азии железные шлемы появляются с III в. до н.э. и сначала имеют ламеллярную структуру набора. В ханьское и постханьское время они широко используются на территории Китая и известны в Центральной Азии у хунну [4, с. 69; 5, рис. 9, 1, 2; 10, табл. 1, 2; 22, рис. 16, 17]. Первые сяньбийские шлемы узкопластинчатые типов 1,2. Они применялись в конце I–IV вв. (рис. 8, 8, 9) и вероятно произошли от аналогичных хуннских образцов, на возможное существование которых указывают находки длинных пластин из городища Эршицзяцзу [6, рис. 3, 3 (18–20)]. Дальнейшим развитием сяньбийских узкопластинчатых шлемов являются типы 3, 4 (рис. 8, 10, 11) бытовавшие в IV–VI вв. Форма последних из них (шлемы-венцы) была известна уже в ханьском и постханьском Китае, но собиралась из ламеллярных пластин [5, рис. 9, 1, 2; 22, рис. 17]. В VI в. состав сяньбийского доспеха пополняется шлемами новой конструкции – секторными, типа 5 (рис. 8, 12). Они послужили исходной моделью для развития целой серии раннесредневековых боевых наголовий [4, с. 72].

Попоны

Представление о конструкции сяньбийских конских панцирей пока дают только изобразительные материалы. Дело здесь также не в находках, а в отсутствии их моделирования. Попоны сяньбийских боевых коней относятся к группе из твердых материалов, **разряду без мягкой основы, разделу гетерогенных** [4, с. 79]. По составу брони попоны делятся на отделы, а по крою на типы.

Отдел I. Ламеллярные. Части попоны набираются из отдельных относительно небольших пластин соединяющихся ремешками.

Тип 1. Пятичастная из нашейника, нагрудника, двух боковин и накрупника. Нашейник крепится между своими сторонами при помощи ремней через гриву лошади. Часто это место закрывается мягким нагривником. Нагрудник застегивается через основание шеи лошади и с боковинами, которые соединены между собой сзади и с накрупником. Реконструируется по статуэткам боевых коней династий Северная Вэй и Северная Чжоу (рис. 5, 2, 6). Зачастую на таких изображениях попона воспринимается как монолит, но более тщательные фигурки позволяют рассмотреть именно пятичастную конструкцию [5, рис. 6, 1, 2, 8].

Тип 2. Пятичастная из нашейника-нагрудника, двух боковин, накрупника и задника. Нашейник и нагрудник набраны одним листом и крепятся через гриву и с боковинами. Последние и накрупник соединяются с задником. Реконструируется по статуэтке боевого коня династии Северная Ци (рис. 5, 5).

Отдел II. Ламинарные. Части попоны набираются из пластин-полос при помощи ремешков.

Тип 3. Двухчастная из нашейника-нагрудника и накрупника-задника. Первые части составляют один лист, крепящийся через гриву, а последние тоже один лист завязывающийся по осевому разрезу под хвостом лошади. Реконструируется по статуэткам боевых коней династии Северная Вэй (рис. 5, 4).

Типы 1 и 2 могли набираться из комплектов пластин крупных размеров обнаруженных на памятниках Шиэртай (рис. 8, 13) и Лим Чан (рис. 8, 15).

Полная конская попона из твердых материалов, ранее всего, известна в Древнем Китае (V в. до н.э.). Однако затем эстафету ее применения перехватывают народы, более, западных областей Азии (саки, кушаны, парфяне). В восточно-азиатском регионе достоверных данных о сколько-нибудь регулярном применении защитной попоны нет вплоть до рубежа III/IV вв. [4, с. 80]. Видимо именно сяньби с начала IV в. начинают интенсивно использовать полную попону для защиты коней. Многочисленные изображения всадников на бронированных лошадях, подкрепленные вещественными находками, как нельзя лучше подтверждают это [5; 11; 15–19]. Развитие попон шло по пути отбора различных комбинаций покроя, с целью повысить эффективность защиты, не увеличивая ее веса (рис. 8, 13–15). Сяньби распространили защитные попоны в Китае, Центральной Азии и на Дальнем Востоке, заложив основы для их генезиса в средневековье [4, с. 81–84].

Наголовья

Этот вид защиты хорошо известен как по изобразительным источникам, так и по немногим, но очень ярким находкам. Первые предметы, которые могли служить у сяньби для частичной защиты головы коня – это металлические налобные пластины обнаруженные в могильнике Лаохэ-

шэнь. Однако декоративный вид: орнамент на экземпляре из погребения № 97 и узкие пропорции предмета из захоронения №44 [6, рис. 1, 3, 4], позволяет считать эти предметы не столько средствами защиты, сколько украшениями узды. Аналогичные изделия применялись в ханьском Китае, Корее и хунну [6, с. 43, рис.1]. находка на памятнике Шиэртай в одной могиле украшенного налобника и полной конской маски [19, рис. 10, 14, 1] свидетельствует, что с IV в. такие налобники окончательно утратили свои защитные функции.

Сяньбийские боевые наголовья для коней относятся: к группе из твердых материалов, разряду без мягкой основы, разделу гомогенных [4, с. 85–86]. По составу брони они делятся на отделы, а по покрою на типы.

Отдел I. Цельносоставные. Наголовье собирается из нескольких монолитных частей, учитывающих анатомию головы лошади и крепящихся между собой на шарнирах.

Тип 1. Трехчастная маска. Состоит из трех основных частей: налобника и двух нащечников. К налобнику крепится пластина, прикрывающая верхнюю губу лошади и гребень, закрывающий уши (рис. 4, 1). Налобник, нащечники и гребень сделаны из склепанных полос железа. Левый нащечник снабжен тремя пряжками под затылочный, подбородочный и подгубный ремни (рис. 4, 2). Правый нащечник имеет отверстия для пришивания ремней (рис. 4, 3). Основные размеры налобника: длина 46 см, ширина 16,5–22 см, высота 3–11 см; нащечников: 34–36,5x18,5–19,5 см; гребня: 28x30,5 см. 1 экземпляр (Шиэртай: №88M1). Похожие маски изображены на статуэтках боевых коней династии Северная Вэй (рис. 5, 2).

Отдел II. Цельные. Наголовье выковывается из одного листа железа или отформовывается из куска толстой или многослойной твердой кожи с учетом анатомии головы лошади.

Тип 2. Одночастная маска. Состоит из монолита охватывающего голову коня почти целиком или наполовину. Имеет специальные вырезы для глаз. Реконструируется по статуэткам верховых коней династии Северная Вэй и Северная Ци (рис. 5, 4, 5).

Конские наголовья-маски из гомогенной брони известны в V–III вв. до н. э. на территории Китая. Однако в последующем их применение не фиксируется вплоть до IV в. С этого времени они появляются у сяньби, а затем у когуресцев и японцев. В раннем средневековье маски типов 1, 2 употребляются многими народами Восточной Азии, а с развитого средневековья и всей Евразии, становясь ведущей формой конской защиты [4, с. 88]. У сяньби цельносоставные маски (рис. 8, 13), видимо, начинают использоваться раньше, чем целиком монолитные (рис. 8, 14, 15).

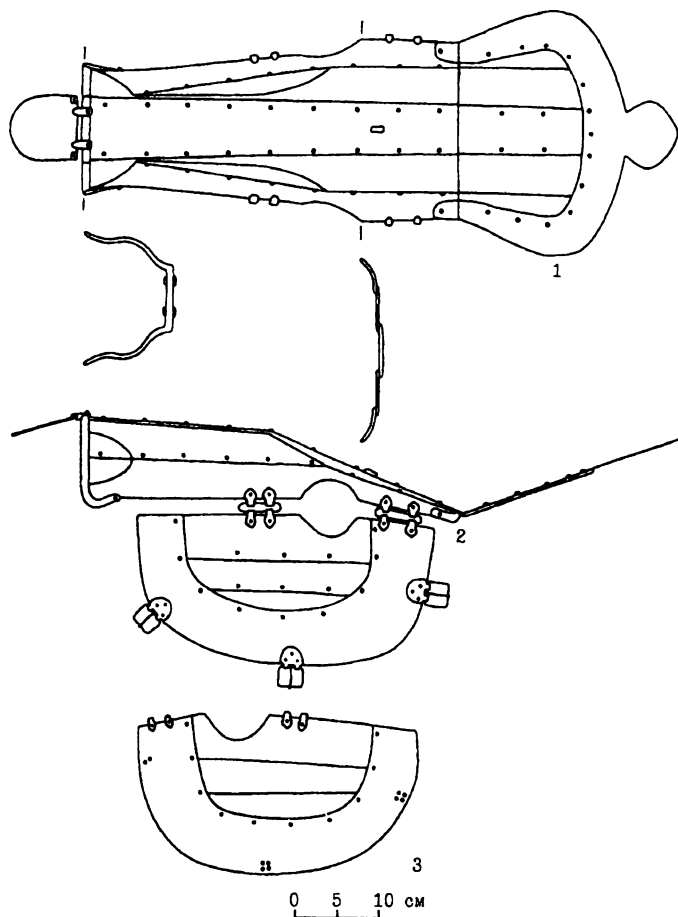

Рис. 4. Конское защитное наголовье из гробницы №88М1 в Шиэртай

Цельная картина развития сяньбийского доспеха может быть представлена характеристикой трех последовательных периодов. На раннем из них (конец I—III вв.), сяньбийское оборонительное вооружение функционирует в русле унаследованной хуннской военной традиции, что проявляется в наборе пластин, покрое панцирей и структуре шлемов (рис. 8, 1, 4, 8, 9). Сяньбийская защитная паноплия этого периода соответствует средневооруженной коннице.

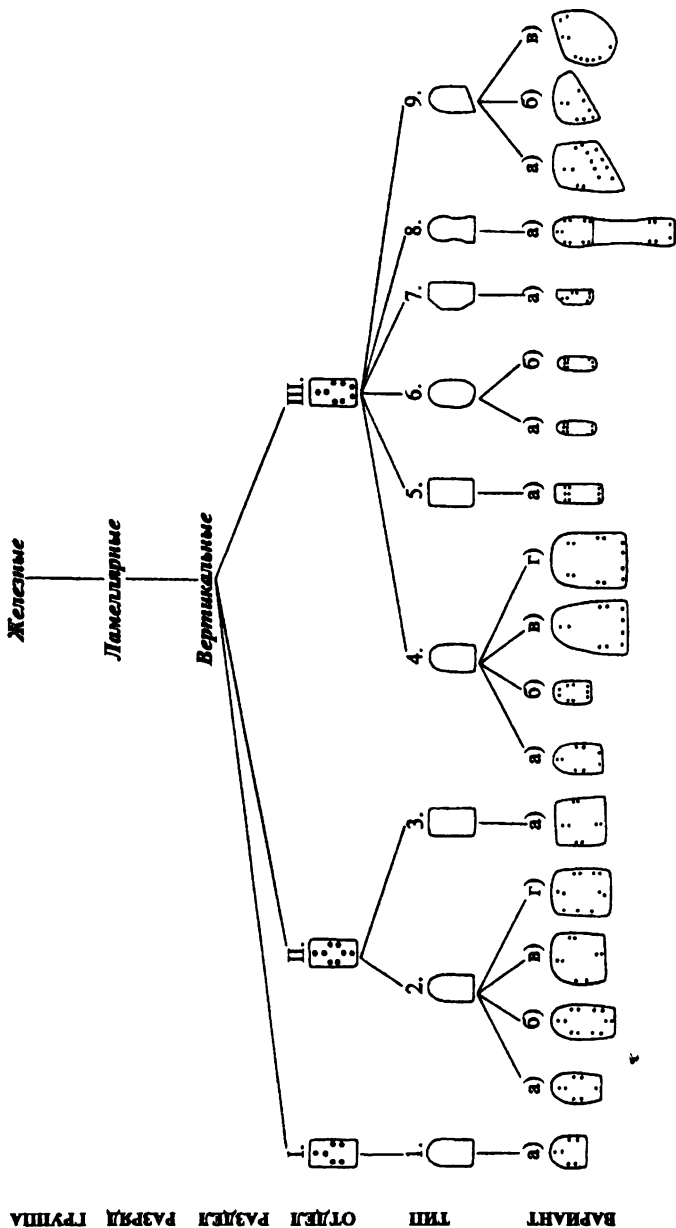

Рис. 6. Классификационная схема сяньбийских защитных пластин (начало)

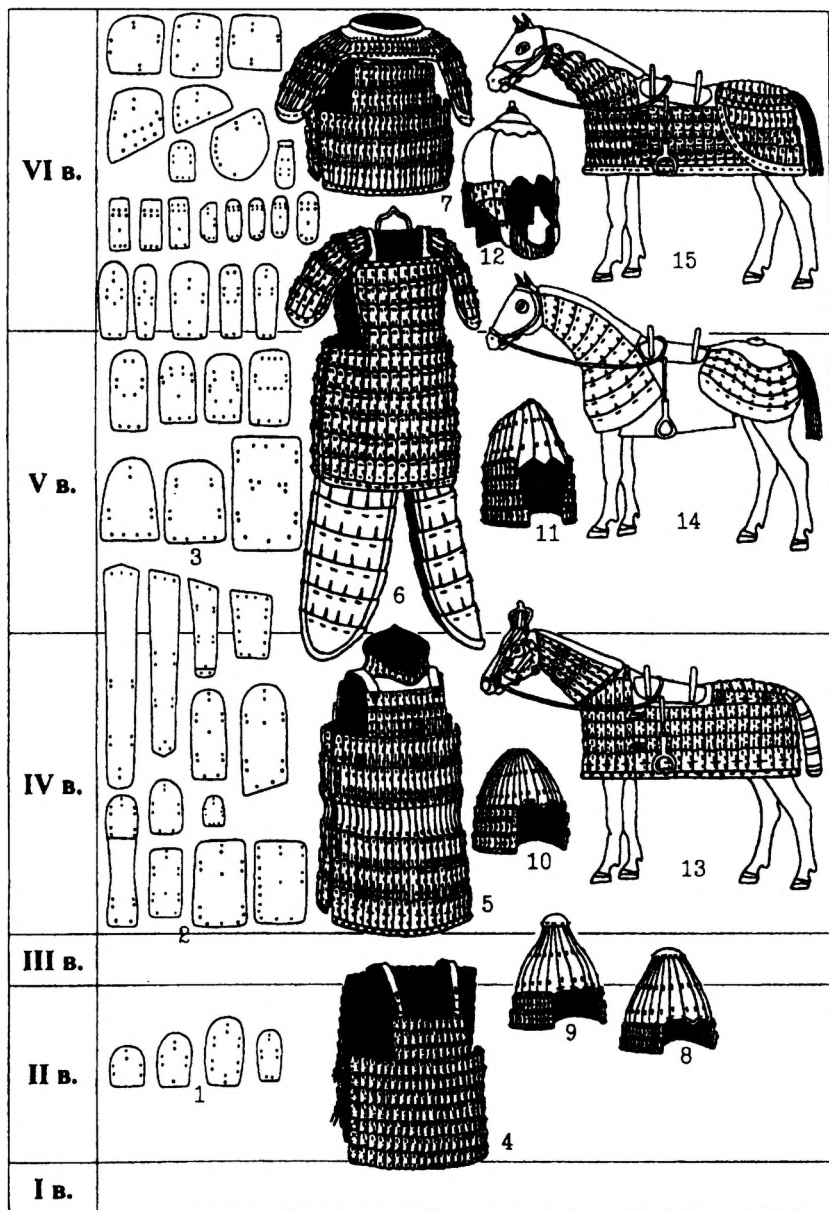

Рис. 8. Эволюция сянбийского доспеха.

В средний период (IV – начало V вв.) происходит резкий скачок производства сяньбийского доспеха. Появляются новые системы, формы и пропорции пластин, увеличивается площадь панцирей, становятся разнообразнее шлемы и вводится полный конский доспех (рис. 8, 2, 5, 10, 13). Данный процесс связан со значительным обогащением сяньбийской знати в результате отторжения районов Северного Китая и получением ей экономической базы для массового производства вооружения. Сяньбийский доспех воспринимает многие элементы китайской военной традиции, но еще больше изобретается новых, что приводит к складыванию собственно сяньбийской военной традиции. Набор оборонительной паноплии среднего периода соответствует тяжеловооруженной коннице.

Поздний период (V – конец VI вв.) характеризуется дальнейшим типовым ростом доспеха. Очень разнообразны пластины, совершенствуются панцири, создаются новые шлемы, попоны и наголовья (рис. 8, 3, 6, 7, 11, 12, 14, 15). Процесс производства вооружения приобретает китайский размах. Этому способствовало объединение Северного Китая династией Тоба, при которой сяньбийский доспех начинает широко распространяться за пределы государства. Вэйские императоры могли себе позволить раздаривать целые комплекты защитного вооружения, своим далеко не мирным соседям [1, с. 200; 7, с. 283]. Набор доспеха в поздний период по-прежнему соответствует тяжеловооруженной коннице. К концу данного периода, когда власть самих сяньби в Китае закончилась, комплекс оборонительных средств созданный ими продолжал еще какое-то время оказывать влияние на развитие вооружения в восточно-азиатском регионе. Его следы присутствуют в суйском доспехе, но особенно их много в Центральной Азии, где преемниками сяньби стали тюрки.

*Работа выполнена при поддержке РФФИ проект №03-06-80384.

Примечания

1. Бичурин Н. Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I.
2. Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991.
3. Воробьев М. В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток, 1994.
4. Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003.
5. Горелик М. В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.
6. Рец К. И., Юй Су-Хуа. К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999. Вып. 2.

7. *Таскин В. С.* Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984.

8. *Худяков Ю. С.* Защитное вооружение номадов Центральной Азии. Новосибирск, 2003.

9. *Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа.* Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2000. № 5.

10. *Бай Жонцинь.* Реконструкция комплекта железных доспехов из ханьской гробницы в северных окрестностях Сианя // Каогу, 1998. №3 (на кит. яз.).

11. *Гробницы Северной Вэй в Сини в Пэнъяне* (Музей Гуюань, Нинся) // Вэнь У, 1988. № 9. (на кит. яз.).

12. *Доклад о сопутствующих ямах в южном районе мавзолея Янлин императора Цзин-ди династии Хань* // Вэнь У, 1994. №6 (на кит. яз.).

13. *Краткий отчет о раскопках крепости в горах «Гаоэр» в Мушунь, Ляонин* (Музей г. Шэньян провинции Ляонин) // Вэнь У, 1987. №2 (на кит. яз.).

14. *Лаохэшэнь в уезде Юйшу* (Институт археологии Цзилинь). Пекин: Изд-во Вэнь У, 1987 (на кит. яз.).

15. *Разведка и раскопки железных панцирей и шлемов северных династий в крепости Лим Чан, провинция Хэбэй* (Центр науки и технологии в археологии ИА, КАСС) // Каогу, 1996. №1 (на кит. яз.).

16. *Раскопки гробницы Ли Сианя и его жены династии Северная Чжоу в Гуюане, Нинся* (Музей Нинся-Хуэйского автономного района и музей Гуюань) // Вэнь У, 1985. №11 (на кит. яз.).

17. *Раскопки гробницы Лоу Жуэя династии Северная Ци в Тайюане в провинции Шаньси* (Институт археологии в провинции Шаньси и КПАМ, г. Тайюань) // Вэнь У, 1983. №10 (на кит. яз.).

18. *Раскопки гробницы с фресками династии Северная Вэй в деревне Бэйчэнь, Мэнцзинь, Лоян* (Археологическая команда Лояна) // Вэнь У, 1995. №8 (на кит. яз.).

19. *Раскопки гробницы №88М1 на кирпичном заводе в поселке Шизэртай, Чаоян* (Институт археологии Ляонина, музей Чаояна) // Вэнь У, 1997. №11 (на кит. яз.).

20. *Раскопки группы гробниц народности сяньбэй в Лаохэшэнь в Юйшу, Цзилинь* (Археологическая команда провинции Цзилинь и др.) // Вэнь У, 1985. №2 (на кит. яз.).

21. *Реставрация железных доспехов из гробницы вана Наньюэ династии Западная Хань в Гуанчжоу* (Технологический отдел ИА, КАСС и КПАМ муниципалитета Гуанчжоу) // Каогу, 1987. №9, с. 853–859.

22. *Реставрация железных доспехов из гробницы принца Ци династии Западная Хань* (Муниципальный музей Цзыбо, Шаньдун и др.) // Каогу, 1987. №11, с. 1032–1046.

ПРЕДМЕТЫ ОРУЖИЯ ДАЛЬНОГО БОЯ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЧЕГЕРАК*

В отечественной историографии вопросы выделения археологических памятников собственно сяньби еще не решены. Фактически, археологическое изучение сяньби как в нашей стране, так и за рубежом, только начинается. Поэтому представляется чрезвычайно важным ввод в научный оборот материалов археологических памятников сяньбийского времени, т. е., начала I тыс. н. э., с территории центрально-азиатского историко-культурного региона (куда следует включать и обширные районы Южной Сибири), поскольку культура сяньби могла сформироваться лишь на основе общекультурной базы центрально-азиатского населения и в условиях постоянных контактов с окружающими народами, включая сибирские. Данное обстоятельство в полной мере относится и к такой крупной части материальной культуры, как военное дело. В этой связи представляются важными результаты нашего изучения некоторых материалов по оружию с территории юга Средней Сибири, относящихся к сяньбийскому времени.

Археологическим отрядом Новосибирского государственного университета в течение ряда лет изучался крупный могильник таштыкской культуры, расположенный на левом берегу Енисея, у устья рч. Чегерак. В географическом отношении данный памятник является самым северным из известных для данной культуры. Здесь было раскопано несколько грунтовых погребений, большинство из которых, к сожалению, с разной степенью интенсивности было разграблено еще в древности. Однако сохранившиеся и попавшие в наше распоряжение материалы позволяют существенно пополнить фонд источников, относящихся к культуре населения Южной Сибири рубежа эр. В состав этих материалов входят и предметы, относящиеся к оружию дальнего боя.

Могильник Чегерак расположен на гребне большой песчаной гривы, возникшей в эпоху максимально высокого уровня воды Енисея (вероятно, в ледниковый период) как результат действия его отбойного течения в связи с нахождением несколько ниже по берегу высокой горы. В настоящее время могильник находится почти непосредственно у береговой черты Красноярского водохранилища, но во время его создания до берега Енисея было, видимо, не менее 1,5–2 км. Восточный склон гривы (обращенный к реке) очень крутой, а остальные – пологие. Ее поверхность свободна от леса, растительность представлена только травой. До раскопок площадь гривы была покрыта едва заметными, беспорядочно расположенными за-

падинами, иногда перекрывавшими друг друга, что обычно свидетельствует о разграблении могил еще в древности. В связи с отсутствием четких границ западин изучение могильника проводилось сплошным раскопом, который был поделен на части, получившие отдельную нумерацию. Раскоп № 6 был заложен на площади крупной, хорошо заметной западины овальной формы размерами 2 x 2,5 м, находящейся в центральной части могильника. В ходе выборки заполнения на площади западины неглубоко под дерном были обнаружены три фрагмента керамики, характерной для таштыкской культуры, а также фрагменты ребра человека и костей животных, фрагменты истлевшего дерева и мелкие фрагменты бересты, угольки, фрагменты кальцинированных костей человека, мелкие обломки плит девонского песчаника. На глубине около 1,1 м от уровня современной дневной поверхности в составе заполнения были обнаружены сильно окислившиеся железные наконечник стрелы и петельчатый крючок, а также еще один фрагмент керамики. Далее, на глубине около 1,5 м было зачищено уже дно могильной ямы, уровень которого определялся по остаткам уцелевшей в углах берестяной подстилки, уложенной в несколько слоев. На дне ямы в полном беспорядке лежали многочисленные кости людей, включая два черепа с крупными отверстиями в затылочных частях. Между костями найдены остатки изделий в виде свернутых из бересты трубок, смятых в результате давления грунта (четыре фрагмента). Рядом с одним из черепов обнаружены мелкие, неопределенные фрагменты гипсовой погребальной маски, скопление мелких фрагментов кальцинированных костей человека. В другой части раскопа в таком же состоянии обнаружены остатки второй маски. Почти все фрагменты погребальных масок имели следы красноватой окраски поверхности. На дне ямы обнаружены еще несколько фрагментов керамики, 7 бараньих и 4 бабки крупного рогатого скота. В двух углах ямы были зафиксированы остатки деревянных столбов толщиной около 0,25 м, врытых в грунт вертикально и установленных на каменные плитки. В двух других углах остатков столбов не сохранилось, однако были обнаружены каменные плитки под их торцы. По этим находкам можно установить границы могильной ямы: она имела вид прямоугольника размерами 2,5 x 2,2 м, ориентированного по сторонам света. Вероятно, погребальная камера имела столбовую конструкцию. Хотя погребение было сильно разрушено еще в древности, имеющиеся материалы позволяют уверенно сделать вывод о его таштыкской принадлежности [7, с. 36–45; 2, с. 236–246]. Точная датировка объекта затруднена, однако в данном случае ясно, что оно, как и весь могильник, может датироваться временем вплоть по первые два века новой эры, в возможно и несколько более поздним, что соответствует известному по данным письменных источников начальному периоду существования сяньбийского объединения.

Предметы оружия дальнего боя, как и, в целом, предметы вооружения, в памятниках таштыкской культуры являются достаточно редкими находками. По этой причине ввод в научный оборот таких материалов имеет высокую научную ценность как с учетом важности решения сянбийской проблемы, так и необходимости пополнения фонда источников по таштыкской культуре. Обнаруженный нами железный крючок сильно корродирован и частично поврежден, однако его форма и размеры прослеживаются достаточно уверенно (рис. 1, 1). Предмет выполнен путем механического изгиба прутка металла округлого сечения толщиной около 3 мм, один конец которого слегка утоньшен и плавно загнут под углом около 45 градусов, а другой круто загнут в виде петли. Утоньшенный кончик предмета слегка обломлен, а отверстие в петле не прослеживается из-за сильной коррозии металла. Вероятно, первоначально петля имела отверстие каплевидной формы размерами 2 x 4 мм. Общая длина предмета от верхней точки петли до места изгиба крюка – 27 мм. Назначение этого изделия как крюка для несения или поддержки какого-то предмета не вызывает сомнения. Наконечник стрелы сильно корродирован, однако его форма и размеры также прослеживаются уверенно (рис. 1, 2). Это изделие с листовидной формой пера, ромбовидного в сечении. Кончик пера плавно заострен, а противоположные концы сильно оттянуты назад, создавая шипы (их выход за линию основания черешка составляет около 9 мм). Черешок, утоньшающийся к кончику, в сечении по всей длине имеет форму квадрата, углы которого скруглены. Общая длина предмета 86 мм, длина черешка – 40 мм, максимальная ширина пера (в районе шипов) – 24 мм. Сохранившиеся остатки берестяных изделий (изделия?) имеют разные длину и ширину. Три из них (рис. 1, 3, рис. 2, 1–2) близки друг другу по ширине (в современном сплюсненном состоянии, в среднем, около 50 мм) и выполнены в 2,5–3 оборота листа бересты. Четвертый фрагмент, заметно более узкий, выполнен лишь в один оборот (рис. 1, 4). Данные находки, судя по состоянию материала и явно искусственным путем выполненному скручиванию (следов такого скручивания на остатках подстилки не зафиксировано) не могут быть частями берестяной подстилки могильной ямы. В пользу этого говорит и факт их обнаружения среди костей человека, в месте, где подстилка дна полностью отсутствовала.

Железные предметы можно достаточно уверенно интерпретировать как принадлежности оружия дальнего боя. Крючок имеет близкие аналогии в материалах ряда памятников рубежа эр, раскопанных как на данной, так и соседних территориях. В большинстве случаев такие предметы были найдены вместе с другими принадлежностями оружия дальнего боя, главным образом, со стрелами, и потому интерпретировались исследователями не в качестве принадлежностей одежды, а именно колчаных крючков [2, с. 242; 4, с. 203; 6, с. 303]. Свое происхождение железные крючки подобного вида

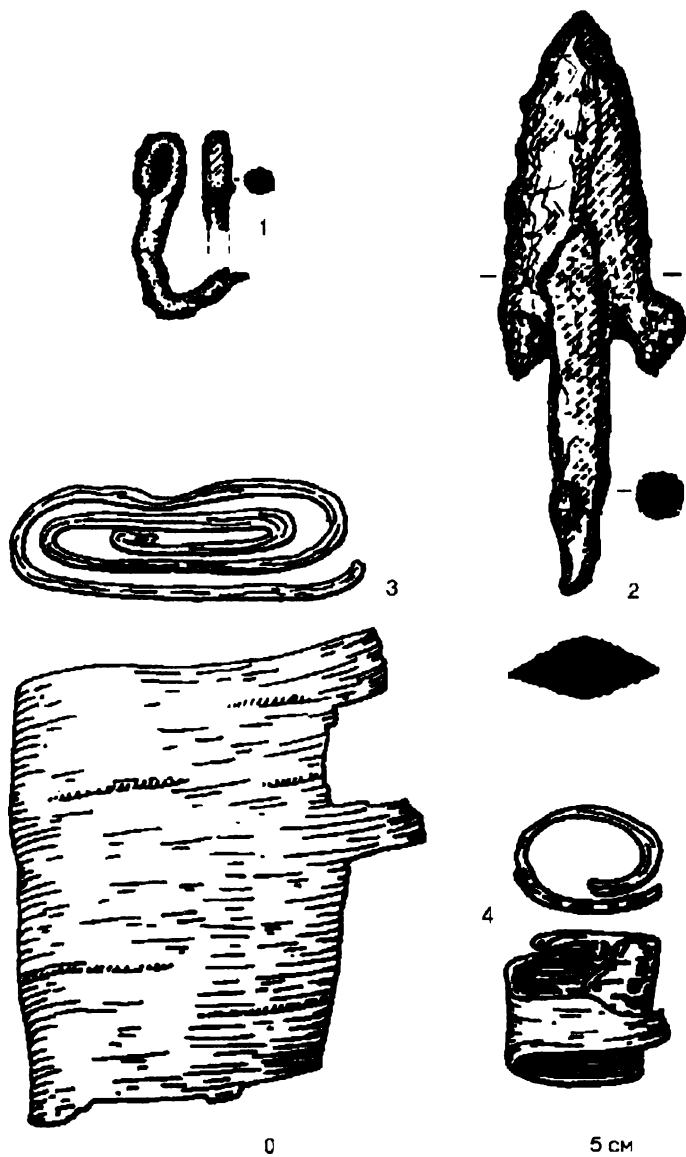

Рис. 1. Железные и фрагменты берестяных изделий

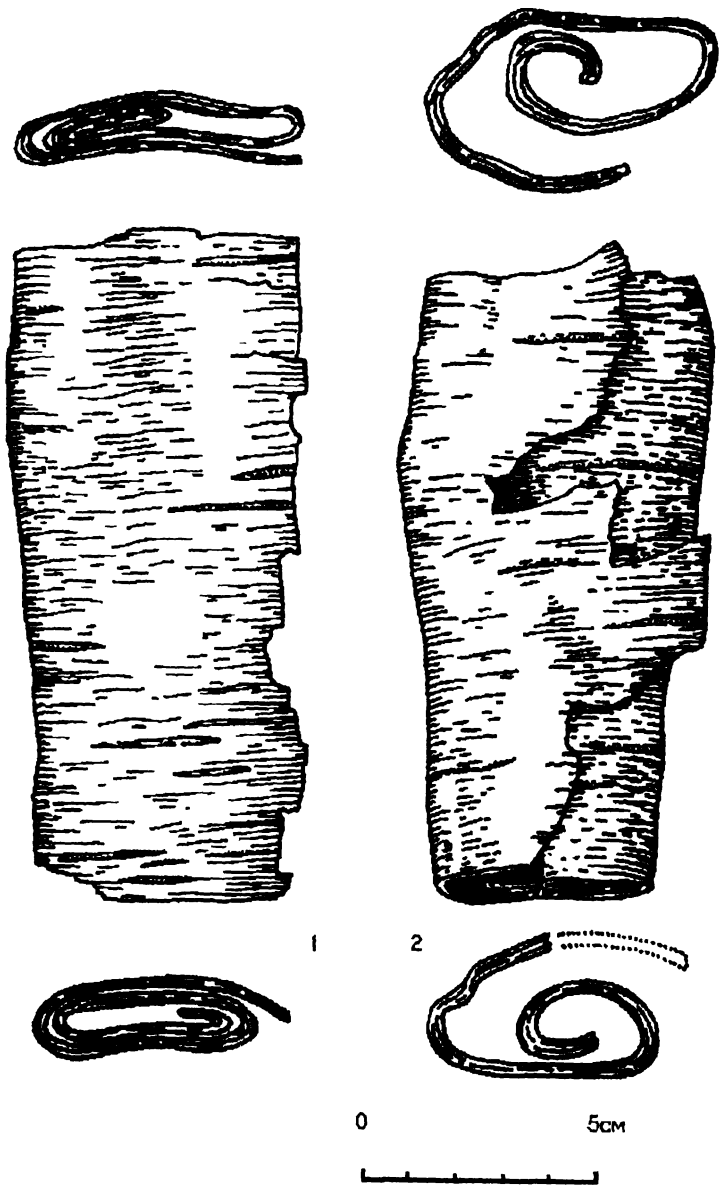

Рис. 2. Фрагменты берестяных изделий

ведут, видимо, от изделий более раннего времени, которые представляли собой аналогичным образом изогнутый бронзовый стержень, где петля и крюк располагались также в одной плоскости, но с противоположных сторон стержня [5, с. 289]. Найденный нами колчаный крюк имеет весьма малый размер, заметно меньший, чем у известных железных аналогов из других памятников. Однако считать его изделием вотивного характера нет достаточных оснований, поскольку даже столь малый размер позволял использовать его по прямому назначению. В пользу такого вывода говорит и факт того, что найденный рядом наконечник стрелы имел обычный размер.

Наконечник стрелы по материалу изготовления относится к классу железных, по сечению пера – к группе ромбических, по форме пера – к типу удлиненно-треугольных шипастых. Близких аналогий наконечнику стрелы на Енисее нет, однако похожие имеются в памятниках на других территориях. Вероятно, распространение подобных образцов на обширных территориях центрально-азиатского историко-культурного региона следует связывать с позднегуннским временем, когда были широко известны аналогичного вида костяные изделия, в силу специфики материала изготовления отличающиеся от железных лишь уплощенным черешком [10, с. 126]. Появление у железного экземпляра черешка округло-квадратного сечения можно считать явлением именно поздним, поскольку как правило, металлические наконечники стрел первоначально повторяют типы костяных (в данном случае – уплощенные черешки), а позднее, с учетом свойств новых материалов, несколько изменяются.

Найденные нами фрагменты изделий (изделия?) из бересты могут быть интерпретированы в двух основных качествах – как остатки наконечников и как остатки берестяных колчанов (колчана?). Берестяных наконечников в памятниках таштыкской культуры известно несколько, а берестяной колчан (крупного размера, без кармана) обнаружен пока в единственном числе [3, с. 240]. В пользу первого предположения говорят малые размеры наших находок по ширине, не характерные для берестяных колчанов, как упомянутого, так и известных в более позднее время. Но для наконечников они несколько велики по ширине, хотя по длине соответствуют известным находкам наконечников; кроме того, три наиболее крупных фрагмента имеют конусообразную форму – необычную для этих изделий [2, табл. 99, 1–2], но обычную для колчанов. Одновременно, в числе находок имеется и заметно меньший фрагмент берестяного изделия, который по ширине более подходит такому предмету, как наконечник. Если же верно второе предположение и это был колчан, то для изделия такого рода он представляется необычно узким, т. к. на всех известных изображениях воинов, найденных в памятниках таштыкской культуры, колчаны выглядят значительно более широкими [2, табл. 100, 13–15]. Такие же широкие колчаны известны у воинов и на писаницах Енисея гунно-сарматского времени. Однако в Евразии, хотя

и в значительно более позднюю эпоху, были известны примеры использования очень узких колчанов цилиндрической формы [1, с. 82]. Поэтому данные находки можно с равным правом считать как остатками наконечников (трех крупных и одного маленького), так и фрагментами разрушенного на три части колчана.

Конечно, полученные нами в погребении раскопа № 6 могильника Чегерак материалы никак нельзя связать собственно с сяньби. По поводу возможности контактов с ними народов Южной Сибири высказывались разные мнения [8, с. 163–169]. Но исторические свидетельства и точные доказательства пребывания сяньби на данной территории, тем более здесь, на далекой северной окраине таштыкского мира, отсутствуют и ни один из раскопанных к настоящему времени археологических памятников не может быть соотнесен с ними, как не могут быть пока выявлены даже следы их возможного культурного влияния на местное население. Вместе с тем, из письменных источников, уже использованных рядом авторов, известно, что в период начала возвышения сяньби в середине II в. н. э. их вождь Тяньшихуай «на севере отразил динлинов» [8, с. 164–165]. Это обстоятельство позволяет предположить, что в составе «динлинов» и носители таштыкской культуры могли контактировать непосредственно с сяньби и, по крайней мере, в качестве военных трофеев, ряд предметов материальной культуры мог попадать от одних к другим.

Следует обратить внимание и на следующее обстоятельство. Ранее считалось, что для хуннов не характерны шипастые наконечники стрел. Обычно они определялись в качестве местной, южно-сибирской традиции [9, с. 181]. Соответственно этому можно было полагать, что они не были характерны и для их преемников – сяньби. Но на территории Внутренней Монголии (КНР) имеются случаи обнаружения металлических шипастых черешковых наконечников стрел сяньбийского времени, хотя среди них нет абсолютно аналогичных найденному нами [11, с. 48]. Можно лишь предполагать, что и такие наконечники стрел могли использоваться сяньбийцами. По крайней мере гунны, которые действительно побывали на территории Южной Сибири, явно знали такие предметы вооружения (включая и подобные найденному нами колчаные крюки) и могли передать их сяньбийцам, тем более, что после крупного поражения от сяньби в 93 г. н. э., как известно из «Хоуханьшу», они частично вошли в состав данного племенного объединения и собственно с этого времени начинается эпоха могущества сяньби. Однако точный ответ на вопрос о возможной принадлежности сяньби подобных найденным нами предметов вооружения может быть дан только после выделения собственного предметно-вещевого комплекса последних.

Примечания

1. *Аткнин В. Д., Глинский Е. А.* Снаряжение корейского лучника // *Корейские и монгольские коллекции в собраниях Музея антропологии и этнографии.* Л., 1987.
2. *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская культура // *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* М.: Наука, 1992.
3. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. Материалы и исследования по археологии. 1949. № 9.
4. *Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У.* Гунно-сарматский период на территории Тувы // *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* М.: Наука, 1992.
5. *Могильников В. А.* Гороховская культура // *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* М.: Наука, 1992.
6. *Могильников В. А.* Саргатская культура // *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* М.: Наука, 1992.
7. *Скобелев С. Г.* Отчет об археологических раскопках в Бейском, Емельяновском, Новоселовском и Шушенском районах, об археологических разведках в Боградском и Сухобузимском районах Красноярского края в полевом сезоне 1987 года. Новосибирск, 1988.
8. *Худяков Ю. С., Алкин С. В., Юй Су-Хуа.* Сяньби и Южная Сибирь // *Древности Алтая. Известия лаборатории археологии № 4.* Горно-Алтайск, 1999.
9. *Худяков Ю. С., Мороз М. В.* Коллекция оружия из могильника Усть-Эдиган // *Археологические исследования на Катунь.* Новосибирск, 1990.
10. *Худяков Ю. С., Скобелев С. Г., Мороз М. В.* Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // *Археологические исследования на Катунь.* Новосибирск, 1990.
11. *Нэй Монгу* лиши вэнву (1957–1987). (Исторические памятники культуры Внутренней Монголии. В честь 30-летия музея Внутренней Монголии). Пекин: Народное искусство, 1987.

*Работа выполнена по гранту РГНФ № 04-01-00535а

Научное издание

ВОЕННОЕ ДЕЛО НОМАДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СЯНЬБИЙСКУЮ ЭПОХУ

Под редакцией Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева

Сборник печатается в авторской редакции

Подписано в печать 10.01.2005 г.
Формат 60x84 1/16. Офсетная печать.
Уч.-изд. л. 14,5. Тираж 200 экз.
Заказ № 569

Лицензия ЛР № 021285 от 6 мая 1998 г.
Редакционно-издательский центр НГУ
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.

